

НУМИЗМАТИКА АНТИЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ОДЕССКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

НУМИЗМАТИКА
АНТИЧНОГО
ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

КИЕВ • НАУКОВА ДУМКА • 1982

Сборник содержит ряд статей и заметок, посвященных публикации и изучению монет античного Причерноморья. Материалы сборника охватывают тысячелетний период — от VI в. до н. э. до III в. н. э. и вводят в научный оборот нумизматические памятники Северного, Восточного, Южного и Западного Причерноморья. Рассматриваются вопросы денежного обращения, монетного дела и монетной техники, суммируются данные о находках монет на побережье Черного моря, исследуются проблемы художественной культуры античных городов Причерноморья. Впервые в отечественной нумизматической литературе монеты многих причерноморских центров рассмотрены в едином комплексе, намечены пути изучения взаимодействия этих центров, взаимовлияния античных городов и окружающих их племен.

Для историков, археологов, искусствоведов, нумизматов и всех, кто интересуется материальной и духовной культурой античного мира.

Редакционная коллегия

В. Л. ЯНИН (ответственный редактор),
С. А. БУЛАТОВИЧ (ответственный секретарь),
Г. А. ДЗИС-РАЙКО, С. Б. ОХОТНИКОВ,
Д. Б. ШЕЛОВ

Рецензенты

Ю. Г. ВИНОГРАДОВ, А. В. ГУДКОВА

Редакция литературы
по социальным проблемам зарубежных стран,
археологии и документалистике

И 0503000000-066
M221(04)-82 34-82

© Издательство «Наукова думка», 1982

ОТ РЕДАКЦИИ

Несмотря на то, что побережье Черного моря в античную эпоху было заселено народами и племенами, различными по происхождению, языку, особенностям хозяйства и общественным отношениям, их развитие происходило во взаимной связи. При всех чертах своеобразия в материальной и духовной культуре, в социальной структуре и политической организации их исторический путь был во многом сходным и определялся общими закономерностями. Поэтому наряду с региональным изучением отдельных географических районов и локальных племенных групп — скифов и колхов, фракийцев и тавров, вифинцев и меотов — необходимо также исследование процесса медленно складывающегося единства народов древнего Причерноморья, в котором значительную роль играли античные города. Оживленные связи между ними способствовали формированию Понтийской державы Митридата Евпатора и вслед за ее падением привели к объединению Причерноморья в составе римского государства.

Немалая роль в восстановлении исторических процессов древнего Причерноморья принадлежит новым материалам и источникам. Археологические раскопки из года в год обогащают историков ранее неизвестными фактами и помогают глубже и правильнее осветить и истолковать немногочисленные сообщения античных авторов. Замечательные страницы прошлого раскрывают подлинные документы античной эпохи — надписи на подножиях статуй, архитектурных сооружениях, свинцовых таблицах и керамических изделиях. Особое место среди источников по истории античного мира и его культуры занимают монеты. Сам факт появления монетной чеканки является ярким показателем высокого экономического развития древних народов, уровня обмена и разделения труда. Топография кладов и единичных монетных находок позволяет установить направление торговых путей, раскрывает их сравнительное значение, свидетельствует об имущественной дифференциации и политической ориентации исчезнувших обществ. Изображения и надписи на монетах не только помогают восстановить полузабытые или

неизвестные факты из истории древних народов и государств, но позволяют также установить малоизвестные особенности их искусства, культуры и религиозных представлений. Вес монет и состав металла дают возможность изучить экономические связи между различными частями античной ойкумены, уровень горного дела и технологию металлообработки. Поэтому проблемы нумизматики — научной дисциплины, всесторонне изучающей монеты в качестве исторического источника, привлекают пристальное внимание советских археологов и историков, и количество издаваемой в стране нумизматической литературы неуклонно растет.

Одесский археологический музей имеет свои традиции в области нумизматики. Его основатель и первый директор, Иван Павлович Бларамберг, был одним из первых отечественных нумизматов и его монетная коллекция легла в основу музейного собрания. Деятельность таких видных нумизматов XIX в., как Н. Н. Мурзакевич, П. В. Беккер, П. О. Бурачков, также тесно связана с Одесским музеем. С конца прошлого столетия одесскую нумизматическую коллекцию обрабатывал и изучал А. Л. Вертье-Делагард, обогативший ее многими ценными экземплярами. В довоенные годы музей поддерживал дружественные контакты с А. Н. Зографом, основателем советской нумизматической школы. В настоящее время работа над изучением монетного дела и денежного обращения античного мира продолжается одесскими нумизматами во главе с профессором П. О. Карышковским.

Помещенные в сборнике материалы относятся к одной исторической эпохе и ограничиваются определенным географическим регионом. В нем объединены работы по проблемам экономики, политической истории и культуры; в ряде случаев специально изучены взаимосвязи между различными центрами. Особое место принадлежит публикации находок монет в Ольвии и на Боспоре, в Поднестровье и Побужье. Тематика публикуемых статей охватывает Северное и Южное Причерноморье, Фракию и Колхиду.

А. Н. ВОГРАФ

ЛУК И СТРЕЛЬБА ИЗ НЕГО НА МОНЕТАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ¹

Лук был хорошо известен в классической древности и широко применялся в военном деле. Поэтому изображения лука, стрел и вооруженных ими воинов принадлежат к числу распространеннейших монетных типов греческого мира. Анализу этих изображений посвящена специальная статья Дюбуа-Реймонда². Автор не нумизмат, а спортсмен, и его компетентное мнение в этом вопросе чрезвычайно важно. Многие мелкие подробности, непонятные археологу или даже ускользающие от его внимания, получили в статье ясное и убедительное истолкование. Особенно ценны объяснения жестов и поз при натягивании тетивы на лук и при проверке лука и стрелы в связи с типами фиванских и кидонских статеров и целого ряда монет греческого Востока. С большим удовлетворением можно констатировать, что не забыты и монеты Северного Причерноморья, которые привлечены автором далеко не в полном объеме, две из них — медная монета Пантикапея с изображением лука и медная монета Херсонеса Таврического с коленапоклоненной Девой-лучницей — воспроизведены на таблице к данной статье.

Сюжет на упомянутой монете Херсонеса, как и на золотом лампсакском статере из Берлинского собрания (табл. I, 21), автор склонен толковать как один из способов проверки правильности закрепления тетивы, для чего лук, стоя или став на одно колено, надлежит держать в вертикальном положении перед собой, стараясь убедиться в том, что тетива на всем протяжении находится строго на середине его толщи. Такое толкование можно признать убедительным для изображения персидского стрелка на лампсакском статере, где рука с луком приближена к лицу стрелка, голова наклонена вперед и взор его действительно устремлен на лук³. Херсонесская же монета отличается от статера не только положением левой ноги, упирающейся в землю, а не выставленной вперед, но и жестом правой руки с раскрытыми пальцами, касающейся или почти касающейся земли. Левая рука с луком отведена гораздо дальше от лица и спущена вниз, так что взор богини как будто скользит поверх лука к какой-то более отдаленной цели (табл. I, 22-23). Дюбуа-Реймонду к прежнему истолкованию этого мотива не позволяет присоединиться

невозможность объяснить при этих условиях бездейственное положение правой руки, так как стрелы в опущенной руке он не видит. Но должен сказать, что по крайней мере на нескольких экземплярах этих монет можно совершенно отчетливо различить стрелу (табл. I, 23)⁴, которую, по мнению некоторых ученых, богиня поднимает с земли⁵. Впрочем, при анализе этих мелких подробностей позы и жестов не следует забывать, что тип коленопреклоненной Девы держался в Херсонесе довольно долго, охватывая по крайней мере две отличных по стилю серии монет⁶, что монет с этим типом было выпущено немало и при многократном не всегда достаточно искусном копировании одного штемпеля с другого отчетливое понимание основного мотива могло утратиться.

В пользу старого толкования (богиня только что произвела выстрел из лука и наблюдает за его эффектом) говорит следующее обстоятельство. Мне уже приходилось отмечать⁷ настолько близкое сходство изображений коленопреклоненной Девы херсонесских монет с такой же коленопреклоненной Артемидой на монетах аркадского Орхомена⁸, что возникает даже вопрос о взаимовыведении одного изображения с другого. Между тем эти последние монеты служат ярким и убедительным образчиком тесной связи между типами аверса и реверса в смысле единства изображаемого действия⁹. На реверсе же орхоменских монет изображена умирающая нимфа Калисто со стрелой в груди и маленьким Аркадом подле нее, так что никаких сомнений в истолковании сюжета коленопреклоненной Артемиды в указанном смысле не возникает.

Очень жаль, что за пределами внимания автора остались как редкие монеты того же Херсонеса с изображением Девы в момент выстрела (табл. I, 16)¹⁰, так и целый ряд ольвийских монет с изображением коленопреклоненного стрелка (в скифском костюме, с горитом у левого бедра), стреляющего из лука (табл. I, 17—19; рис. 2, 7, 8). Монеты эти, за единственным исключением¹¹, медные. Они распадаются на три группы: первые две отличаются друг от друга только величиной, но одинаково имеют на аверсе голову Деметры-Тихе в башенном венце, изображение же стрелка на реверсе в обеих группах сопровождается сокращенным названием города и именем или монограммой магистрата¹². Третья группа имеет на аверсе безбородую голову с густыми волосами, часто принимаемую за Аполлона, но представляющую, может быть, портретное изображение, в то время как на реверсе стрелка сопровождает надпись ΟΙ ΕΠΤΑ¹³. Эти монеты едва ли могут быть отнесены ко времени ранее границ III и II вв. до н. э., а последняя, может быть, I в. до н. э.¹⁴ Поза стрелков и на херсонесской, и на ольвийских монетах такая, что левая нога сильно выставлена вперед и напоминает изображение Геракла на фиванском статере (табл. I, 14)¹⁵, вызывающее, между прочим, недоумение Дюбуа-Реймонда.

[На всех рассмотренных монетах стрелки вооружены луками, которые Дюбуа-Реймонд относит ко второму типу¹⁶, это — комбинированные луки, с характерным прогибом в средней части, состоящие из рукояти и двух прочно соединенных с нею деревянных или роговых дуг, обтянутых для упругости и надежности жилами. Подобные луки изображены и отдельно на мелкой меди Пантикапея (рис. 1, 1, 2)¹⁷, ранней драхме Херсонеса¹⁸, на одном из сортов поздней ольвийской меди¹⁹. Такой тип сохранился и в последующие века. Его можно встретить на медных монетах боспорских городов (рис. 1, 3)²⁰, на крупной меди царя Левкона (рис. 1, 5)²¹, такой же лук соединяется с палицей Геракла, представленного на аверсе этих монет. Лук такой же конструкции изображен, насколько можно судить, и в тех случаях, когда он помещен в особый футляр для ношения (горит). В Ольвии это прежде всего маленький добавочный символ на медных монетах с Деметрой времен Александра²², позике это — основной тип реверса на монетах с головой рогатого речного бога Борисфена (или Гипаниса?), на которых горит с луком и боковым накладным вместилищем для стрел изображен рядом с секирой (рис. 1, 1А)²³. Такое изображение последовательно переходит затем на медь с головой Деметры с добавленной за ее затылком маленькой головкой Афины в шлеме на аверсе²⁴ и на старший номинал медных монет с надписью ОI ЕПТА около секиры, на аверсе которых помещена бородатая голова Зевса или, может быть, заимствованного у соседнего Одессоса безымянного Великого бога²⁵. Горит с секирой находится и на реверсе серебряных монет с головой Геракла на аверсе (рис. 1, 2А), тогда как на медной (с такой же головой юного героя в львиной шкуре на аверсе) с гориту на реверсе присоединена вместо секиры суковатая палица²⁶. Идентичная палица подле горита находится и на реверсе отселящихся к III в. до н. э. медных монет Феодосии (рис. 1, 1Б)²⁷. Наконец, на небольших монетах Ольвии с той же надписью ОI ЕПТА и женской головой на аверсе (рис. 1, 2Б)²⁸ горит с луком выступает в качестве единственного типа, а на монетах, которые Миннз считал принадлежащими митридатовскому времени, но которые следовало бы скорее относить к первым десятилетиям возобновления жизни Ольвии после гетского разгрома, горит изображен между двумя звездами, символами Диоскуров (рис. 1, 2С)²⁹. Лук в горите в разных комбинациях встречается на монетах Херсонеса — на мелком серебре с грифоном на аверсе³⁰ и на меди II в. до н. э.³¹, и еще чаще на боспорских монетах. Здесь горит с луком появляется на мелкой меди еще во второй четверти IV в. до н. э. (рис. 1, 12)³², потом в виде клейма с юным сатиром на аверсе и с головой льва и осетром на реверсе на монетах конца IV в. до н. э. (рис. 1, 11)³³ и на многочисленных драмах с головой Аполлона (рис. 1, 21)³⁴, и некоторых медных монетах II в. до н. э. (рис. 1, 13)³⁵. В этом же столетии точно такой горит появляется на серебре неизвестного боспорского царя Спартока

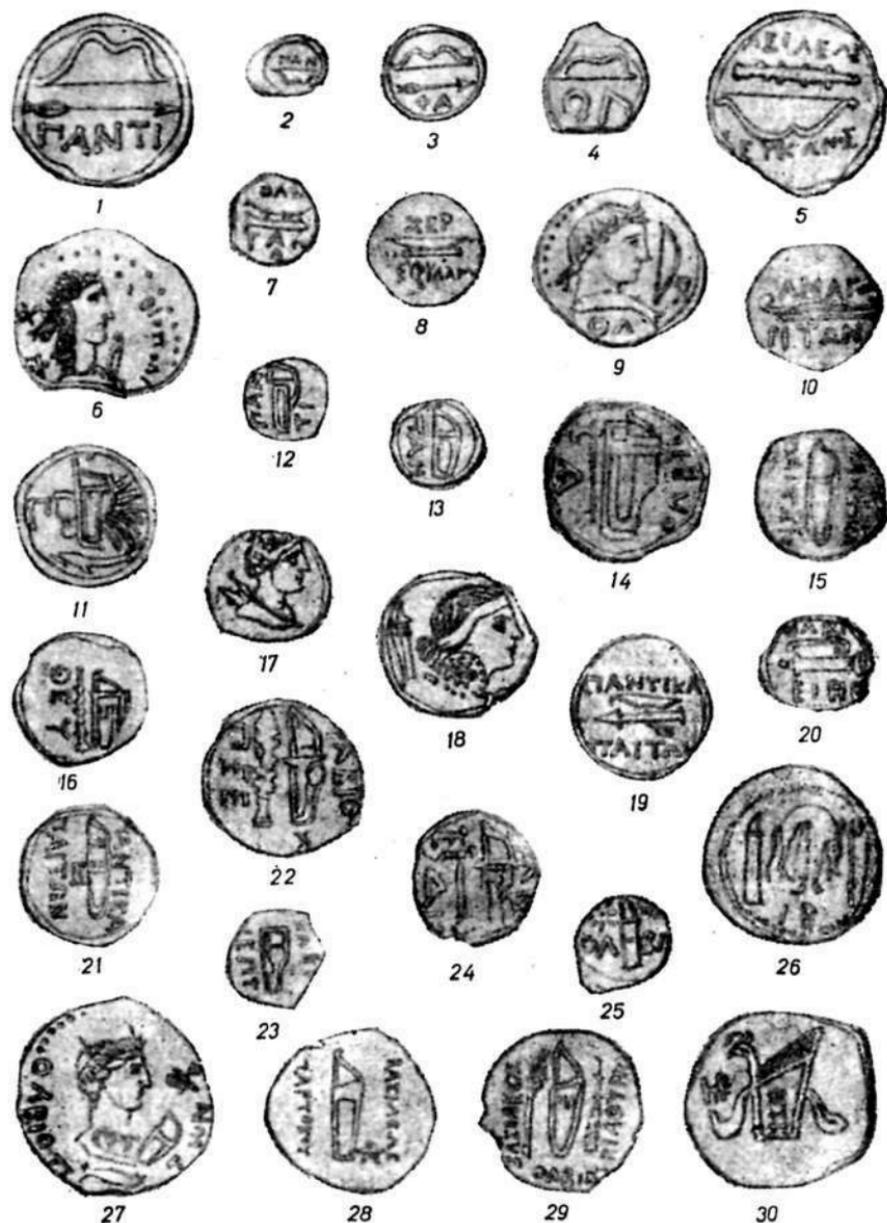

Рис. 1. Изображения лука и его принадлежностей на монетах Северного Причерноморья:

сложный лук — 1, 2 (Пантикапей), 3 (Фанагория), 4 (Ольвия), 5 (Боспор, царь Левков); сложный лук и колчан — 19 (Пантикапей); сложный лук в горите скифского типа — 11—13, 15, 21 (Пантикапей), 16 (Феодосия), 28 (Воспор, царь Спарток), 14, 22, 24, 27 (Ольвия), 29 (Ольвия, царь Скилур); горит — 23 (Ольвия), 30 (Боспор); царь Митридат III); простой лук и колчан — 7 (Ольвия), 8, 18 (Херсонес), 17 (Горгинция); колчан — 20 (Ольвия).

(рис. 1, 28)³⁶ и на крупной меди скифского царя Скилура (рис. 1, 29), в последнем случае — вместе с палицей Геракла и колосом Деметры³⁷.

Гораздо реже на монетах северочерноморских колоний встречается изображение лука, принадлежащего к первому типу по Дюбуа-Реймонду³⁸. Такой лук состоял из одного куска специально обработанного дерева, был лишен перехвата и рукояти, и его тип вместе с продолговатым цилиндрическим колчаном для стрел находим в последней четверти III в. до н. э. на одновременных полудрамах Ольвии и Херсонеса с головой богини на аверсе (рис. 1, 7, 8)³⁹, настолько близких по стилю и характеру исполнения, что предположение об изготовлении тех и других в одной мастерской не оказалось бы натянутым. Лук такого же типа изображен и на значительно более поздних медных монетах Пантикапея (рис. 1, 19)⁴⁰. По-видимому, простой лук с колчаном находится за плечами херсонесской Девы на серебре и меди, выпущенных в III—I вв. до н. э. (рис. 1, 17, 18)⁴¹, а также за плечами Артемиды на монетах боспорских городов митридатовой эпохи⁴². В последний раз такой простой лук без колчана воспроизводится на фанагорийской меди при Асандре (рис. 1, 10)⁴³. Изредка встречается, наконец, изображение одного колчана для стрел или одного горита, богато украшенного и снабженного ремнем для ношения, но без лука. Первый мотив находим в III—II вв. до н. э. в Ольвии⁴⁴, а второй лучше всего представлен на анонимной меди, чеканенной на Боспоре во время царствования Митридата Евпатора (рис. 1, 30)⁴⁵].

Интерес к ольвийским монетам с изображением стрелка возрастает в связи с тем, что их можно сопоставить с фрагментом метрической надписи⁴⁶, славящей некоего Анаксагора, сына Демагорова, пустившего стрелу на 280 оргий (521,6 м). Надпись свидетельствует таким образом о существовании в Ольвии в IV в. до н. э. правильно организованных состязаний по стрельбе из лука⁴⁷. Это позволяет нам, по примеру Макдональда, который, опираясь на свидетельство Светония о выступлениях фессалийских «матадоров» на арене римского цирка, усмотрел на изображениях укрощающих коней юношей на фессалийских монетах воспроизведение распространенного в стране вида спорта⁴⁸, и в ольвийских монетах с лучниками предположить отголосок излюбленного в Ольвии вида спорта, заимствованного у ее воинственных соседей. Против такой догадки можно было бы выставить два возражения. Прежде всего, скифский костюм стрелков, но это возражение ослабляется вышеотмеченным заимствованным характером спорта. Кроме того, на основании сообщения Диона Хрисостома мы знаем, что по крайней мере в I в. н. э. гордившиеся своим эллинским происхождением и свято чтившие Гомера ольвиополиты не гнушались ношением скифской одежды, доказавшей, очевидно, свое удобство и практичность в местных климатических условиях. Более серьезно то, что надпись и

Рис. 2. Изображения лучников на монетах Северного Причерноморья:

закрепление тетивы — 1 (Ольвия, Эминак); проверка лука — 2 (спиды); проверка стрелы — 3, 4 (Херсонес); охищение выстрела — 5 (Боспор, Саптомат II); выстрел — 6, 7, 8 (Ольвия); лучница с дротиком — 9, 10 (Херсонес); проверка результата выстрела — 11, 12 (Херсонес).

рассматриваемые монеты разделены периодом, по крайней мере, в одно, а может быть и два столетия. На это можно, впрочем, ответить, что связь между надписью и монетами следует мыслить как два параллельных, хотя и разновременных отражения одного и того же круга обычаев, имевшего, надо думать, длительное существование. Ведь и текст Светония (Claud., § 21), на котором Макдональд строит свою очень убедительную догадку, отделен еще большим промежутком времени от упомянутых фессалийских монет.

Впрочем, есть серия и более близких по времени к надписи Анаксагора монет, тесно связанных с Ольвией, тип которых относится к стрельбе из лука. Это серебряные статеры с фигурой коленопреклоненного Геракла и надписью ΕΜΙΝΑΚΟ (табл. I, 4; рис. 2, 1)⁴⁹, неоднократно встречающиеся в находках на территории Ольвии⁵⁰. Хотя тип их аверса много раз описывался как изображение стреляющего из лука Геракла, но Заллет, конечно, прав, видя здесь Геракла, натягивающего тетиву на лук⁵¹. На виденных мною экземплярах и сленках я не мог усмотреть следов лука в левой руке героя, напротив, отрезок черты между кистью

его правой руки и левым коленом едва ли может быть чем иным, кроме видимой в таком ракурсе части тетивы или лука. Против мотива выстрела говорит и положение рук, одинаково отставленных вперед от груди, причем правая, которая должна была бы натягивать тетиву со стрелой, совершенно выпрямлена. Положение ног и корпуса, следует добавить, хотя и не могло бы противоречить догадке о моменте выстрела, но ближе к тому, какое мы встречаем на фиванском статере (табл. I, 3)⁵², уже без всякого сомнения воспроизводящем момент натягивания тетивы на лук (табл. I, 2).

К сожалению, привлечение монет Эминака как комментария к упомянутой надписи затрудняется не только тем, что на ней изображен Геракл, а не простой смертный. Главная трудность заключается в том, что место этой группы монет в нумизматике Ольвии далеко еще не выяснено. Попытка А. В. Орешникова⁵³ усмотреть в ней крупный номинал третьей серии его классификации монет Ольвии, временно заменивший большие литые «ассы» и имевший своими подразделениями «ассы» средней величины с изображением Горгоны и с надписью ОΛΒΙΟΥ, не может считаться бесспорной. Слишком маловероятно, чтобы в такой комбинированной серии новый прием помещения имени города был применен для литых медных подразделений, уже в силу своей оригинальной формы и техники едва ли предвзначавшихся для обращения за пределами ближайших окрестностей города⁵⁴, между тем как для крупного серебряного номинала, могущего рассчитывать на более широкий рынок, был сохранен прием помещения имени магистрата, ничего не говорящего чужеземцу. Если находка небольшого клада этих статовов окончательно разрешила вопрос о месте их чеканки в пользу Ольвии⁵⁵, то вопрос о месте их в нумизматике города этим не решается. Аналогия позднейших монет скифских царей, соединяющих на своих выпущенных в Ольвии монетах эмблемы и имя города с царскими⁵⁶, позволяет допустить, что и в рассматриваемой группе мы имеем такое же соединение свойственных городу изображений колеса и дельфинов на реверсе с именем и эмблемой какого-либо соседнего варварского династа. Не настаивая на этой догадке, можно было бы усмотреть в Эминаке непосредственного предшественника Скилура или Фарзоя, помещавших на своих монетах имя города наряду с собственным.

[Если Геракл на статерах с именем загадочного Эминака изображен в момент закрепления тетивы лука, то на одновременных серебряных монетах, чеканенных сиздами на другом конце Причерноморья (табл. I, 5, 6; рис. 2, 2)⁵⁷, он занят другой операцией, завершающей, по авторитетному разъяснению Дюбуа-Реймонда⁵⁸, подготовку лука к стрельбе: Геракл на сиздских монетах визирует только что закрепленную тетиву, проверяя, приходится ли она в точности против оси деревянной части лука, подобно тому как это делает воин на киликийской монете (табл. I, 10).

После этого для успешности стрельбы необходимо проверить прямизну самой стрелы, что проще всего сделать, глянув вдоль нее. Этот мотив мы находим на монетах Херсонеса Таврического: на ранних медных монетах с бодающим быком на аверсе (табл. I, 12, рис. 2, 3)⁵⁹ и на серебряных тридрахмах с головой юного Геракла на аверсе (табл. I, 13; рис. 2, 4)⁶⁰, сидящая на троне Дева именно таким способом проверяет свое оружие. Таким образом на монетах Ольвии, синдов и Херсонеса последовательно представлены все моменты стрельбы из лука — сгибание его упругой части и прикрепление тетивы, проверка правильности ее закрепления, проверка прямизны стрелы, сам выстрел и, наконец, непосредственно следующая за выпуском стрелы проверка успешности поражения цели.

Монетные типы причерноморских государств римского времени не расширяют сколько-нибудь существенным образом круга наблюдений по занимающему нас вопросу. На монетах боспорского царя Митридата III (рис. 1, 26)⁶¹ лук в горите занимает свое место среди атрибутов Геракла и Евмолпа, мифических предков царского рода. В Ольвии такое же изображение помещается в виде дополнительного символа перед лицом Аполлона (рис. 1, 27)⁶², сменяясь иногда просто изображением лука (рис. 1, 9)⁶³. Лишь в одном случае ольвийский мастер попытался представить Аполлона во весь рост, с луком в одной руке и чашей в другой⁶⁴. На монетах Херсонеса Таврического часто воспроизводится в эту эпоху такая же фигура Девы с луком и дротиком в руках, иногда со священной ланью у ног⁶⁵. Появившись впервые еще во времена Митридата⁶⁶, она повторяется в разных ракурсах и вариантах в эпоху «царствования Девы» (рис. 2, 9)⁶⁷ и при второй элвтерии (рис. 2, 10)⁶⁸. Не приходится сомневаться, что во всех этих случаях монетные мастера, изображавшие городское божество во весь рост, тщательно копировали храмовые статуи, хотя далеко не всегда удовлетворительно справлялись с этой задачей⁶⁹. В отличие от них свободной композицией резчика штемпелей представляется изображение на одной из крупных медных монет боспорского царя Савромата II. На монетах, относящихся ко времени проведения указанным царем монетной реформы (табл. I, 20; рис. 2, 5), царь прославляется в образе Геракла, поражающего метким выстрелом одну из стимфалийских птиц⁷⁰.

¹ Статья А. Н. Зографа была прислана им в Одессу в 1939 г. в связи с начавшейся подготовкой к изданию трудов музея. В настоящем сборнике печатается без изменений. Дополнения автора к первоначальному тексту отмечены квадратными скобками. — *Редколлегия*.

² *Du Bois-Reymond R. Bogen und Bogenschießen auf griechischen Münzen.* — *ZfN*, 1925, 35, S. 241—252.

³ *Baldwin (Brett) A. An unedited gold stater of Lampsakos.* — *ZfN*, 1920, 32, p. 1—14, pl. I, 1; *id.*, *The gold staters of Lampsakos.* — *American Journal of numismatics*, 1924, v. 8, p. 3, N 4, pl. I, 9.

- ⁴ ОКМ, табл. XIV, 30, 33; *Minns E. H. Scythians and greeks.* Cambridge, 1913, pl. IV, 14; *Kene B. B.* Музей кн. В. В. Кочубея, 1957, 1, табл. II, 8—9.
- ⁵ КУ, табл. I, 277; *Kene B. B.* Указ. соч., табл. II, 7; *Gitel Chr. Kleine Beiträge zur antiken Numismatik Südrusslands.* Moskau, 1886, Taf. 1, 5.
- ⁶ Зограф А. М. Две группы херсонесских монет с заимствованными типами. — ИГАИМК, 1927, 5, с. 384—385.
- ⁷ Зограф А. Н. Статуарные изображения Девы в Херсонесе по данным нумизматики. — ИРАИМК, 1922, 2, с. 347. То же сопоставление у Болдуин (*Baldwin (Brett) A.* The gold staters of Lampsakos, p. 17—18).
- ⁸ CBM, Peloponnesus, pl. XXXV, 15.
- ⁹ *Imhoof-Blumer F.* Kleinasiatische Münzen. Wien, 1902, S. 371.
- ¹⁰ *Gitel Chr.* Op. cit., Taf. I, 4; *Бертье-Делагард А. Л.* Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса. — ЗООИД, 1906, 26, табл. I, 5.
- ¹¹ AMDM, 1, Taf. X, 4; ОКМ, табл. VII, 161.
- ¹² AMDM, 1, Taf. X, 1—3; ОКМ, табл. VII, 152—160; *Minns E. H.* Op. cit., pl. III, 3.
- ¹³ AMDM, 1, Taf. X, 5; ОКМ, табл. V, 91—96; *Minns E. H.* Op. cit., pl. III, 7.
- ¹⁴ *Орешиников А. В.* Этюды по нумизматике Черноморского побережья. — ИРАИМК, 1921, 1, с. 234.
- ¹⁵ *Regling K.* Die antike Münze als Kunstwerk. Berlin, 1924, Taf. 14, 337.
- ¹⁶ *Du Bois-Reymond R.* Op. cit., S. 243.
- ¹⁷ ОКМ, табл. XX, 96, 97.
- ¹⁸ *Бертье-Делагард А. Л.* Указ. соч., табл. I, 3; *Minns E. H.* Op. cit., pl. IV, 3.
- ¹⁹ AMDM, 1, Taf. X, 8; ОКМ, табл. V, 90.
- ²⁰ ОКМ, табл. XIX, 49—53, 73—80, 94—97; XXI, 115; XXIII, 8—11, 19.
- ²¹ КУ, табл. II, 387; ОКМ, табл. XXIV, 1—3; *Minns E. H.* Op. cit., pl. VI, 16.
- ²² AMDM, 1, Taf. IX, 26, 27; ОКМ, табл. VI, 137; VII, 138.
- ²³ AMDM, 1, Taf. IX, 26, 27; ОКМ, табл. IX; *Minns E. H.* Op. cit., pl. III, 4, 5.
- ²⁴ AMDM, 1, Taf. IX, 30; ОКМ, табл. III, 25—31.
- ²⁵ AMDM, 1, Taf. IX, 32; ОКМ, табл. III, 23.
- ²⁶ AMDM, 1, Taf. X, 23, 24; ОКМ, табл. IV, 32—38.
- ²⁷ ОКМ, табл. XVIII, 8, 9; *Minns E. H.* Op. cit., Pl. IX, 7.
- ²⁸ AMDM, 1, Taf. X, 6; ОКМ, табл. V, 87—88; *Minns E. H.* Op. cit., pl. III, 8.
- ²⁹ AMDM, 1, Taf. X, 30; ОКМ, табл. V, 89; *Minns E. H.* Op. cit., p. 486.
- ³⁰ *Орешиников А. В.* Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья. — НСБ., 1915, 3, табл. II, 30.
- ³¹ *Гиль Х. Х.* Новые приобретения моего собрания. — ЗРАО, 1892, 5, табл. IV, 8; *Орешиников А. В.* Монеты Херсонеса Таврического, царей Боспора Киммерийского и Подемона II Понтийского. — НСБ., 1913, 2, с. 36, рис. 11.
- ³² ОКМ, табл. XX, 91—93; *Minns E. H.* Op. cit., pl. V, 23.
- ³³ ОКМ, табл. XIX, 57; XX, 72; *Minns E. H.* Op. cit., pl. V, 21.
- ³⁴ *Гиль Х. Х.* Указ. соч., табл. V, 37—44; ОКМ, табл. XXI, 106—112; *Minns E. H.*, Op. cit., pl. V, 26.
- ³⁵ ОКМ, табл. XX, 68; XXI, 113, 114; *Minns E. H.* Op. cit., pl. V, 24.
- ³⁶ ОКМ, табл. XXIV, 4; *Minns E. H.* Op. cit., pl. VI, 15.
- ³⁷ AMDM, 1, Taf. XII, 4; ОКМ, табл. IX, 207; *Minns E. H.* Op. cit., pl. V, 26.
- ³⁸ *Du Bois-Reymond R.* Op. cit., S. 242.
- ³⁹ AMDM, 1, Taf. X, 27; ОКМ, табл. V, 86; VI, 122; XIV, 22—24; *Гиль Х. Х.* Указ. соч., табл. IV, 2, 7.
- ⁴⁰ ОКМ, табл. XXI, 132; *Minns E. H.* Op. cit., pl. VI, 5.
- ⁴¹ *Бертье-Делагард А. Л.* Указ. соч., табл. II, 12—17; *Орешиников А. В.* Экскурсы, табл. II, 29, 31; ОКМ, табл. XIV, 2—16, 20—24; *Minns E. H.* Op. cit., pl. IV, 13, 15, 17, 22.
- ⁴² ОКМ, табл. XXII, 168—170; XXIII, 20; *Minns E. H.* Op. cit., pl. VI, 7.
- ⁴³ ОКМ, табл. XXIII, 14, 15.

- ⁴⁴ AMDM, 1, Taf. X, 14, 28; ОКМ, табл. VI, 127, 128.
- ⁴⁵ ОКМ, табл. XXIII, 25—30;
- ⁴⁶ IPE, 1, № 195.
- ⁴⁷ Minns E. H. Op. cit., p. 56, note 10; p. 465; Stern E. Der Pfeilschuß des olbiopoliten Anaxagoras.— Jahrbuch des archäologischen Instituts, 1901, Bd. 4, H. 1, S. 54—61.
- ⁴⁸ Macdonald G. Coin types, their origin and development. Glasgow, 1905, p. 99.
- ⁴⁹ Описание древнегреческих монет Московского университета М., 1891, табл. I, 9.
- ⁵⁰ Орешников А. В. Этюды, с. 224; Minns E. H. Op. cit., p. 487.
- ⁵¹ Sallet A. Zur griechischen Numismatik.— ZfN, 1876, 3, S. 133.
- ⁵² Regling K. Op. cit., Taf. XIV, 338.
- ⁵³ Орешников А. В. Этюды, с. 223, 225.
- ⁵⁴ Впрочем, лузавская находка [Зограф А. Ольвийские монеты из раскопок в Лузавке.— МАН, 1957, 1, с. 97—101.] заставляет значительно расширить сферу обращения ольвийских ассов.
- ⁵⁵ Орешников А. В. Этюды, с. 224. Несмотря на то, что эта находка учтена Миннзом в его труде, и после этого в западноевропейской литературе продолжают относить Эминака к фракийским династам (HN, p. 283; Gardner P. A history of greek coinage B. C. 700—300. Oxford, 1918, p. 272) Хилл (Hill G. F. Greek coins acquired by the British Museum in 1925.— NC, 1926, 6, p. 118.) полагает, что решение вопроса можно увидеть в надписи на публикуемом статере Британского музея (ibid., pl. V, 2) в обрезе, под фигурой Геракла, но на виденных мною монетах надписи в указанном месте нет, а на таблице у Хилла различаются столь неопределенные штрихи, что само существование надписи более чем сомнительно.
- ⁵⁶ Орешников А. В. Этюды, с. 225—229; Орешников А. В. Эскурсы, с. 15—22.
- ⁵⁷ Giel Chr. Op. cit., Taf. I, 14; ОКМ, табл. XXIII, 5; Minns E. H. Op. cit., pl. IX, 27.
- ⁵⁸ Du Bois-Reymond R. Op. cit., S. 245—246.
- ⁵⁹ ОКМ, табл. XIV, 36; Minns E. H. Op. cit., pl. IV, 8.
- ⁶⁰ КУ, табл. I, 295; Гиль X. X. Указ. соч., табл. IV, 6; ОКМ, табл. XV, 59; Minns E. H. Op. cit., pl. IV, 9.
- ⁶¹ ОКМ, табл. XXVI, 89—91; Minns E. H. Op. cit., pl. VII, 11.
- ⁶² AMDM, 1, Taf. XI, 9; ОКМ, табл. VII, 170; Minns E. H. Op. cit., pl. III, 15.
- ⁶³ AMDM, 1, Taf. XI, 8, 10, 15; ОКМ, табл. VII, 163; VIII, 176, 183.
- ⁶⁴ AMDM, 1, Taf. XI, 19; ОКМ, табл. VIII, 178; Minns E. H. Op. cit., pl. III, 16.
- ⁶⁵ Зограф А. Н. Статуарные изображения Девы в Херсонесе, с. 352—354.
- ⁶⁶ Там же, табл. XXXI, 13; Орешников А. В. Монеты Херсонеса Таврического, с. 36, рис. 12.
- ⁶⁷ ОКМ, табл. XV, 43—45; XVI, 99, 100, 107, 115; Зограф А. Н. Статуарные изображения Девы в Херсонесе, табл. XXXI, 4, 5, 8, 11, 12.
- ⁶⁸ ОКМ, табл. XVI, 106, 108—114; Minns E. H. Op. cit., pl. IV, 26, 28.
- ⁶⁹ Зограф А. Н. Статуарные изображения Девы, с. 344—345, 353, 357.
- ⁷⁰ КУ, табл. IV, 683; ОКМ, табл. XXX, 234; Гиль X. X. Указ. соч., табл. VII, 75; Minns E. H. Op. cit., pl. VIII, 11; Зограф А. Н. Реформа денежного обращения в Восточном царстве при Савромате II.— ВДИ, 1938, 2, с. 287—306.

О ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ СООТНОШЕНИИ ЛИТЫХ СТРЕЛО- И ДЕЛЬФИНОВИДНЫХ БРОНЗОВЫХ МОНЕТ НА ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ПОВУЖЬЯ

Литые монеты-стрелки и монеты в виде дельфина, происходящие из греческих поселений Северо-Западного Причерноморья, являются одним из наиболее своеобразных феноменов в истории монетного дела всего античного мира. Несмотря на то, что этим необычным монетам посвящено немало специальных работ, многие вопросы, связанные с их изучением, остаются спорными и неясными, например проблемы установления относительной и абсолютной хронологии этих монет. Большинство исследователей полагают, что в районе Ольвии стрелки и дельфины находились в обращении одновременно и использовались параллельно¹, но было высказано и мнение о том, что обращение этих фигурных монет «представляет собой не единый процесс, а два разнообразных явления», так что время и области циркуляции тех и других не совпадали², как и датировка стрелок и дельфинов. Т. В. Блаватская и Б. Н. Граков определяют время выпуска монет-стрелок концом VI — началом V в. до н. э.³, В. В. Лапин полагает, что их стали изготавливать не позднее середины VI в. до н. э., а в конце этого столетия выпуск был прекращен⁴, П. О. Карышковский относит время их обращения к первой половине VI в. до н. э.⁵ Дельфины по обычному представлению обращались от рубежа VI—V вв. до середины IV в. до н. э.⁶, но П. О. Карышковский считает, что их изготовление началось не позже второй половины VI в. до н. э.⁷

Поскольку в вопросе о времени изготовления и обращения литых фигурных монет нет единого мнения, считаем целесообразным обратиться к его рассмотрению на материале сельских поселений ольвийской хоры архаического периода. Дело в том, что слои березанского поселения, и особенно ольвийского городища, обычно сильно смешаны в результате строительства, в связи с чем они только в сравнительно немногих случаях дают возможность точно датировать монетные находки. Ранние поселения хоры, существовавшие в эту эпоху, как правило, в течение относительно недолгого времени, напротив, дают для находимого на них материала достаточно четкие хронологические рамки.

Наибольшее количество найденных в Южном Побужье монет-стрелок происходит с Березани, где встречаются не только их отдельные экземпляры, но и спаянные окислом группы — своеобразные мелкие клады⁸. На западном берегу Березовского лимана стреловидные монеты найдены на поселении Викторовка I⁹, а на восточном их находки известны на поселениях Бейкуш¹⁰, Большая Черноморка II¹¹ и Каборга I¹². Небольшой клад таких монет-стрелок происходит из окрестностей с. Каменка, располо-

женного севернее перечисленных поселений¹³. Одна стрелка случайно найдена нами у с. Куцуруб близ Очакова. Самые восточные находки зарегистрированы на поселении у Закисовой Балки¹⁴ и, наконец, в Ольвии¹⁵.

Гораздо чаще в этом регионе встречаются ольвийские литые дельфины. К юго-западу и западу от Ольвии они были зарегистрированы преимущественно на тех же памятниках, на которых обнаружены и монеты-стрелки. Это — остров Березань, где дельфины попадаются и на территории поселения, и в могилах некрополя¹⁶, Викторовка I¹⁷, Бейкуш¹⁸, Большая Черноморка II¹⁹, Каборга I²⁰, а также Закисова Балка²¹, к которым присоединяются находки дельфинов из Очакова²², Петуховки I²³, Широкой Балки²⁴ и архаического поселения на территории ольвийского некрополя²⁵. Встречаются дельфины и на поселениях северной части ольвийской хоры — имеются сведения об их находках на памятниках Чертоватое I²⁶, Чертоватое II²⁷, Чертоватое VII²⁸, Козырка V²⁹, Старая Богдановка II³⁰ и Малая Корениха I³¹. Отмечены находки дельфинов к востоку от Ольвии, на архаических памятниках левого берега Бугского лимана — Лиманы V³², Лупарево II³³, на берегу лимана к югу от с. Лупарево³⁴, а также на поселении у с. Александровка³⁵. Известны, наконец, и несколько более отдаленные находки — на Кинбурнской косе³⁶, у с. Христофоровка на Ингуле³⁷ и даже в скифском курганном погребении у с. Ковалевка на Южном Буге³⁸.

Таким образом, размещение находок монет-стрелок и монет-дельфинов на территории Нижнего Побужья (см. рисунок) убедительно демонстрирует, что ареал обращения вторых значительно шире. При этом эпицентром как концентрации, так и распространения дельфинов является Ольвия, тогда как монет-стрелок — Березань. В свете этого факта мнение В. В. Лапина, считавшего Березанское поселение местом изготовления, тех и других, следует считать неубедительным.

Картографирование находок литых бронзовых монетовидных знаков на первый взгляд подтверждает мысль об их параллельном обращении. Такое одновременное функционирование на сравнительно небольшой территории двух монетных систем невольно интерпретируется как указание на одновременное существование двух политически независимых центров эмиссии. Однако несостоятельность такого заключения становится очевидной, если принять во внимание хронологию поселений, откуда происходят стрелы и дельфины.

Раскопками и разведками двух последних десятилетий установлено, что поселения, расположенные на Березанском лимане и вдоль северо-западной части побережья Днепровского лимана до впадения в него Бугского лимана, стали появляться еще в первой половине VI в. до н. э.³⁹, тогда как земли, лежащие вдоль Бугского лимана к северу и востоку от Ольвии, были освоены ионийскими поселенцами не ранее второй половины VI в. до

н. э.⁴⁰ Это заставляет констатировать, что ареал обращения монет-стрелок совпадает с районом распространения тех памятников, на которых найдены материалы первой половины VI в. до н. э., а на поселениях, возникших во второй половине указанного столетия, они отсутствуют, но зато появляются дельфиновидные монеты. На основании этого можно предполагать, что выпуск и обращение литых стрел в Нижнем Побужье прекратилось около середины VI в. до н. э. и что дельфины пришли на смену стрелкам. Такому наблюдению не противоречат и находки дельфиновидных монет, и отсутствие монет-стрелок в ольвийском «предградье», возникшем не ранее второй половины VI в. до н. э.⁴¹

Другим аргументом, подтверждающим изложенные предположения, является характер кладов фигурных монет. К настоящему времени в Южном Побужье известны клады, содержащие либо стрелки, либо состоящие из дельфинов. К первой категории можно отнести клад из Каменки⁴² и березанские находки⁴³. Ко второй принадлежит ольвийский клад дельфинов 1907 г.⁴⁴ и многочисленные находки целых групп этих монет в закрытых комплексах на агоре⁴⁵, березанский клад 1962 г., насчитывавший более 200 дельфинов⁴⁶, и аналогичные старые находки на Березани⁴⁷. Эта картина подтверждается кладами дельфинов из Христофоровки⁴⁸, Козырки (в амфоре находилось более 120 дельфинов)⁴⁹ и Большой Черноморки II (260 дельфинов)⁵⁰.

Отсутствие совместных находок монет-стрелок и монет-дельфинов следует, как представляется, объяснять диахронностью эмиссий этих групп литых фигурных монет. Ведь если согласиться с В. В. Лапиным, считающим монеты обеих групп синхронными, то в кладах следовало бы ожидать совместных находок, как это наблюдается при совместных находках дельфинов с круглыми литыми «ассами» на Березани⁵¹ и в Ольвии⁵² или в случае обнаружения стрелок с литыми истрийскими «колесиками» при раскопках Томи⁵³. В факте параллельного и одновременного

Распространение монет-стрелок и дельфинчиков в Нижнем Побужье.

1 — Березань, 2 — Викторовка I, 3 — Бейкуш, 4 — Большая Черноморка II, 5 — Очаков, 6 — Каборга I, 7 — Куцуруб, 8 — Петуховка I, 9 — Закисова Балка, 10 — Широкая Балка, 11 — Ольвия, 12 — Чертоватое I, 13 — Чертоватое II, 14 — Чертоватое VII, 15 — Каменка, 16 — Козырка V, 17 — Старая Богдановка II, 18 — Малая Корениха I, 19 — Лиманы V, 20 — Лупарево II, 21 — южнее с. Лупарево, 22 — Александровка, 23 — Кинбурнская коса, 24 — Ковалевка, 25 — Христофоровка. I — находки дельфинчиков; II — находки монет-стрелок; III — находки монет-стрелок и дельфинчиков.

обращения стрелок и дельфинов не убеждает и найденный в 1963 г. в Ольвии скифос с граффито, устанавливающим денежное значение «наконечников» в быту ольвиополитов еще на рубеже VI—V вв. до н. э.⁵⁴ Не следует забывать, что мы не знаем, как называли ольвиополиты свои деньги и ничто не мешает предполагать, что они унаследовали название своих предшественников, — история монетного дела знает немало случаев, когда название первоначальной формы или изобразительного типа монет переживало века и оставалось за деньгами совершенно других типов⁵⁵.

Если, таким образом, картографирование находок монет-стрелок и дельфинов из античных поселений Нижнего Побужья в сочетании с археологическим датирующим материалом соответствующих поселений заставляет предпочесть точку зрения о неодновременности обращения рассматриваемых денежных знаков, то ареал циркуляции монет-стрелок наталкивает на мысль об их изготовлении на Березани, тогда как область распространения дельфинов, напротив, говорит об их ольвийском производстве. Сама идея локализации стрел на Березани была высказана В. В. Лапиным⁵⁶, и хотя она не нашла поддержки⁵⁷, в пользу такого предположения свидетельствуют и другие соображения, вытекающие из общего хода освоения ионянами территории Нижнего Побужья. Прежде всего, в первой половине VI в. до н. э., когда, как показано выше, стреловидные монеты были распространены в части этого района, Ольвии как оформившегося города, по-видимому, еще не было — на ее месте существовало небольшое рядовое поселение, безусловно, уступавшее поселению на Березани⁵⁸. Таким образом, Березанское поселение в первой половине VI в. до н. э. было именно тем местом, где с наибольшей вероятностью можно предполагать изготовление монет. С другой стороны, не менее вероятно, что дельфины изготовлялись и в Ольвии. Иными словами, можно говорить, что приблизительно в середине VI в. до н. э. монетная мастерская переместилась с Березани в Ольвию, что тем более имело бы место, если туда же переместился центр формирующегося полиса. Последняя гипотеза находит подтверждение и в наблюдаемом в то же время изменении других конституирующих элементов полиса, рассмотрение которых выходит, однако, за рамки настоящей заметки.

¹ Блаватская Т. В. Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э. М., 1952, с. 40, 41; Скуднова В. М. Монеты-стрелки из Ольвии. — СГЭ, 1956, 10; с. 39; Лапин В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966, с. 145—146.

² Карышковский П. О. О надписях на ранних монетах Ольвии. — МАСП, 1962, 4, с. 225.

³ Блаватская Т. В. Указ. соч., с. 40, 41; Граков Б. Н. Легенда о скифском царе Арманте. — В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 108, 111, 113.

⁴ Лапин В. В. Указ. соч., с. 145, 146.

⁵ Карышковский П. О. Монетное дело и денежное обращение Ольвии: Автореф. дис... докт. ист. наук. Л., 1969, с. 20.

- ⁶ Зограф А. Н. Античные монеты.— МИА, 1951, № 16, с. 124; Блаватский В. Д. Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961, с. 71; Граков Б. Н. Указ. соч., с. 108.
- ⁷ Карышковский П. О. Монетное дело и денежное обращение Ольвии, с. 20.
- ⁸ Лапин В. В. Указ. соч., с. 144—146; Лапин В. В. Экономическая характеристика Березанского поселения.— В кн.: Античный город. М., 1963, с. 39; Граков Б. Н. Указ. соч., с. 104, 106, 108.
- ⁹ Рудык Ф. Древнее поселение Викторовка I.— МАСП, 1957, 1, с. 65.
- ¹⁰ Русяева А. С. Раскопки Бейкушского поселения близ Ольвии.— АИУ 1967 г. Киев, 1968, с. 148.
- ¹¹ Ганжа А. И. и др. Раскопки архаического поселения на Березанском лимане.— АО 1977 г. М., 1978, с. 310.
- ¹² Отрешко В. М. Позднеархаические поселения Березанского лимана.— В кн.: Открытия молодых археологов Украины. Киев, 1976, 1, с. 33.
- ¹³ Загинайло А. Г. К вопросу об экономических связях Западного и Северо-Западного Причерноморья в VI—IV вв. до н. э.— МАСП, 1976, 8, с. 71.
- ¹⁴ Случайные находки С. Б. Буйских и В. Н. Урсалова.
- ¹⁵ Скуднова В. М. Указ. соч., с. 38—39.
- ¹⁶ Находки дельфинов на Березани общезвестны. ОАК за 1904 г. Спб., 1907, с. 41, 42, 45; то же за 1905 г., 1908, с. 37; то же за 1906 г., 1909, с. 55; то же за 1907 г., 1910, с. 66, 67; то же за 1908 г., 1912, с. 86, 87, 89; то же за 1909—1910 гг., 1913, с. 106, 110; Зограф А. Н. Находки монет в местах предполагаемых античных святилищ на Черноморье.— СА, 1941, 7, с. 158, 159; Лапин В. В. Экономическая характеристика, с. 34, 39; Лапин В. В. Греческая колонизация, с. 144.
- ¹⁷ Рудык Ф. Указ. соч., с. 65, 66.
- ¹⁸ Русяева А. С. Указ. соч., с. 146, 150; Русяева А. С. Разведки и раскопки поселения близ Ольвии.— АИУ 1968 г. Киев, 1971, с. 184.
- ¹⁹ Ганжа А. И. и др. Указ. соч., с. 310.
- ²⁰ Отрешко В. М. Указ. соч., с. 33; Отрешко В. М. Западный район ольвийской периферии в позднеархаическое время.— В кн.: Новейшие открытия советских археологов. Киев, 1975, 2, с. 94.
- ²¹ Wasowicz A. Olbia Pontique et son territoire.— Annales littéraires de l'Université de Besançon, 1975, 168, p. 146. № 43 (автор приводит здесь и в аналогичных случаях библиографию памятника).
- ²² Загинайло А. Г. Указ. соч., с. 73.
- ²³ Следует различать находки на поселении (Русяева А. С. Поселения Питухивка I біля Ольвії.— Археологія, 1968, 21, с. 212) и на некрополе (Ebert M. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn.— Praehistorische Zeitschrift, 1913, 5, N 1/2, S. 34, 104—105).
- ²⁴ Wasowicz A. Op. cit., p. 145, N 41.
- ²⁵ Козуб Ю. И. Древнейшее святилище Ольвии.— В кн.: Ольвия. Киев, 1975, с. 141, 145, 160.
- ²⁶ Wasowicz A. Op. cit., 145, N 37.
- ²⁷ Рубан В. В., Отрешко В. М. Раскопки поселения Чертоватое II.— АО 1975 г. М., 1976, с. 387; Рубан В. В., Рычка В. М. Исследования античных памятников близ Ольвии.— АО 1976 г. М., 1977, с. 362.
- ²⁸ На поселении в 1977 г. нами проводились охранные раскопки, отчет о которых хранится в Научном архиве ИА АН УССР.
- ²⁹ В этом случае также необходимо различать находки на поселении (Славин Л. М. Основные итоги Ольвийской экспедиции 1954 г.— КСИА АН УССР, 1955, 5, с. 40) и на курганном некрополе (Фабрициус И. В. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1951, 1, с. 72).
- ³⁰ Марченко К. К. и др. Работа периферийного отряда Ольвийской экспедиции.— АО 1976 г. М., 1977, с. 332; Марченко К. К. Раскопки поселения античного времени в Нижнем Побужье.— АО 1977 г. М., 1978, с. 353.
- ³¹ Случайная находка 1965 г. (Николаевский историко-краеведческий музей).
- ³² Случайная находка 1960-х годов (Николаевский музей).
- ³³ То же.

- ³⁴ Случайная находка В. Н. Урсалова.
- ³⁵ *Wąsowicz A.* Op. cit., p. 139, N 5; *Фабрициус И. В.* Указ. соч., с. 106.
- ³⁶ *Бурачков П. О.* О местоположении древнего города Каркинитеса и монетах, ему принадлежавших.— ЗООИД, 1875, 9, с. 34, 36.
- ³⁷ Летопись Херсонского музея. Херсон, 1913, 5, с. 18.
- ³⁸ *Ковпащенко Г. Т.* Роботи Південнобузької експедиції.— АНУ 1969 г. Киев, 1972, с. 50—53.
- ³⁹ *Руслева А. С.* Разведка в районе Березанского лимана.— АИУ 1965—1966 гг. Киев, 1967, с. 142; *Отрешико В. М.* Западный район ольвийской периферии, с. 94.
- ⁴⁰ *Марченко К. К.* Работа периферийного отряда Ольвийской экспедиции, с. 332; *Рубан В. В.* Исследования античных памятников на правом берегу Бугского лимана в 1973—1974 гг.— В кн.: Новейшие открытия советских археологов, 2, с. 88.
- ⁴¹ *Козуб Ю. І.* Хтоїчне святилище західної околиці Ольвії — В кн.: Матеріали XIII конференції ІА АН УРСР. К., 1972, с. 212—213.
- ⁴² *Загинайло А. Г.* Указ. соч., с. 71 (клад публикуется в настоящем сборнике, с. 20—28).
- ⁴³ *Лапин В. В.* Экономическая характеристика, с. 39; *Лапин В. В.* Греческая колонизация, с. 144—145.
- ⁴⁴ IGCH, p. 130, № 984 (ОАК за 1907 г., Спб., 1910, с. 66).
- ⁴⁵ Ibid., p. 131, № 985—991.
- ⁴⁶ *Лапин В. В.* Групповая находка ольвийских дельфинов на Березани.— МАСП, 1971, 7, с. 42—51 (IGCH, p. 130, № 983).
- ⁴⁷ IGCH, p. 130, № 984, 982 (ЗООИД, 1910, 28, Протоколы, с. 40, 41).
- ⁴⁸ IGCH, p. 131, № 994.
- ⁴⁹ Ibid., № 992.
- ⁵⁰ *Ганжа А. И. и др.* Указ. соч., с. 310.
- ⁵¹ IGCH, p. 131, № 995 (ОАК за 1909—1910 гг. СПб, 1913, с. 110).
- ⁵² IGCH, p. 135, № 1024; p. 140, № 1063.
- ⁵³ *Mitreá B.* Découverts monétaires en Roumanie (XIX).— Dacia, 1976, 20, p. 288, N 9.
- ⁵⁴ *Граков Б. Н.* Указ. соч., с. 115, рис. 4; *Граков Б. Н.* Еще раз о монетах-стрелках.— ВДИ, 1971, № 3, с. 127.
- ⁵⁵ Например, название «обол» происходит от первоначальных денег в виде металлических прутьев (*Günther R., Becher I.* Obolos.— In: *Lexicon der Antike.* Leipzig, 1974, S. 383—384), а также современные русские термины «рубль» и «копейка», не имеющие ничего общего с денежными слитками или со всадником с копьём на серебряных «копейных деньгах» древней Руси.
- ⁵⁶ *Лапин В. В.* Греческая колонизация, с. 145.
- ⁵⁷ *Граков Б. Н.* Еще раз о монетах-стрелках, с. 126.
- ⁵⁸ *Wąsowicz A.* Op. cit., p. 54—55; *Рубан В. В.* Литийная форма с поселения Козырка XV.— СА, 1979, № 3, с. 257—258.

А. Г. ЗАГИНАЙЛО

КАМЕНСКИЙ КЛАД СТРЕЛОВИДНЫХ ЛИТЫХ МОНЕТ

Монеты из бронзы в виде двухлопастных наконечников стрел были одним из своеобразных видов ранних монет Северо-Западного Причерноморья. Они встречаются в различных пунктах этого региона, тяготеющих к греческим городам Аполлонии, Истрии и Ольвии, но несмотря на сравнительно немалое коли-

чество находок их изучение еще далеко от завершения. Это отчасти объясняется тем, что до недавнего времени монеты-стрелки не выделялись археологами из общей массы бронзовых накопечников стрел, найденных на древних поселениях и некрополях.

Толчком к изучению стреловидных монет послужило обнаружение кладов. Первый из них был найден в 1925 г. около Измаила и составлял 51 экземпляр. Опубликовавший находку Г. Северяну высказал предположение, что стреловидные слитки служили скифам монетами¹. Следующий клад таких монет-стрелок был обнаружен в 1932 г. в Северной Добрудже между селами Паша, Чишла и Журиловка, Тульчинский уезд СРР; входившие в его

состав монеты (около 200 экз.) разошлись по частным коллекциям². Третий клад такого рода, содержащий более тысячи монет, был найден в 1934 г. на п-ове Атия в Бургасском заливе³. Четвертый клад, насчитывавший также около тысячи монет, был открыт в 50-х годах около с. Журиловки⁴. В 1962 г. в том же районе был обнаружен еще один клад, состоявший более чем из сотни монет-стрелок⁵. Наконец, двадцать лет назад на восточном берегу Березанского лимана, к западу от с. Каменка (Очаковский р-п Николаевской обл.) был найден небольшой клад стреловидных монет, который был изучен нами в 1968 г.

Условия находки Каменского клада установить не удалось, поскольку в момент находки он представлял собою небольшой комок окисленного металла, разломанного сразу же на части, две из которых сохранились (рис. 1, 1). Обе сохранившиеся части неплотно прилегали друг к другу и при внимательном осмотре слитка на его внешней поверхности были видны отпечатки грубой ткани (рис. 1, 2). При расчистке слиток распался на 14 монет-стрелок, но если учесть потерянные части, можно полагать, что клад состоял из двух или даже трех десятков стреловидных монет.

1 — общий вид клада до расчистки; 2 — отпечаток ткани на окиси металла.

Монеты-стрелки из перечисленных кладов и многочисленные отдельные находки явно не были приспособлены к непосредственному применению — ось заканчивается с обеих сторон гладкими выступами, боковые края не заострены. Со времен А. С. Уварова их относили к прочим, указывая при этом на то, что они не получили необходимой вторичной обработки⁶, или отмечая, что они представляют особую группу черешковых наконечников, подражающих обычным двухлопастным втульчатым наконечникам боевых скифских стрел⁷. Однако после выхода статьи Т. Герасимова, решительно поддержавшего догадку Г. Северяну о монетном назначении этих литых изделий⁸, мнение о них как особого рода монетах постепенно становится господствующим. В самом деле, в пользу такого понимания свидетельствуют клады, в которых стреловидные слитки находились в сосудах подобно обычным монетам, а также находки отдельных «наконечников» в погребениях, где они играют роль «оболов Харона», предусмотренных греческой погребальной обрядностью⁹.

В советской научной литературе монетный характер занимающих нас стреловидных слитков по отношению к западнопонтийским находкам был безоговорочно признан в начале 50-х годов¹⁰. В 1956 г. В. М. Скуднова опубликовала аналогичные ольвийские находки¹¹, а несколько позже В. В. Лапин привел сведения о монетах-стрелках, найденных на Березани¹². Болгарские и румынские археологи, приводя новые данные о находках подобных монетных слитков, наметили их классификацию и хронологию¹³. Одновременно Б. Н. Граков коснулся происхождения этих своеобразных монет и попытался показать их место в денежном обращении античного Причерноморья¹⁴.

Размеры и вес монет-стрелок из Каменского клада обычны для памятников этого рода. Длина их колеблется в пределах от 3,5 до 5,5 см, средний вес составляет 3,9 г. Сравнение с опубликованными материалами не позволяет определить, делились ли эти монетовидные слитки на номиналы: вес стрелок из Енисальского клада колеблется, например, от 6,5 до 2,4 г, причем 95 экземпляров (83,1%) — в пределах 5,9—3,9 г, а 75 (63%) — 5,3—4,2 г, и только семь стрелок весят более 6 г¹⁵. Вес известных нам стреловидных монет из находок на Березани, в Ольвии и в Николии также ограничен 5,5—3,5 г, хотя встречаются экземпляры весом 8,1 и 2,8 г. Такие колебания позволяют отнести монеты-стрелки к одному номиналу, средний вес которого тяготеет к норме, близкой к 4 г.

В литературе, посвященной монетам-стрелкам, не отмечается, что среди них имеются орнаментированные экземпляры. Однако на некоторых стрелах из Каменского клада хорошо различается орнамент, выполненный в процессе отливки, чаще всего он имеет вид прямых линий, отходящих под углом от осевого стержня. Количество линий различно, они располагаются в одних случаях на одной стороне стреловидного слитка (рис. 2, 8, 10, 11), в других —

на обеих (рис. 2, 12—14). В связи с этим все известные монеты-стрелки подразделяются на две неравные по количественному составу категории — обычные двухлопастные стреловидные слитки и стреловидные монеты с орнаментом.

Монеты-стрелки и по форме распадаются на несколько различных типов. Сравнивая стреловидные монеты с обычными наконечниками скифских стрел, П. О. Карышковский подразделил их на три типа, находящие вполне удовлетворительные аналогии среди раннескифских двухлопастных наконечников¹⁶. Отличительным признаком монет первого типа является их короткий и широкий силуэт. Они массивны, посередине имеют сильно выраженный осевой стержень, а по краю — валиковидное утолщение. Стрелы этого типа (автор называет их «ромбовидными») находят аналогии среди наконечников боевых стрел четвертого варианта первого типа по классификации А. И. Мелюковой, которая относит данный вариант к VIII—VII вв. до н. э. и отмечает, что такие наконечники стрел наибольшее распространение получили в предскифский период¹⁷.

Ко второму типу неорнаментированных стреловидных монет (П. О. Карышковский называет этот тип «лавролистным») относятся экземпляры, отличающиеся более вытянутой пропорцией и мягким обводом. У них сохраняются осевой стержень и утолщение по краю. Аналогии для них можно указать среди наконечников наиболее характерного для раннескифского времени первого варианта второго типа (по А. И. Мелюковой)¹⁸.

Третий тип монет-стрелок представлен еще более удлиненными наконечниками («остролистными» по определению П. О. Карышковского). Осевой стержень у них налицо, но утолщение по краю в большинстве случаев отсутствует, силуэт становится более стройным. Такие монеты по форме аналогичны наконечникам раннескифских боевых стрел, широко распространенным в погребальных комплексах VII—VI вв. до н. э. (четвертый вариант третьего типа по А. И. Мелюковой)¹⁹.

Орнаментированные стреловидные монеты по форме очень близки неорнаментированным второго типа, среди которых можно выделить три вида:

а) лавролистные монеты с отчетливо выраженным осевым стержнем и утолщением по краю. На одной стороне — трапециевидный орнамент, упирающийся верхней частью в окаймляющий перо стрелы валик, а нижней касающийся осевого стержня (рис. 2, 9). Известна лишь одна монета с такой орнаментацией, происходящая из Каменского клада;

б) те же монеты с «елочным» орнаментом на одной из сторон, состоящим из небольших прямых линий, пересекающих обе лопасти стрелки под острым углом к ее осевому утолщению (рис. 2, 10, 11). Эти стрелки были известны из Каменского клада, а позже обнаружены нами среди раскопочного материала с о-ва Березань, хранящегося в Одесском археологическом музее.

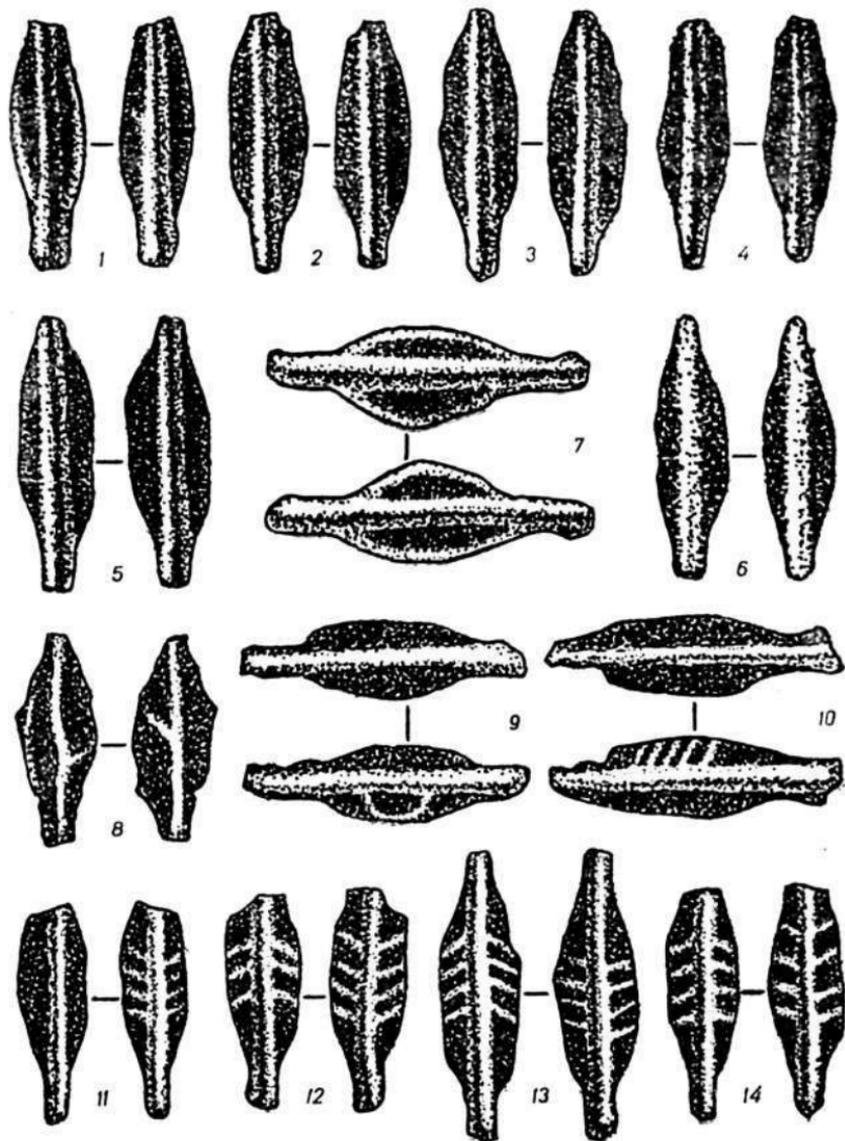

Рис. 2. Типы монет-стрелок из Каменского клада.

1—6 — лавролистный; 7 — ромбовидный; 8—14 — лавролистный с рельефным орнаментом.

в) те же, с таким же орнаментом на обеих сторонах (рис. 2, 12—14). Также известны по экземплярам Каменского клада и по березанским материалам.

Время изготовления и обращения стреловидных монет определялось по-разному. Исходя из формы и орнаментации сосуда,

в котором был найден Бургасский клад, Т. Герасимов первоначально датировал монеты-стрелки IV и даже III в. до н. э.²⁰ Однако советские исследователи, изучившие условия нахождения подобных монет в Северном Причерноморье, отодвинули дату их обращения к концу VI — началу V в. до н. э.²¹ В. В. Лапин и Б. Н. Граков относят их выпуск только к VI в. до н. э.²², и эта дата была поддержана болгарскими учеными²³. Действительно, в Истрии и на Березани монеты-стрелки встречаются в архаических слоях вместе с фрагментами ранней импортной керамики (обломки ионийских амфор и киликов, коринфских скифосов, аттических чернофигурных киликов и т. п.)²⁴. Однако датировка начального этапа обращения стреловидных монет ко второй половине или к концу VI в. до н. э. была проведена без учета выводов, вытекающих из типологического анализа монет. Между тем они, как показано выше, находят формальные аналогии лишь среди самых ранних двухлопастных стрел скифского времени, а некоторые и предскифского времени. Следовательно, речь должна идти о конце VII и первой половине VI в. до н. э., а не о конце VI или начале V в. до н. э. Конечно, стреловидные монеты выпускались и обращались и в это время, но традиционная их форма сложилась значительно раньше. В самом деле, среди наконечников боевых скифских стрел, выделенных А. И. Мелюковой во вторую группу (вторая половина VI — начало V в. до н. э.), уже трудно отыскать аналогии для стреловидных монет всех трех типов, начало их изготовления следует относить к предшествующему периоду. Однако ольвийское граффито на чернолаковом аттическом сосуде конца VI — начала V в. до н. э. убедительно доказывает, что в это время стреловидные монеты продолжали обращаться среди ольвиополитов²⁵, а может быть и позже, о чем свидетельствуют сосуд, в котором находились монеты-стрелки Бургасского клада²⁶, а также находка в Никонии стреловидной монеты в комплексе с фрагментами керамики IV в. до н. э.²⁷

В какой же среде зародилось обращение стреловидных бронзовых слитков в качестве монет? Единого мнения по этому поводу не сложилось. Некоторые исследователи — Т. Герасимов, Т. В. Блаватская, Б. Н. Граков — считают местом эмиссии этих своеобразных монет Фракию и показывают зарождение денежного обращения в среде фракийских племен, а Т. Герасимов даже пытался связать изготовление монет-стрелок с поселением Атейа, находившимся, по его мнению, на территории племени астов²⁸. Другая группа специалистов относит стреловидные монеты к скифам (Г. Северяну, Д. Берчу, Т. Д. Златковская)²⁹. Наконец, В. В. Лапин, Ф. Преда, А. Арическу и Б. Димитров вообще отрицают связь интересующих нас монет с причерноморскими племенами — по их мнению, монеты выпускали жители греческих городов — Аполлонии, Истрии, Ольвии, в окрестностях которых сосредоточены соответствующие находки³⁰.

Сторонники фракийского происхождения монет-стрелок подчеркивают значение того факта, что в Бургасском кладе вместе с монетами была обнаружена глиняная форма для их отливки, к сожалению, позже утерянная³¹. С другой стороны, в Ольвии, на Березани и на ранних поселениях ольвийской хоры не только засвидетельствованы неоднократные находки подобных монет, но основная их масса, в отличие от находок в районе Бургасского залива, приходится не на один клад, а на единичные находки. Не лишены значения находки на Березани в 1964 г. свинцовой монеты-стрелки, а в 1963 г. — большой гирьки с изображением такой двухлопастной стрелки³². Гирька находит ближайшие аналогии среди известных ольвийских гирь с изображением дельфина³³.

Что касается возможности отнесения занимающих нас монет к собственно Скифии, то в его пользу можно привести только внешнее сходство стреловидных литых поделок с наконечниками ранних скифских боевых стрел. О распространении монет-стрелок среди скифских племен сведений нет, и Б. Н. Граков подтверждает свою интерпретацию известия Геродота о царе Арианте, приказавшем всем скифам принести ему по одной стреле, указанием на значительное количество стрел в погребениях скифских воинов³⁴; однако речь идет не о стреловидных монетах, а о настоящих боевых стрелах.

Таким образом, изложенное выше показывает, что в настоящее время еще не накоплен материал, позволяющий однозначно решить вопрос о месте зарождения монет-стрел. Заслуживает однако внимания мысль П. О. Карышковского, отметившего, что находки этих монет сосредоточены в зонах контактов греческих поселенцев с местными жителями³⁵. При этом все же не ясно, были ли греки изобретателями стреловидных монетных слитков, так как значение ольвийского граффито, свидетельствующего о денежной роли монет-стрелок среди ольвиополитов ослабляется тем, что монетному делу Ионии и любого другого района греческой метрополии обращение каких-либо бронзовых поделок совершенно чуждо³⁶. Поэтому приходится подчеркивать значение местных традиций обращения бронзовых слитков или изделий среди племен Фракии и Северного Причерноморья³⁷.

¹ Severiano G. Sur les monnaies primitives des scythes.— Bul. SNR, 1926, t. 21, N 57/58, p. 4—6.

² Mitrea B. Note bibliografice.— SCN, 1960, 3, p. 569.

³ Герасимов Т. Ськровище от бронзови стрели-монети.— ИБАИ, 1939, 12, с. 424—427.

⁴ Preda F. Virfuri de săgeți cu valoare monetară.— Analele universității C. I. Parhon, București, Ser. științe sociale și istorice, 1961, t. 9, N 16, p. 10—11.

⁵ Aricescu A. Tezaurul de semne de schimb premonetare de la Enisala.— SCN, 1975, 6, p. 17—19.

⁶ Rau P. D. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Studien zur Chronologie der skythischen Pfeilspitzen.— Mitteilungen des Zentralmuseum der ASSR der WD. 1929, Jg. 4, Hf. 1, S. 87.

- ⁷ Граков Б. Н. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов.— ТСА РАНИОН, 1930, 5, с. 77.
- ⁸ Герасимов Т. Указ. соч., с. 425; Герасимов Т. Домонетни форми на пари у тракийского племе асти.— Археология, 1959, т. 1, кн. 1/2, с. 86—87.
- ⁹ Пандакаев Ив. Нови археологически находци в Бургаско.— ИБАИ, 1929, 5, с. 328; Лапин В. В. Экономическая характеристика Березанского поселения.— В кн.: Античный город. М., 1963, с. 39; Aricescu A. Op. cit., p. 22.
- ¹⁰ Блаватская Т. В. Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э. М., 1952, с. 40—41.
- ¹¹ Скуднива В. М. Монеты-стрелки из Ольвии.— СГЭ, 1956, 10, с. 38—39.
- ¹² Лапин В. В. Указ. соч., с. 38—39; Лапин В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966, с. 141—146.
- ¹³ Preda F. Op. cit., p. 7—17; Aricescu A. Op. cit., p. 17—23; Димитров Б. За стрелите-пари от Западно и Северного Черноморско крайбрежие. Археология, 1975, т. 17, № 2, с. 43—47.
- ¹⁴ Граков Б. Н. Легенда о скифском царе Арианте.— В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 101—115; Граков Б. Н. Еще раз о монетах-стрелках.— ВДИ, 1971, № 3, с. 125—127.
- ¹⁵ Aricescu A. Op. cit., p. 17—19.
- ¹⁶ Приношу благодарность П. О. Карышковскому за разрешение использовать его неопубликованную докторскую диссертацию «Монетное дело и денежное обращение Ольвии» (1968 г.).
- ¹⁷ Мелюкова А. И. Вооружение скифов.— САИ, 1964, Д 1—9, с. 18, табл. 5 (в тексте) и табл. 1Б.
- ¹⁸ Там же, с. 18, табл. 5 (в тексте).
- ¹⁹ Там же, с. 11, табл. 1Б, 2—4.
- ²⁰ Герасимов Т. Съкровище от бронзови стрели-монети, с. 425.
- ²¹ Блаватская Т. В. Указ. соч., с. 40; Скуднива В. М. Указ. соч., с. 39.
- ²² Лапин В. В. Греческая колонизация, с. 145, 146; Граков Б. Н. Легенда о скифском царе Арианте, с. 111, 112.
- ²³ Герасимов Т. Домонетни форми на пари, с. 86, 87; Димитров Б. Указ. соч., с. 45, 46; Aricescu A. Op. cit., p. 23.
- ²⁴ Pippidi D. M., Berciu D. Geți și greci la Dunărea de jos. București, 1965, p. 192; Preda F. Op. cit., p. 11, 13—14; Aricescu A. Op. cit., p. 23. Лапин В. В. Греческая колонизация, с. 144—146.
- ²⁵ Граков Б. Н. Легенда о скифском царе Арианте, с. 115.
- ²⁶ Герасимов Т. Съкровище от бронзови стрели-монети, с. 425, 427, обр. 210.
- ²⁷ Загинайло А. Г. Монетные находки на Роксоланском городище.— МАСП, 1966, 5, с. 111—112. В Томи группа стреловидных монет обнаружена совместно с литыми истрийскими монетками с изображением колеса (Mitrea V. Découvertes monétaires en Roumanie (XIX).— Dacia, 1976, 20, p. 288, № 9), а в Ольвии и на Березани такие стрелки встречались вместе с литыми дельфинами (Скуднива В. М. Указ. соч., с. 39; Лапин В. В. Греческая колонизация, с. 145—146), и те и другие находились в обращении до IV в. до н. э. (Зограф А. М. Античные монеты.— МИА, 1951, № 16, с. 124).
- ²⁸ Герасимов Т. Домонетни форми на пари, с. 86—87; Блаватская Т. В. Указ. соч., с. 40—41; Граков Б. Н. Легенда о скифском царе Арианте, с. 108, 111.
- ²⁹ Severiano G. Op. cit., p. 4—6; Pippidi D. M., Berciu D. Op. cit., p. 109, 110; Златковская Т. В. Возникновение государства у фракийцев. М., 1971, с. 65—66.
- ³⁰ Лапин В. В. Греческая колонизация, с. 144—146; p. 14, 17; Aricescu A. Op. cit., p. 22; Димитров Б. Указ. соч., с. 46.
- ³¹ Герасимов Т. Съкровище от бронзови монети-стрели, с. 424, 425; Герасимов Т. Домонетни форми на пари, с. 85.
- ³² Лапин В. В. Греческая колонизация, с. 145; Граков Б. Н. Еще раз о монетах-стрелках, с. 125—126.
- ³³ Карышковский П. О. Про державний устрій Ольвії.— УІЖ, 1973, 2, с. 98—101.

- ³⁴ Граков Б. Н. Легенда о скифском царе Арианте, с. 101—103.
³⁵ Эта мысль высказана в упомянутой выше диссертации (прим. 16).
³⁶ Price M. J. Early greek bronze coinage. — In: Essays in greek coinage presented to S. Robinson. Oxford, 1968, p. 90—104.
³⁷ Загинайло А. Г. Предпосылки возникновения денежного обращения в Северо-Западном Причерноморье. — В кн.: Археологические и археографические исследования на территории Южной Украины. Киев, 1976, с. 162—171.

В. Н. УРСАЛОВ

ЛИТАЯ ОЛЬВИЙСКАЯ МОНЕТА, НАЙДЕННАЯ НА ПОСЕЛЕНИИ КОЗЫРКА II

Весной 1978 г. в прибрежной части поселения Козырка II, расположенного в 15 км к северу от Ольвии на берегу Бугского лимана, в оползне случайно была обнаружена бронзовая монета. После очистки оказалось, что это фракция ольвийского обола (так называемого ольвийского «асса»). Монета обычна по типам: на аверсе изображено спокойное лицо Горгоны, на обороте — орел с дельфином в лапах, влево; буквы надписи, содержащей начальные слоги имени Ольвии, сохранились плохо, но в целом монета почти не повреждена¹. Вес 18,14 г (до очистки 23,75 г), диаметр 36—37 мм (до расчистки 36,5—38,5 мм).

Находки литых монет Ольвии за пределами города довольно редки, и по имеющейся сводке легко установить, что среди них преобладают номиналы серии с буквами АΡΙΧ², тогда как экземпляры, подобные описанному выше, среди находок на территории хоры отсутствуют³. Однако такие монеты находили в пунктах, сравнительно отдаленных от Ольвии: одна монета случайно обнаружена в начале XX столетия на так называемых Аleshкинских хуторах (Цюрушинск)⁴, две монеты — в 1939 г. в составе небольшого клада совместно с чеканенными монетами при раскопках Лузановского поселения на берегу Одесской бухты⁵, а в 1958 г. — одна монета вместе с двумя чеканенными ольвийскими при раскопках Роксоланского городища на Днестровском лимане⁶.

В настоящее время нет единого мнения специалистов относительно последовательности выпуска отдельных серий ольвийских литых «ассов». В частности, монеты, подобные экземпляру из Козырки II, одними исследователями признаются за образец самого последнего, заключительного этапа изготовления и обращения полновесных бронзовых монет Ольвии, причем их сравнительно небольшие размер и вес, значительно уступающий среднему весу старших номиналов литых «ассов» других серий, рассматриваются как результат проведенной ольвиополитами редукции основной монетной единицы⁷. Это мнение разделяет Л. Н. Казаманова⁸. Однако другие нумизматы отводят место

рассматриваемой серии внутри эволюционного ряда ольвийских литых «ассов» и считают эти небольшие монеты образцами особого номинала⁹. Не существует и единого мнения об абсолютной хронологии монет, подобных публикуемой находке. А. Н. Зограф относит эту серию к самому концу IV в. до н. э.¹⁰, Л. Н. Казаманова — к IV в. до н. э. без дальнейшего уточнения¹¹, а А. В. Орешников — к V в. до н. э.¹² Л. П. Харко, тщательно классифицировав литые ольвийские «ассы» и критикуя точку зрения А. Н. Зографа насчет относительной последовательности этих монет, тем не менее датирует публикуемые им экземпляры строго по А. Н. Зографу¹³. Однако П. О. Карышковский при публикации роксоланской находки относит литую монету к рубежу V и IV вв. до н. э., а найденные вместе с нею чеканенные монеты с головой Деметры и ольвийским гербом (орел с дельфином в лапах) — к первой половине того же века¹⁴. В других своих работах он уточняет эти даты, относя интересующую нас серию «ассов» к 405—395—390, а чеканенные монеты к 385—380—360—355 гг. до н. э.¹⁵

Значение монетной находки на поселении Козырка II не только в том, что она является первым образцом серии, обнаруженной на одном из поселений хоры, но и в том, что эта находка позволяет наметить путь к преодолению обрисованных выше хронологических разногласий. Дело в том, что само поселение Козырка II¹⁶ существовало в течение непродолжительного и притом достаточно точно ограниченного времени, а монета найдена на разрушающейся оползнями раскопанной части поселения, материал которого четко датируется первой половиной IV в. до н. э.¹⁷ Поселение входит в число тех, которые сложились вокруг Ольвии на рубеже V и IV вв. до н. э. или в самом начале IV в. до н. э. и просуществовали до третьей четверти того же века. Концом их жизни были, как можно предполагать, события, связанные с нашествием Зопириона¹⁸. Поэтому совершенно естественно датировать монету этим же временем.

¹ АМ табл. XXXI, 5; ОКМ, табл. I, 6.

² Там же, XXXI, 1—3; ОКМ табл. I, 1—4.

³ *Загинайло А. Г.* К вопросу об экономических связях Западного и Северо-Западного Причерноморья в VI—IV вв. до н. э. по нумизмическим данным. — МАСП, 1976, 8, с. 74—76, рис. 2 (карта находок).

⁴ *Летопись Херсонского музея. Херсон, 1916, № 6, с. 25.*

⁵ *Зограф А. Н.* Монеты Ольвии из раскопок в Лузановке. — МАСП, 1957, 1, с. 97—101.

⁶ *Карышковский П. О.* Заметки о монетах Ольвии. — СА, 1960, № 3, с. 305—309.

⁷ *Зограф А. Н.* Монеты Ольвии...; *Зограф А. Н.* Античные монеты, с. 100, с. 124.

⁸ *Казаманова Л. Н.* Введение в античную нумизматику. М., 1969, с. 115.

⁹ *Орешников А. В.* Этюды по нумизматике Черноморского побережья. — ИРАИМК, 1921, 1, с. 222—223; *Карышковский П. И.* З історії монетної справи та грошового обігу в Ольвії. Ольвійські аси. — ПОДУ, 1959. Серія іст. наук, № 7, с. 48—56; *Харко Л. П.* Монеты из раскопок Ольвии в 1946—1947 гг. — В кн.: *Ольвия. Теменос и агора. М.; Л., 1964, с. 330—335.*

- ¹⁰ Зограф А. Н. Античные монеты, с. 124.
¹¹ Казаманова Л. Н. Указ. соч., с. 115.
¹² Орешников А. В. Указ. соч., с. 223.
¹³ Харко Л. П. Указ. соч., с. 346, № 37; с. 350, № 155; с. 352, № 204; с. 369, № 995; так же датированы № 1008, 1061, 1062, 1576, 1579.
¹⁴ Карышковский П. О. Заметки о монетах Ольвии, с. 308.
¹⁵ Карышковский П. И. Ольвийські аси, с. 63, 67; Карышковский П. О. Монетное дело и денежное обращение Ольвии. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Л., 1969, с. 12; Карышковский П. О. Из истории монетного дела Ольвии в первой половине IV в. до н. э. — В кн.: Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1978, с. 99.
¹⁶ Материал с этого памятника упоминается в литературе под названием Крутая балка.
¹⁷ Рубан В. В. О датировке поселения Козырка II. — В кн.: Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1981.
¹⁸ Рубан В. В. Из истории приольвийских поселений правобережья Бугского лимана IV—III вв. до н. э. — В кн.: Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1978, с. 66—67, 81—83; Рубан В. В. Исследования античных памятников на правом берегу Бугского лимана в 1973—1974 гг. — В кн.: Новейшие открытия советских археологов. Киев, 1975, 2, с. 88.

М. И. АВИКУЛОВА, В. Б. ПИВОРОВИЧ

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ НАХОДКИ ОЛЬВИЙСКИХ МОНЕТ НА ПОСЕЛЕНИЯХ НИЖНЕГО ДНЕПРА

(по материалам Херсонского музея)

Находки ольвийских монет на городищах и поселениях низовьев Днепра и побережий Днепровского лимана являются немаловажным источником, изучение которого представляет значительный интерес для истории этого региона в древности. Между тем в научной литературе отмечены лишь немногие факты подобного рода, поэтому представляется целесообразным привести сведения о ряде подобных находок.

1. Белозерское городище (Белозерский р-н Херсонской обл.) (по материалам И. Д. Ратнера) возникло в V в. до н. э. Наиболее ранними монетными находками на нем являются два ольвийских «асса» из раскопок Н. Н. Дмитренко в 1946 г. На обеих монетах отчетливо различается горгонейон (с высунутым языком) на аверсе, а на реверсе — обращенный влево орел с поднятыми параллельно туловищу крыльями, стоящий на дельфине¹. Обе монеты датируются рубежом V и IV вв. до н. э.² На одной из монет в момент находки прослеживались отпечатки ткани³.

В 1978 г. в культурном слое городища, разрушаемом земляными работами, сотрудником Херсонского музея Н. П. Оленковским на глубине 0,6—0,7 м от современной дневной поверхности найдена ольвийская бронзовая монета.

Л. с. Голова Деметры с вплетенными в прическу колосьями, влево. Орел с поднятыми крыльями (как на упомянутых литых

монетах), стоящий на дельфине, влево. Внизу начало названия города ОЛВЮ, справа в поле монограмма N (НАТ). Вес 3,25 г, диаметр 15 мм⁴. Монета датируется временем, близким к началу последней четверти IV в. до н. э.⁵

2. Городище Золотой мыс (Белозерский р-н Херсонской обл.) датируется I в. до н. э. — середина III в. н. э.⁶ В 1976 г. в отвале хозяйственной ямы жителем Херсона В. Гиренко обнаружены две бронзовые монеты, из которых сохранилась одна. Л. с. голова Зевса, вправо; в клейме кадуцей. На реверсе — Об. с. Стоящий орел с полураспущенными крыльями, влево. Над орлом начало названия города ОЛВЮ, перед ним в поле монограмма N (ПА). Монета плохой сохранности.

Вес 3,4 г, диаметр 17 мм⁷. Монета датируется сороковыми или первой половиной пятидесятих годов I в. н. э.⁸

3. Поселение Антоновка I (на территории пгт Антоновка Херсонского горсовета) датируется IV—III вв. до н. э. В 1976 г. на берегу Днепра учениками местной школы найдены три ольвийских «борисфена». Одна из монет поступила в Херсонский музей.

Л. с. Голова бородатого и речного божества, вправо. Изображение смещено влево так, что видны только лоб, глаз и затылок, на который ниспадают три параллельные волнистые пряди волос, хорошо видно ухо речного божества. На реверсе — Об. с. Горит с луком и секира. Начало названия города ОЛВЮ; дифферент EY (EY Σ).

Вес 8,8 г, диаметр 20 мм⁹. По классификации П. О. Карышковского монета относится к группе V—B (дифферент № 48) и датируется первой четвертью III в. до н. э.¹⁰

4. В 1969 г. на берегу Каховского водохранилища в окрестностях с. Фирсовка (Нововоронцовский р-н Херсонской обл.) случайно найдена монета (на южной окраине села сохранились остатки позднескифского городища, но находка не связывается с этим памятником)¹¹.

Л. с. Голова Деметры, за нею маленькая головка Афины в шлеме; обе влево.

Об. с. Горит с луком и секира, над горитом начало названия города ОЛВЮ, под секирой начало имени ольвийского должностного лица ПРΩ.

Вес 7,89 г, диаметр 22 мм¹². Датируется последней четвертью III¹³ или второй половиной II в. до н. э.¹⁴

Учитывая известные ранее и публикуемые в настоящей заметке находки ольвийских монет на Херсонщине, в особенности большой клад «борисфенов», обнаруженный в 1824 г. в Понятовке¹⁵, можно предполагать, что в Нижнем Поднепровье в античную эпоху параллельно с натуральным товарообменом находила применение и ольвийская монета.

- ¹ ОКМ, табл. I, 8.
- ² *Карышковский П. О.* Заметки о монетах Ольвии. — СА, 1960, № 3, с. 309.
- ³ Описание монет дано по отчету Н. Н. Дмитренко (Научный архив ИА АН УССР, ФЭ № 844, 1946/34, л. 4, табл. 2—3).
- ⁴ АМ табл. XXXII, 5; ОКМ, табл. VII, 140.
- ⁵ АМ, с. 127.
- ⁶ *Бураков А. В., Буйскиз С. Б.* Работы периферийного отряда Ольвийской экспедиции. — АО 1976 г., М., 1977, с. 275.
- ⁷ АМ, табл. XXXIV, 8; ОКМ, табл. VI, 107.
- ⁸ АМ, с. 140—141.
- ⁹ ОКМ, табл. IX, 217; *Карышковский П. О.* Ольвийские «борисфены». — Нумизматика и сфрагистика, 1968, 3, табл. VI, 3, 4.
- ¹⁰ *Карышковский П. О.* Ольвийские «борисфены», с. 76.
- ¹¹ *Фабрициус И. В.* Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР, Вып. 2. — Научный архив ИА АН УССР. № 150, л. 58.
- ¹² *Карышковский П. О.* Монеты ольвийской коллегии Семи. — В кн.: Художественная культура и археология античного мира. М., 1976, с. 111, рис. 2, 11; ОКМ, с. 46, № 436.
- ¹³ *Карышковский П. О.* Монеты ольвийской коллегии Семи, с. 114.
- ¹⁴ АМ, с. 135.
- ¹⁵ АМ, с. 131; *Гошкевич В. И.* Клады и древности Херсонской губернии. Херсон, 1902, с. 41.

С. Д. КРЫЖИЦКИЙ

СТАТЕР ФИЛИППА АРРИДЕЯ, НАЙДЕННЫЙ В ОЛЬВИИ В 1978 г.

Летом 1978 г. во время проведения в Ольвии работ по дальнейшему исследованию ранних слоев под так называемым Западным торговым рядом, выходящим восточным фасадом на агору, и нижним уровнем пола третьего с севера подвала (кв. 420) на глубине 3—5 см от уровня пола в серозолистом слое была обнаружена золотая монета (Инв. № ЮЗА 0/78 1159) ¹.

Монета (диаметр 17,0—18,3 мм, вес 8,51 г) представляет собой статер, чеканенный от имени македонского царя Филиппа III Арридея (323—316 гг. до н. э.). Статер отличной сохранности. Его отличительные особенности — расположение царского титула на реверсе (перед фигурой Ники, сверху вниз) и наличие перед ногой Ники у нижнего края букв ΛΓ, позади левой ноги — буквы Μ (табл. II, 1). По определению Л. Миллера статер чеканен на одном из ликийских монетных дворов ², но более вероятно, что он выпущен в Вавилоне ³.

В нумизматической литературе упоминается еще один статер Арридея из Ольвии. Эта монета хранится в Одесском археологическом музее (Инв. № 52314), поступила в 1893 г. от А. Л. Бертье-Делагарда ⁴. На одесском экземпляре у ног Ники находится монограмма , а в поле, левее царского титула — овалный щит (табл. II, 2). Этот статер чеканен в Аканфе ⁵.

Хотя об условиях обнаружения статера из Одесского музея не сохранилось сколько-нибудь четких сведений, находка его

именно в Ольвии представляется вполне вероятной. Как известно, находки золотых монет в Ольвии редки, и такие монеты встречаются обычно в синхронных им слоях. Из всех раскопанных участков города три экземпляра было обнаружено в Центральном квартале, к которому принадлежит и доисследованный торговый ряд. Именно через этот квартал проходила одна из траншей П. Е. Забелина во время раскопок 1873 г.⁶, доведенная до слоев V—IV вв. до н. э. Неподалеку от нее были найдены две золотые монеты: описанный выше статер Филиппа Арридея и обнаруженный в 1957 г. статер Лисимаха⁷. Представляется вероятным, что одесский статер Филиппа III, поступивший к А. Л. Бертъе-Делагарду, а от него в музей Одесского общества истории и древностей вместе со статерами Филиппа II, Александра и Лисимаха⁸, происходил из отвалов забелинской траншеи или был найден при зачистке ее стен.

Было бы желательно допускать, что поступившие от А. Л. Бертъе-Делагарда золотые монеты были частью клада, аналогичного по составу известнымкладам из Лубянки или Анадола⁹, но для этого нет никаких документальных доказательств. Тем не менее не подлежит сомнению, что монеты македонских царей и прижизненные эмиссии Лисимаха поступали в Северное Причерноморье одним потоком. В частности, монеты Филиппа Арридея известны в кладах из Лергуцы и Анадола¹⁰, из Мерешетского клада в Румынии¹¹. Известна и единичная находка статера Филиппа Арридея у с. Нижние Серогозы (Херсонская обл.)¹².

Монеты Арридея, сводного брата Александра, принявшего имя своего отца Филиппа, выпускались до его гибели в 316 г. до н. э. Время строительства подвала, под полом которого был найден в 1978 г. статер этого малолетнего и ничем себя не проявившего правителя, относится согласно выводу Л. М. Славина к концу IV в. до н. э.¹³ Сопровождающий материал из слоя заключал в себе и другие монеты: литой «асс»¹⁴ и 17 так называемых борисфенов, а также мало выразительные обломки амфорной тары и кухонной посуды V в. до н. э. Это свидетельствует о проникновении описанного статера в Ольвию вскоре после его выпуска, что подтверждается и сохранностью монеты. Если учесть, что материал из слоя под двумя верхними полами того же подвала датируется IV—III вв. до н. э.¹⁵, то можно предполагать, что найденная в 1978 г. золотая монета поступила в Ольвию в самом конце IV или в начале III в. до н. э.

¹ Руководитель раскопа Н. А. Лейбуновская, заведующий квадратом В. П. Назарчук.

² Müller L. Numismatique d'Alexandre le Grand. Copenhagen, 1855. pl. XXVIII, 98.

³ Фридик Е. М. Анадольский клад золотых статеров 1895 г. — ИАН, 1902, 3, с. 60, прим. 4; с. 79, № 10—18.

⁴ Савицьков О. Г. Античні золоті монети з колекції Одеського археологічного музею. — МАСП, 1960, 3, с. 244—245, прим. 17.

⁵ Müller L. Op. cit., pl. XXVII, 23.

- ⁶ ОАК за 1873 г. Спб., 1876, с. XX—XXIII.
- ⁷ *Каришковский П. И.* Золоті монети Лісімаха, знайдені в Ольвії.— АП УРСР, 1962, 11, с. 97.
- ⁸ *Сальников О. Г.* Вказ. праця, с. 244—245; Отчет Одесского общества истории и древностей за 1893 г. Одесса, 1894, с. 35.
- ⁹ О Лубявском кладе имеются лишь общие сведения (ОКМ, с. 6; *Гошкевич В. И.* Клады и древности Херсонской губернии. Херсон, 1903, с. 60, 71, 74), Анадольский клад издан (*Придик Е. М.* Указ. соч., с. 58—92).
- ¹⁰ *Нудельман А. А.* Античный клад из с. Ляргуца.— Тр. Кишиневского историко-краеведческого музея, 1969, 2, с. 129—134; *Придик Е. М.* Указ. соч., с. 78—79.
- ¹¹ *Roenari Bordea Gh.* Le tresor de Mărășești.— Dacia, 1974, 18, p. 103—125.
- ¹² ОАК за 1901 г. Спб., 1903, с. 134.
- ¹³ *Славин Л. М.* Раскопки западной части ольвийской агоры (1956—1960 гг.). — В кн.: Ольвия. Теменос и агора. М.; Л., 1964, с. 193.
- ¹⁴ АМ табл. XXXI, 5.
- ¹⁵ *Славин Л. М.* Указ. соч., с. 194.

Н. Н. ГРАНДМЕЗОН

ЗАМЕТКИ О МОНЕТАХ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

На всем протяжении изучения херсонесской нумизматики в этой области успешно работали многие выдающиеся отечественные и зарубежные ученые. Однако некоторые вопросы истории монетного дела Херсонеса до сих пор остаются спорными, а многие датировки его монетных эмиссий являются условными и необоснованными. В данной статье делается попытка указать уязвимые места в общей истории монетного дела Херсонеса, созданной трудами Б. В. Кене, А. Л. Бертье-Делагарда, А. В. Орешникова, А. Н. Зографа и других исследователей, и наметить наиболее вероятные решения связанных с ними проблем.

Основные этапы истории монетного дела Херсонеса в IV—II вв. до н. э. были удачно намечены А. Н. Зографом¹, а позже рассмотрены в книге В. А. Анохина². Представляется, однако, что исследователи не уделили достаточного внимания значительному количеству известных мелких бронзовых монеток с львиной головой на аверсе и звездой на реверсе³. Они часто встречаются при раскопках и известны в разных вариантах — львиная голова обращена то вправо, то влево, звезда имеет неодинаковое количество лучей и стоящих между ними точек, различно расположение начальных букв имени города. В конце прошлого века Х. Х. Гиль описал 13 разновидностей этого номинала⁴, но к ним следует присоединить еще две:

1. *Л. с.* Голова льва вправо. *О. с.* шестилучевая звезда, между лучами сверху опрокинутая буква Π и первый слог имени города — ХЕР. Медь. В. 1,15 г, д. 11 мм.

2. *Л. с.* То же.

О. с. Пятилучевая звезда, между лучами снизу буквы ХЕР и Π. Медь. В. 1,08 г, д. 11 мм.

Первая монета отличается от одной из монет X. X. Гиля⁵ тем, что буква П перевернута, а от монеты, изданной А. Н. Зографом⁶, тем, что на последней изображена пятилучевая звезда. Вторая отличается от аналогичного экземпляра X. X. Гиля⁷ тем, что здесь представлена пяти-, а не шестилучевая звезда.

Рассматриваемые монеты обнаруживают черты стилистической деградации, вес их за период выпуска упал на 40%. Можно предположить, что выпуск их был продолжительнее, чем считали А. Н. Зограф и В. А. Анохин, и относятся они не к середине⁸, а ко всей второй половине IV в. до н. э. Буква П на части этих монеток вряд ли может рассматриваться как начальная буква имени магистрата⁹ — она встречается на стилистически и метрологически различных монетках в прямом или в перевернутом положении, стоит перед сокращением имени города или после него. Скорее всего это начальная буква слова полис, хотя строго аргументировать эту догадку нельзя.

Касаясь других ранних медных монет Херсонеса, следует подчеркнуть, что установленная А. Н. Зографом последовательность трех наиболее распространенных групп монет старшего номинала — сначала с квадригой и опустившимся на колесо воином¹⁰, затем с грифом и коленопреклоненной Девой¹¹ и наконец с Девой, добивающей раненую лань, и быком¹² — полностью подтвердилась составом нескольких кладов, позволивших уточнить классификацию и хронологию этих трех эмиссий¹³. В плане дальнейшего уточнения последней следует решительно возразить против попытки В. А. Анохина ограничить время выпуска монет третьей группы (с Девой и быком) первым десятилетием III в. до н. э.¹⁴ А. Н. Зограф датировал их первой половиной этого столетия¹⁵, но они скорее относятся к концу этого периода, о чем позволяют судить частые надчеканки на монетах этой группы, причем такие клейма известны и на монетах, выпущенных в последней четверти III в. до н. э., и были, следовательно, причеканены не ранее конца этого столетия¹⁶. С тем же клеймом (дельфин) известны и некоторые стертые монеты предшествующей группы (Дева и грифон), тесно связанные со следующими за ними монетами третьей группы именем общего магистрата Эвдрома¹⁷. Представляется вполне вероятным, что и вторая группа меди относится к III в. до н. э. Медь IV в. до н. э. известна — это прежде всего монетки, примыкающие по типам к ранней серии серебра¹⁸, затем близкие к ним монетки с Девой и палицей в венке¹⁹ и другие разновидности с палицей в венке и без венка²⁰, на смену которым пришли рассмотренные выше монетки с львиной головой и звездой. Из крупных номиналов меди безусловно к IV в. до н. э. относятся монеты с сидящей Девой и быком²¹, с женской головой и львиным скальпом²², а также упоминаемая выше медь первой группы (с квадригой и воином). Эту группу следует датировать последней четвертью²³ или последней третью IV в. до н. э.²⁴, тогда вторая группа (Дева и грифон) найдет место

в рамках первой, а третья (Дева и бык) — в пределах второй четверти III в. до н. э.

Нельзя не заметить, что В. А. Анохин вообще крайне субъективно распределил монетные эмиссии Херсонеса по десятилетиям, исходя при этом из предположения, что процесс производства монеты всегда был более или менее равномерным и очередной выпуск «производился в среднем приблизительно раз в десять лет»²⁵. Но такое допущение ничем не может быть подтверждено и противоречит давно сделанному наблюдению о том, что чеканка монеты в небольших античных городах осуществлялась по мере необходимости, так что «проходили времена, иногда года, когда ничего не чеканили; затем, приступив, сразу начеканивали сколько было надобно, многими штампами» (т. е. штемпелями. — Н. Г.)²⁶. Да и вообще время выпуска городских монет эллинистической эпохи, кроме редчайших исключений, можно объективно установить только в рамках сравнительно широких периодов, «а потому, располагая сорта по времени, можно их разделить на несколько порядков, но нельзя определить безусловно точную последовательность сортов, назначив каждому свое место, что остается делом произвольным»²⁷. Наблюдение это верно и по отношению к Херсонесу, где в сущности только крупная медь трех сменяющих друг друга групп имеет неизбежно установленную на основании кладов относительную хронологию в рамках столетия — от середины IV до середины III в. до н. э. Уточнению последовательности монетных эмиссий способствуют, разумеется, перчеканки из других сортов — серебряные монеты с головой Девы в образе городской Тихе и олеия²⁸, несомненно, приходят на смену драхам с головой Девы и Девой-охотницей²⁹ — под новыми штемпелями можно различить прежние типы и разобрат имена магистратов предшествующего выпуска³⁰. Там, где материал не дает твердой опоры для заключений, лучше ограничиваться, подобно А. Н. Зографу, широкими датировками, не открывая пути для недоказуемых и произвольных хронологических приурочений. К их числу приходится, к сожалению, отнести немалую часть дат, предложенных В. А. Анохиным для серебряных монет Херсонеса.

В. А. Анохин смело рисует картину денежного хозяйства Херсонеса в III в. до н. э. Медь, по его предположению, выпускалась только в самом начале и в конце этого столетия, а в течение 70 лет — с 290 до 220 г. до н. э. — город непрерывно изготовлял серебряные монеты, причем лишь в последнем десятилетии указанного периода чеканили мелкие номиналы (достоинством в 4,5 и даже 2,25 обولا, по определению автора), а до этого в течение жизни двух поколений сменяющие друг друга эмиссии состояли исключительно из монет крупных номиналов (выпускались тетрадрахмы, тридрахмы, дидрахмы и тригемидрахмы)³¹. Такая схема развития херсонесского монетного дела не подтверждается сколько-нибудь основательными аргументами и представ-

ляет собою ряд опирающихся друг на друга предположений, а с точки зрения ее экономического содержания не выдерживает критики. Бездоказательно, в частности, перенесение серии тетрадрахм и дидрахм с изображениями Девы³² на второе десятилетие III в. до н. э.³³ А. Н. Зограф убедительно датировал эту серию последней четвертью указанного столетия³⁴, и это находит свое подтверждение в новейших трудах по нумизматике Византия и Калхедона, с монетами которых названный исследователь сравнивал херсонесские тетрадрахмы³⁵. По всей вероятности, и начало монет с изображениями Геракла следует вместе с А. Н. Зографом относить еще к IV в. до н. э.³⁶, во всяком случае голова героя на аверсах, хотя и не является копией такого же изображения на относящихся к середине IV в. до н. э. серебряных монетах Гераклеи, но близка по стилю к своему прототипу и связывается с ним дополнительным изображением палицы у обреза шеи³⁷, а фигуры сидящей Девы и быка тесно связаны с крупной медью Херсонеса, относимой А. Н. Зографом примерно к тому же времени³⁸.

Необходимо добавить, что чеканка крупных номиналов серебра приходится по схеме В. А. Анохина на тот шестидесятилетний период, когда другие государства Северного Причерноморья полностью прекратили или резко ограничили выпуск серебра. На Боспоре, где кризис денежного обращения проявился с наибольшей силой и причины наиболее полно изучены³⁹, в указанное время исчезают из обращения золотые и серебряные монеты прежних выпусков и резко увеличивается количество медной монеты, превратившейся в единственное платежное средство. Вслед за этим медные номиналы уменьшаются в весе, мельчают и подвергаются многократным наложениям клейм и перечеканке новыми штемпелями. Аналогичные явления прослеживаются и в Ольвии⁴⁰, а Истрия и Каллатия прекращают выпуск серебра и сокращают эмиссии меди⁴¹. Херсонес, как известно, поддерживал в это время тесные связи с другими причерноморскими центрами, особенно с Боспором, и вряд ли можно согласиться с тем, что «в Херсонесе с такими кризисными явлениями мы не встречаемся»⁴². Если здесь и не последовало полного прекращения чеканки серебра, то очень показательны, что наиболее обильно представленная вкладах и музейных собраниях серия серебряных монет, относящихся по А. Н. Зографу к концу IV — началу III в. до н. э.⁴³, обнаруживает в обоих своих номиналах резкое падение веса — от 9,20—9,15 до 8,20—8,10 и даже 7,62 г для монет старшего сорта и от 4,65—4,40 до 3,85—3,20 г для младшего⁴⁴. Не следует забывать, что монеты обоих номиналов также подвергались клейменту; надчеканивались, как отмечалось выше, находившиеся в обращении крупные медные монеты предыдущих выпусков, и к тому же серебро и медь к этому времени выступают в роли сокровищ. Трудно представить себе, что многочисленные клады серебряных и медных монет образовались без

всяких экономических предпосылок и что причиной тезаврирования в III в. до н. э. были только политические факторы⁴⁵. Это заставляет отвергнуть ядиллическую картину расцвета херсонесской серебряной чеканки в эпоху денежного кризиса, жестоко поразившего соседний Боспор, и согласиться с В. А. Анохиным, когда он, не проявляя последовательности, но следуя за материалом, склоняется к тому, чтобы видеть в образовании монетных кладов отражение «некого кризисного состояния экономики»⁴⁶. В самом деле, если накануне и во время денежного кризиса на Боспоре в Херсонесе резко возрастает количество обнаруженных медных монет Пантикапей⁴⁷, то высокопробные серебряные монеты Херсонеса, разумеется, при условии, что они действительно чеканились во время кризиса, неминуемо должны были просачиваться в боспорские города, чего, однако, не наблюдается.

Во II в. до н. э. в Херсонесе, как и на Боспоре, выпускались многие виды мелких медных монет, и В. А. Анохин считает возможным рассматривать смену монетных типов — Аполлона, Гермеса, треножника, рога изобилия, а также появление свинцовых денежных знаков как свидетельство некоторого благополучия города⁴⁸. Представляется, однако, что ни поиски новых монетных типов, ни прибавление свинца к монетному сплаву, ни применение этого дешевого металла для изготовления монет⁴⁹ не говорят о том, что «город во второй половине II в. до н. э. переживает значительный экономический подъем». Еще менее о таком подъеме можно судить по обильному выпуску драхм с изображением городской богини в образе Тихе⁵⁰ — эта эмиссия осуществлялась в обстановке поспешности, и монеты изготовлялись не только на новых кружках, но и путем перечеканки находившегося в обращении серебра, так что оспариваемая В. А. Анохиным догадка А. Л. Бертье-Делагарда и А. Н. Зографа, связывавших выпуск указанных драхм с чрезвычайными расходами, понесенными городом в период крымских походов Диофанта⁵¹, мало вероятна.

Заслуживают внимания и новейшие предположения об организации монетного дела в Херсонесе автономного периода. В. А. Анохин считает, в частности, что в это время выпуск монет осуществляется коллегией номофилаков и все три члена этой коллегии помещали свои имена на одновременных и односторонних монетах⁵². Как одно из возможных предположений такая гипотеза безусловно заслуживает внимания, но не следует забывать, что она не подтверждается всем имеющимся нумизматическим материалом. В. А. Анохин, например, привлекает для обоснования своего предположения раннюю подгруппу монет с изображениями грифона и Девы. Обнаруживая среди монет этой подгруппы два варианта, причем в одном случае грифон находится на аверсе, Дева, сокращение имени города и одно из трех сокращений магистратского имени — на реверсе⁵³, а в другом Дева с сокращениями имен помещена на аверсе, грифон и надпись ХЕР — на реверсе⁵⁴, В. А. Анохин отвергает возможность одновременного

выпуска монет обоих вариантов каждым из сменяющих друг друга единоличных магистратов⁵⁵. Между тем в данном конкретном случае именно такое объяснение является наиболее вероятным. Даже не настаивая на убедительности аргументов в пользу того, что монеты с сокращением ПА являются самыми ранними в этой подгруппе⁵⁶, необходимо признать, что монеты с сокращением КРА чеканены позже остальных — известна такая их разновидность, которая наглядно представляет процесс перехода к следующей подгруппе, где на аверсе находится Дева, а на реверсе грифон, сокращение имени города и имя магистрата. На монетах переходной эмиссии Дева и буквы ХЕР помещены на аверсе, грифон и сокращение КРА — на реверсе⁵⁷. Противоречит предположению В. А. Анохина и переход от всей этой группы к следующей — на всех трех этапах этого перехода на монетах находится имя только одного магистрата Эвдрома⁵⁸. Поэтому, хотя выпуск монеты херсонесскими номофилаками и возможен, распространять такой порядок чеканки на все монеты нельзя, тем более, что сама мысль о том, что имена на монетах принадлежат обязательно магистратам, непосредственно связанным с монетным делом, ничем не доказана и можно с неменьшим основанием допускать, что на монетах Херсонеса выставлялись имена городских эпонимов, как это предполагал А. В. Орешников⁵⁹.

Возможно, но опять таки не доказано и предположение о том, что появление на монетах с квадригой отдельных букв связано с изменением государственного строя Херсонеса. Подобные буквенные обозначения известны на монетах многих причерноморских городов — Синопы⁶⁰, Ольвии⁶¹, Тиры⁶², Истрии⁶³, и нет никаких оснований предполагать на основании аналогии с Самосом, где такие буквы со значительной вероятностью истолковываются как указание на переход власти к олигархам⁶⁴, что такое объяснение обязательно для Херсонеса и всех прочих городов, как это утверждает В. А. Анохин⁶⁵.

Буквенные обозначения на монетах с квадригой пришли на смену сокращениям магистратских имен, но когда такие обозначения появляются в близкое время и при таких же условиях на других видах монет, В. А. Анохин не применяет «важный вывод», которому он приписывает даже «общий характер», и не утверждает, будто обозначение монетных выпусков последовательными буквами греческого алфавита обязательно «следует связывать с ликвидацией демократических институтов и установлением олигархической формы правления»⁶⁶. Так, на херсонесском серебре середины IV в. до н. э. имя Зомира сменяется буквой К⁶⁷, но в этом случае В. А. Анохин истолковывает эту букву совершенно иным способом: по его мнению, она не имеет числового значения, но представляет сокращение собственного имени. Само по себе это вполне возможно, но из всего множества имен В. А. Анохин совершенно произвольно останавливается на имени Клеарха и к тому же допускает, что этот херсонесский магистрат не кто

иной, как известный гераклейский тиран, правивший в 364—352 гг. до н. э.⁶⁸ Единственный довод в пользу этой удивительной догадки состоит в указании на хронологическую близость серебряных монет Херсонеса ко времени правления упомянутого гераклейского тирана⁶⁹. Не замечая шаткости и невероятности своей гипотезы, В. А. Анохин полагает, будто чеканка в Херсонесе монет от имени Клеарха «может рассматриваться как еще одно важное доказательство существования тесных экономических и политических связей города с метрополией, возможно, даже зависимости Херсонеса от Гераклеи»⁷⁰. Не оспаривая давно известной связи Херсонеса с его метрополией, следует все же подчеркнуть, что в источниках нет никаких указаний или намеков на такую зависимость, а буква К на херсонесском серебре абсолютно бездоказательно отнесена к имени тирана Гераклея. Можно добавить, что ранее существовавшее предположение о том, что Клеарх помещал начальную букву своего имени на гераклейских серебряных монетах⁷¹, опровергнуто объективными фактами⁷², так что первыми стали помещать свои имена (а не инициалы) на монетах Гераклея только сыновья Клеарха, Тимофей и Дионис.

Приведенные замечания и наблюдения показывают, что в истории монетного дела Херсонеса имеется немало спорных и не выясненных до конца моментов. Заслугой В. А. Анохина является то, что он не затушевывает трудности и стремится исторически истолковать многие нерешенные нумизматические вопросы. Однако представляется, что не все его объяснения опираются на факты, к тому же многие из высказываемых автором предположений обоснованы очень слабо. Это было бы допустимо, если бы автор проводил четкую грань между тем, что можно считать достоверным, и тем, что носит характер научной гипотезы или простой догадки, но эта граница порой слишком расплывчата, и автор строит новые предположения на основе ранее высказанных, не учитывая, что эти последние ничем, в сущности, не доказаны.

¹ АМ, с. 146—150.

² МДХ, с. 17—54.

³ МДХ, табл. II, 27—32; АМ, табл. XXXV, 12; ОКМ, табл. XV, 70, 71.

⁴ Гиль Х. Х. Описание монет, поступивших в мое собрание в 1892 и 1893 гг. — ЗРАО, 1895, 7, с. 220—221, № 21—34, табл. XVIII.

⁵ Там же, табл. XVIII, 25; ОКМ, табл. XV, 70.

⁶ АМ, табл. XXXV, 12.

⁷ Гиль Х. Х. Указ. соч., табл. XVIII, 29.

⁸ АМ, с. 148;

⁹ МДХ, с. 21.

¹⁰ МДХ, табл. II, 36—42; III, 43—56; АМ табл. XXXV, 10; ОКМ, табл. XV, 68.

¹¹ МДХ, табл. IV, 60—65, 68—69; V, 70—76; АМ, табл. XXXV, 16, 18; ОКМ, табл. XIV, 30—35.

¹² МДХ, табл. V, 77—81; АМ, табл. XXXV, 24, 25; ОКМ, табл. XIV, 37—40.

¹³ IGCH, p. 139—148, № 1052, 1087—1089, 1102, 1119, 1030—1034; 1034—1035.

¹⁴ МДХ, с. 26. 139.

¹⁵ АМ, с. 149.

- ¹⁶ Имеются ввиду тетрадрахмы и дидрахмы (МДХ, табл. VI, 82—90; АМ, табл. XXXVI, 1, 2; ОКМ, табл. XIV, 3—6, 15, 16), дата которых рассмотрена ниже.
- ¹⁷ АМ, с. 148, 149; МДХ, с. 25, 26.
- ¹⁸ МДХ, табл. I, 4—7; ОКМ, табл. XIV, 27.
- ¹⁹ МДХ, табл. I, 13—18; АМ, табл. XXXV, 3; ОКМ, табл. XIV, 28—29.
- ²⁰ МДХ, табл. I, 9—12, 19—22; АМ, табл. XXXV, 13—15; ОКМ, табл. XV, 72—74, 76—77.
- ²¹ МДХ, табл. I, 8; АМ, табл. XXXV, 9; ОКМ, табл. XIV, 36.
- ²² МДХ, табл. II, 26; АМ, табл. XXV, 9; ОКМ, табл. XV, 66.
- ²³ Зограф А. Н. Две группы херсонесских монет с заимствованными типами. — ИГАИМК, 1927, 5, с. 386—387 (в этой статье автор исходит из предположения об одновременном выпуске монет первой и второй групп, но совершенно правильно относит начало выпуска монет с квадригой «к началу последней четверти или к предпоследнему десятилетию IV в.». В дальнейшем он пришел к выводу, что монеты с квадригой предшествовали монетам с грифоном, но без достаточных оснований отодвинул начало их эмиссии «на одно — два десятилетия назад» (АМ, с. 148).
- ²⁴ Гилевич А. М. Кучук-Мойнакский клад херсонесских монет IV—III вв. до н. э. — НЭ, 1970, 8, с. 6—7.
- ²⁵ МДХ, с. 18.
- ²⁶ Бертъе-Делагард А. Л. Дифференцы на боспорских царских монетах римского времени. — НСб., 1911, 1, с. 308.
- ²⁷ Бертъе-Делагард А. Л. Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды. — НСб., 1913, 2, с. 55.
- ²⁸ МДХ, табл. XII, 179—181; АМ, табл. XXXVI, 12—14; ОКМ, табл. XIV, 9—10.
- ²⁹ МДХ, табл. IX, 133—136; АМ, табл. XXXVI, 3; ОКМ, табл. XIV, 1, 2.
- ³⁰ Бертъе-Делагард А. Л. Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса. — ЗООИД, 1906, 26, с. 254, 256—260, 263—265.
- ³¹ МДХ, с. 26—29, 139—144.
- ³² МДХ, табл. VI, 82—90; АМ, табл. XXXVI, 1, 2; ОКМ, табл. XIV, 3—6, 15—16.
- ³³ МДХ, с. 26, 139.
- ³⁴ АМ, с. 149.
- ³⁵ Seyrig H. Monnaies hellénistiques de Byzance et de Calcédoine. — In: Essays in greek coinage presented to E. S. G. Robinson. Oxford, 1968, p. 185—192; Schönert-Geiss E. Die Münzprägung von Byzantion. Berlin, 1970, S. 58—60, 133.
- ³⁶ АМ, с. 147, табл. XXXV, 19, 21.
- ³⁷ СВМ. Pontus, pl. XXIX, 19, 20; XXX, 1.
- ³⁸ АМ, с. 148, табл. XXXV, 9.
- ³⁹ Начало изучению кризиса положили А. Н. Зограф (АМ, с. 177—179) и Д. В. Шелов (МДБ, с. 107—113, 147—150); итоги дискуссии и литературу рассматривает Н. А. Фролова (Фролова П. А. О денежном обращении Боспора в III в. до н. э. — СА, 1970, № 4, с. 33—40).
- ⁴⁰ Гарышковский П. О. Из истории денежного обращения в Северном Причерноморье в III в. до н. э. — ЗОАО, 1960, 1, с. 112—123.
- ⁴¹ Блаватская Т. В. Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э. М., 1952, с. 203, 204.
- ⁴² Гилевич А. М. Кучук-Мойнакский клад..., с. 8; МДХ, с. 51.
- ⁴³ МДХ, табл. VII—VIII; АМ, табл. XXXV, 20, 22; ОКМ, табл. XV, 47—50.
- ⁴⁴ Бертъе-Делагард А. Л. Материалы, с. 69—70, № 41, 43; АМ, с. 147.
- ⁴⁵ Гилевич А. М. Кучук-Мойнакский клад..., с. 13—15.
- ⁴⁶ МДХ, с. 139.
- ⁴⁷ Гилевич А. М. Античные ипогородные монеты из раскопок Херсонеса. — НСб., 1968, 3, с. 11 (с. 42, № 4—8 — 44 монеты).
- ⁴⁸ МДХ, с. 32.
- ⁴⁹ Грандмезон Н. Н. Свинцовые монеты Херсонеса — НЭ, 1978, 12, с. 42—44.

- ³⁰ МДХ, табл. XII, 179—181; АМ, табл. XXXVI, 12—14; ОКМ, табл. XIV, 9—10.
- ³¹ АМ, с. 149—151 (ср. прим. 30).
- ³² МДХ, с. 42—44, 131—132.
- ³³ МДХ, табл. IV, 60—62; АМ, табл. XXXV, 16; ОКМ, табл. XIV, 30—32.
- ³⁴ МДХ, табл. IV, 64—65.
- ³⁵ МДХ, с. 42. А. М. Гилевич, напротив, полагает, что оба варианта монет чеканились параллельно (*Гилевич А. М. Кучук-Мойнакский клад...*, с. 7).
- ³⁶ *Гилевич А. М. Клад монет из округа Страбонова Херсонеса.*— СА, 1960, № 4, с. 170.
- ³⁷ *Гилевич А. М. Кучук-Мойнакский клад...* с. 7.
- ³⁸ *Зограф А. Н. Две группы херсонесских монет*, с. 384; АМ, с. 148, 149 (МДХ, табл. V, 75—77).
- ³⁹ *Орешников А. В. Этюды по нумизматике Черноморского побережья.*— ИРАИМК, 1922, 2, с. 113—115, 119—121; АМ, с. 160.
- ⁴⁰ RG, 1, p. 196—197, № 11—14, 18, 19 a.
- ⁴¹ АМ, табл. XXXI, 4 (на монетах этого типа известны буквы от А до Е).
- ⁴² *Зограф А. Н. Монеты Тире*. М., 1957, с. 64—66, № 1, 10; *Загинайло А. Г., Нудельман А. А. Дороцкий клад древнегреческих серебряных монет IV в. до н. э.*— МАСП, 1971, 7, с. 126—127.
- ⁴³ *Блаватская Т. В.* Указ. соч., с. 202; *Загинайло А. Г., Нудельман А. А.* Указ. соч., с. 127—128.
- ⁴⁴ *Baron J. P. The silver coins of Samos.* London, 1966, p. 40—43, 89—93.
- ⁴⁵ МДХ, с. 44—45, 48.
- ⁴⁶ МДХ, с. 45.
- ⁴⁷ МДХ, табл. II, 33—34; АМ, табл. XXXV, 7, 8.
- ⁴⁸ МДХ, с. 45—47.
- ⁴⁹ МДХ, с. 45.
- ⁵⁰ МДХ, с. 47.
- ⁵¹ *SBM. Pontus*, p. 140, 141; *HN*, p. 514, 515; *RG*, 2, p. 343, 349; *TMGR*, 2, col. 1505—1510.
- ⁵² Ранее считали, что буква К на некоторых диоболах Гераклеи является сокращением имени Клеарха, а буква Σ — его брата и преемника Сатира. Однако П. Р. Франке показал, что некоторые монеты с буквой К перечеканены из монет с буквой Σ (*Francke P. R. Zur Tyrannis des Klearchos und Satyros in Heracleia am Pontos.*— *Archäologischer Anzeiger*, Bd. 81, H. 2, 1966, S. 130—139), и если даже считать по каким-либо мотивам такую перечеканку «нелогичным явлением», все же нельзя вопреки фактам утверждать, будто прежний взгляд является «единственно возможным» (МДХ, с. 46). Напротив, он убедительно отвергнут и для того, чтобы вернуться к взглядам Ф. Имгоф-Блумера и следовавших за ним нумизматов, необходимо опровергнуть аргументацию П. Р. Франке.

В. П. АЛЕКСЕЕВ, А. С. КОЦИЕВСКИЙ
 ХЕРСОНЕССКАЯ НАДЧЕКАНКА
 НА МОНЕТЕ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА

В одной из небольших частных коллекций, составленных в последние годы, находится монета, подобных которой мы не знаем ни в музейных собраниях, ни в нумизматической литературе. Приведем описание этого редкого памятника древности:

Л. с. Женский бюст в одежде и в диадеме, вправо. Перед ним круглое клеймо, почти касающееся плеча и подбородка:

заклученная в точечный круг женская фигура в рост, с луком и копьем в руках.

О. с. Женский бюст в одежде и в калафе с опускающимся на шею покрывалом, вправо за шеей полустертые буквы ΓB (знак ценности — 12 счетных единиц).

Бронза. В. 7,06 г, д. 22—25 мм. Монета сильно стерта до наложения клейма (в частности, от круговой надписи на аверсе сохранились только следы) (табл. II, 3, 7).

Несмотря на плохую сохранность определение первоначального типа монеты (табл. II, 4) не представляет затруднений — перед нами асс боспорской царицы Гепеирии¹, чеканившей золотые статеры с заключающей ее имя монограммой в 334 и 335 годах боспорской эры, то есть в 37/38 и 38/39 гг. н. э.²

Монетам Гепеирии недавно посвящена специальная работа Н. А. Фроловой³, которая убедительно доказала, что чеканившая медную монету Гепеирия была матерью (а не супругой) Митридата, выпускавшего золотую монету со своим именем в 336 и 338 годах боспорской эры (39/40 и 41/42 гг. н. э.)⁴. Она пришла к власти после смерти своего мужа Аспурга, чеканившего золотые статеры со своей монограммой до 334 г. боспорской эры включительно. Правление Гепеирии продолжалось недолго, но на части медных монет Митридата также находится ее портрет⁵.

Митридат пришел к власти, опираясь на свои династические права и рассчитывая на поддержку местного населения, но вопреки планам Рима относительно замещения боспорского престола после смерти Аспурга. Кассий Дион сообщает, что император Гай, сменивший Тиберия в марте 37 г. н. э., по решению римского сената даровал боспорский трон воспитывавшемуся вместе с ним Полемону, внуку (Дион ошибочно называет его сыном) одноименного царя Понта и Боспора⁶. Между тем Митридат в 39/40 г. н. э. приступает к выпуску своих золотых монет. Кассий Дион добавляет, впрочем, что после гибели Гая, убитого в январе 41 г., новый император Клавдий передал Боспорское царство Митридату, вознаградив при этом Полемона частью Киликии⁷. Однако Митридат, добавляет ранневизантийский историк Петр Патрикий, сохранивший в пересказе дальнейшее изложение Диона, замыслил переворот и стал готовиться к войне с римлянами⁸. При этом упоминается (правда, без имени) также мать Митридата, которая не разделяла мятежных планов сына и даже помышляла о бегстве. На основании этих скудных сведений предполагают, будто Гепеирия (отождествление ее с матерью Митридата в сохраненном Петром Патрикием рассказе не вызывает сомнений) пыталась найти поддержку у крымских скифов, в столице которых была найдена серебряная тарелочка с ее именем⁹. Такое предположение представляется недостаточно обоснованным, так как тарелочка с именем Гепеирии могла попасть в Неаполь гораздо позже и вне всякой связи с ее деятельностью. Но так или

иначе дальнейшая судьба Гепеирии неизвестна, и можно лишь упомянуть, что уже после низложения Митридата, во время правления боспорского царя Котиса, сына Аспурга, на одной из редких медных монет появляется известная по золотым статерам 37/38 и 38/39 гг. н. э. монограмма Гепеирии, стоящая рядом с женским бюстом, в котором можно видеть ее посмертное изображение ¹⁰.

Медные монеты царицы Гепеирии, подобные издаваемой выше, были известны нумизматам еще XVIII в. и не являются нумизматическим раритетом, но на описанном экземпляре имеется клеймо, превращающее ее в уникальный памятник древности. Это клеймо принадлежит Херсонесу и известно на его крупной меди с изображением олицетворения римского мира (ΕΙΡΗΝΗ ΣΕΒΑΣΤΗ — ΡΑΧ ΑΥΓΟΥΣΤΑ) и различными датами — от 104 до 120 года местной эры (табл. II, 5, 6, 8) ¹¹.

В специальной литературе имеется публикация херсонесской бронзовой монеты времени так называемой «второй элевтерии» с боспорской надчеканкой ¹², но обратные случаи никогда не отмечались. Правда, сам факт проникновения монет Гепеирии в Херсонес известен: среди ивовенных монет, обнаруженных в этом городе, зарегистрированы две монеты Гепеирии, найденные в 1894 г. ¹³ По-видимому, монеты боспорских царей I в. н. э. и первой половины следующего проникали в Херсонес лишь в небольшом количестве, но зато регулярно — среди находок отмечены две монеты Аспурга, две Митридата, 11 монет Котиса I, одна Рескупорида, пять Савромата I, пять Котиса II, две монеты Реметалка ¹⁴. Клеймо на монете Гепеирии позволяет предположить, что боспорская медь обращалась в Херсонесе не только в IV—III вв. до н. э. и в эпоху Митридата VI Евпатора (115—63 гг. до н. э.), но и в первых веках н. э., а с конца III в. н. э. деградированные «статеры» последних царей Боспора в значительном количестве поступали в город и обращались наряду с римской разменной монетой ¹⁵.

Монета царицы Гепеирии с херсонесским клеймом интересна еще и в том отношении, что она свидетельствует о длительности периода пребывания разменной монеты на денежном рынке североопонтийских государств в первые века н. э. Чеканка Гепеирии относится ко второй половине 334 и к 335 годам боспорской эры, то есть охватывает большую часть 38 и несколько первых месяцев 39 г. н. э. ¹⁶, а клеймение херсонесских монет осуществлялось накануне получения городом элевтерии, что произошло в первые годы правления Антонина Пия, вступившего на престол в июле 138 г. н. э. ¹⁷ Надчеканывались при этом херсонесские монеты двух типов, выпущенные при Флавиях, до 120 г. херсонесской эры ¹⁸. Поскольку среди монет с клеймами обычно встречаются сильно стертые экземпляры (табл. II, 8), можно полагать, что клеймение производилось в тридцатых годах II в. н. э. ¹⁹ Из этого следует, что публикуемая монета боспорской царицы находилась

в обращении около ста лет до того, как на нее было наложено клеймо, подтвердившее и продлившее ее функции в роли платежного средства.

- ¹ АМ, табл. XLVI, 7; ОКМ, табл. XXVI, 94.
- ² АМ, табл. XLVI, 1; ОКМ, табл. XXVI, 81—82; Бертье-Делагард А. Л. Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды.— НС, 1913, 2, с. 108, № 95, 96.
- ³ Фролова Н. А. О времени правления Гепеирии и Митридата III.— ВДИ, 1977, № 3, с. 166—174.
- ⁴ АМ, табл. XLVI, 5; Бертье-Делагард А. Л. Указ. соч., с. 108, № 97, 99.
- ⁵ ОКМ, табл. XXVI, 93.
- ⁶ Кассий Дион. Римская история, LIX, 12, § 2.— (ВДИ, 1948, № 2, с. 276).
- ⁷ Там же, LX, 8, § 2.— (Там же).
- ⁸ Петр Патрикий. О посольствах, фрагм. 3 (цит. по статье: Орешников А. В. К нумизматике преемников Аспурга.— ИРАИМК, 1924, 1, с. 5).
- ⁹ Яценко И. В. Тарелка царицы Гепеирии из Неаполя скифского.— В кн.: Историко-археологический сборник. М., 1962, с. 101—113.
- ¹⁰ Карышковский П. О. Боспор и Рим в I в. н. э. по нумизматическим данным.— ВДИ, 1953, № 3, с. 182, табл. I, 16, 17; Фролова Н. А. Монетное дело Котиса I, сына Аспурга.— Труды ГИМ, 1977, № 49, ч. 5, вып. 2, с. 222, № 1—2, табл. 18, 10—12.
- ¹¹ АМ, табл. XXXVII, 10; ОКМ, табл. XVI, 120.
- ¹² Голенко К. В. Херсонесская монета с боспорской надчеканкой.— КС ИИМК, 1956, 63, с. 156—157.
- ¹³ Гилевич А. М. Античные ивогородные монеты из раскопок Херсонеса.— НСФ, 1968, 3, с. 44, № 3-б.
- ¹⁴ Там же, № 2, 3-а, 4—8.
- ¹⁵ Там же, с. 12—18.
- ¹⁶ Год боспорского летоисчисления начинался с осеннего равноденствия.
- ¹⁷ АМ, с. 154, 158; МДХ, с. 68, 82—83.
- ¹⁸ АМ, табл. XXXVII, 8—11.
- ¹⁹ АМ, с. 157—158; МДХ, с. 66—68.

Д. Б. ШЕЛОВ

К ИСТОРИИ ОБРАЩЕНИЯ ПАНТИКАПЕЙСКИХ МЕДНЫХ МОНЕТ

Весной 1948 г. на городище Фанагории случайно был обнаружен небольшой кладик, хранившийся в обломке глиняного кувшина. Клад состоял из 32 медных монет Пантикапея и Фанагории и из нескольких фрагментированных бронзовых предметов: перстня, пряжки, гвоздей, какого-то стержня. В состав клада входила также половина линейной формы для изготовления металлического шарика. Исследовавший находку Л. П. Харко датировал этот комплекс I в. до н. э.— I в. н. э.¹ Он считал наиболее поздней монетой клада пантикапейскую монетку с типами: крыло грифона — треножник², которую он вслед за А. Н. Зографом относил к 100—75 гг. до н. э.³ Мы знаем, однако, что такие монетки выпускались гораздо раньше, еще в конце III в. до н. э.⁴, так что наиболее поздней монетой клада была пантикапейская монета с изображением головы бородатого сатира и рога изобилия с шапками Диоскуров⁵, чеканенная в последнее десятилетие правления Спар-

токидов на Боспоре⁶. Поскольку в кладе отсутствует обычно весьма обильная медь митридатовского времени, можно полагать, что сокровище клада относится к самому началу правления Митридата Евпатора на Боспоре, — к концу II или к самому началу I в. до н. э.

Монетная часть клада состояла в основном из мелкой меди Пантикапея и Фанагории, вышущенной во II в. до н. э. и несомненно находившейся в обращении к началу митридатовской эпохи⁷. Но в кладе присутствовали (и составляли значительную его часть — одну треть всего количества монет) и пантикапейские монеты, чеканенные еще в III в. до н. э.⁸ и даже в последние десятилетия IV в. до н. э.⁹ Обращение на денежном рынке Боспора на рубеже II и I вв. до н. э. медных монет, изготовленных за два с лишним столетия до этого, казалось маловероятным, несмотря на несомненную находку их в этом комплексе. На это обратил внимание Л. П. Харко, который констатировал, что хронологические рамки монетной части фанагорийского клада равны почти трехсотлетнему периоду¹⁰. «Такая группа монет не может рассматриваться как сбережение, представляющее практическую денежную ценность для владельца, — писал он, — это не клад, а простое накопление старых, сильно стертых монет»¹¹. То обстоятельство, что вместе с монетами в фанагорийской находке были другие бронзовые предметы и литейная формочка, позволило Л. П. Харко предположить, что кладик принадлежал литейщику-меднику, хранившему стертые монеты и бронзовые предметы в качестве металлического лома — сырья для поделок. Это предположение, казалось бы, очень хорошо объясняет и слишком большой хронологический диапазон представленных в находке монет.

Не отвергая такого объяснения состава фанагорийского клада, следует, однако, обратить внимание на некоторые аналогичные нумизматические находки. В 1959 г. стал известен другой клад почти совершенно такого же состава, что и фанагорийский, найденный в Крыму около Судака¹². В него также входили пантикапейские монеты последней трети IV в. до н. э.¹³, середины III в. до н. э.¹⁴, а также пантикапейская и фанагорийская мелочь II в. до н. э.¹⁵ Исследовавшая судакский клад Л. Н. Казаманова датировала его началом I в. до н. э., исходя при этом из предложенной А. Н. Зографом даты пантикапейских монет с типами: звезда — треножник¹⁶ и соответственно относя их к первой четверти этого столетия¹⁷. Однако выпуск таких монет был скорее всего начат еще в последнем десятилетии II в. до н. э., то есть в первые годы правления на Боспоре Митридата Евпатора¹⁸. Этому же времени принадлежит и находившаяся в судакском кладе медная монета Диоскурнады¹⁹.

Таким образом в обоих описанных комплексах сравнительно ранние пантикапейские монеты последней трети IV и середины III в. до н. э. встречаются с нумизматическими памятниками самого конца II в. до н. э. Если при этом наличие разновременных

монет в составе фанагорийского клада получило более или менее вероятное объяснение, то для судакского клада таких объяснений быть не может. Л. Н. Казаманова не сомневалась, что все монеты клада попали в него из денежного обращения, где все они находились одновременно, а необычайно длительную циркуляцию пантикапейской меди IV и III вв. до н. э. объясняла тем, что этот клад происходит с далекой окраины Боспорского государства, где старые монеты могли очень долго удерживаться в обращении²⁰. Ссылка на особые условия окраинного денежного рынка не может быть признана состоятельной — у нас вообще нет никаких данных для того, чтобы говорить об отличии денежного обращения на западных землях Боспора от всех остальных территорий государства. В отношении же продолжительности бытования старых монет в обращении этому тезису прямо противоречат некоторые другие нумизматические находки.

В 1897 г. в Керчи был обнаружен большой клад, насчитывающий несколько сот медных монет, из которых доступными изучению оказались 471²¹. Основное содержание клада составляли тетраخالки и оболы, выпущенные при Митридате Евпаторе как боспорскими центрами — Пантикапеем, Фанагорией и Горгипсией²², — так и городами Понта и Пафлагонии²³. Судя по составу, клад был зарыт вскоре после 80 г. н. э., когда на Боспоре приступили к выпуску анонимных обол, представленных в кладе тремя экземплярами²⁴. Но кроме митридатовской меди в кладе находились и более ранние монеты: пантикапейский обол последней трети IV в. до н. э. с головой бородатого сатира, луком и стрелой²⁵, 25 пантикапейских монет первой половины III в. до н. э. двух видов²⁶, а также 82 пантикапейские монеты II в. до н. э.²⁷ Таким образом, хронологические рамки керченского клада оказываются даже лет на 20—25 шире, чем рамки фанагорийского и судакского кладов. Правда, К. В. Голенко высказал некоторые сомнения относительно чистоты дошедшего до нас состава клада и допускал, что к нему могли примешаться посторонние монеты²⁸. Действительно, основному составу клада кажутся чуждыми пять серебряных дидрахм митридатовского времени²⁹ и одна медная монета эпохи Асандра³⁰, но в остальном клад не вызывает подозрений. «Необъяснимые пробелы» в нем, о которых писал К. В. Голенко, представляются мнимыми, так как раннемитридатовские монеты достаточно полно представлены тетраخالками Амиса, Амстрии и Синоп. Что касается наличия в кладе митридатовской эпохи гораздо более ранних монет Пантикапея, то оно и самому К. В. Голенко не казалось невозможным. Особенно убедительным, как нам кажется, является полная аналогия этой ранней части клада с содержанием рассмотренного выше фанагорийского клада 1948 г.

По-видимому, близким по составу к керченскому 1897 г. был клад, найденный в 1935 г. в Тиритаке и утраченный во время Великой Отечественной войны. По сохранившимся упоминаниям³¹

можно заключить, что клад состоял в основном из боспорской и понтийской меди эпохи Митридата Евпатора и был скрыт в конце правления этого царя, поскольку в нем в большом количестве были представлены анонимные оболы, выпускавшиеся в 80—65 гг. до н. э.³² Но помимо монет митридатовой эпохи тиритакский клад содержал и пантикапейские монеты первой половины III в. до н. э. Однако ни число таких монет, ни их типы, к сожалению, не могут быть установлены.

Совсем недавно в окрестностях Анапы было найдено два клада бронзовых монет, выпускавшихся на протяжении по крайней мере двух столетий³³. Один из них, случайно обнаруженный в 1976 г. в ущелье Куматырь, датируется восьмидесятыми годами I в. до н. э., но в его состав входили и пантикапейские монеты III и начала II в. до н. э. Во втором большом кладе, найденном в 1977 г. на хуторе Фадеевка, наряду с боспорской и понтийской городской медью первой половины I в. до н. э. оказались пантикапейские монеты не только III, но и IV в. до н. э.

Наличие пантикапейских монет более чем двухсотлетней давности в нескольких кладах, обнаруженных в разных частях территории Боспорского царства, никак не может быть признано случайностью. Приходится отказаться от представления о сравнительной непродолжительности циркуляции на денежном рынке боспорских монет IV и III вв. до н. э.³⁴ и признать, что некоторая часть этих монет могла сохраниться в обращении в течение весьма длительного времени, несмотря на многочисленные перечеканки. Это, в свою очередь, ставит вопрос о том, в какой мере отдельные изолированные находки таких монет могут служить хронологическим индикатором для археологических комплексов, в которых они встречаются. Но для решения этого вопроса необходимо накопление нового и значительного археологического материала.

¹ Харко Л. П. Монетные находки на Фанагории. — СГАИМК, 1968, 4, с. 94—95 (ГСН, р. 147, № 1127); Шелов Д. Б. Находки монет в Фанагории в 1947—1951 г. — НЭ, 1962, 3, с. 120—121, № 1182—1209.

² АМ, табл. XLIII, 19; МДБ, табл. VII, 84; ОКМ, табл. XXI, 131.

³ АМ, с. 186—187.

⁴ МДБ, с. 166—167; Шелов Д. Б. Указ. соч., с. 59—60.

⁵ АМ, табл. XLI, 20; МДБ, табл. VIII, 100; ОКМ, табл. XIX, 55, 56.

⁶ Карышковский П. О. Еще раз о книге А. Н. Зографа «Античные монеты». — ВДИ, 1953, № 1, с. 108—109; Шелов Д. Б. Чеканка монеты и денежное обращение на Боспоре в III в. до н. э. — МИА, 1954, № 33, с. 67; МДБ, с. 169—171; Голенко К. В. Датировка медных монет Пантикапея конца III—II вв. до н. э. — КС ИИМК, 1955, 58, с. 136—137.

⁷ Три вида мелких пантикапейских монеток с Аполлоном (АМ, табл. XLII, 9—11; МДБ, табл. VIII, 95—97; ОКМ, табл. XXI, 114—116), указанные пантикапейские монеты с головой бородатого сатира и рогом изобилия (прим. 5), фанагорийские монеты с бородатым сатиrom, луком и стрелой (АМ, табл. XLII, 13; МДБ, табл. IX, 112; ОКМ, табл. XXIII, 8—12) и с безбородым сатиrom и виноградной гроздьё (МДБ, табл. IX, 113; ОКМ, табл. XXIII, 22).

⁸ С головой юного сатира и головой льва с осетром, с надчеканками (АМ, табл. XLI, 3; МДБ, табл. VI, 67; ОКМ, табл. XX, 75—78), с такой же головой, луком и стрелой (АМ, табл. XLI, 1; МДБ, табл. VI, 65; ОКМ, табл.

- XX, 73—74), с головами бородатого сатира и быка (АМ, табл. ХLI, 7; МДБ, табл. V, 63, 64; ОКМ, табл. XIX, 35—37), деградированные монеты с головой юного сатира, луком и стрелой, надчеканенные клеймами с изображениями Аполлона и треножника (АМ, табл. ХLI, 8; МДБ, табл. VI, 70; ОКМ, табл. ХХI, 125—127), наконец упомянутая выше монета с крылом грифона и треножником (прим. 2).
- ⁹ С головой бородатого сатира, протомой грифона и осетром (АМ, табл. ХL, 18; МДБ, табл. V, 57; ОКМ, табл. XIX, 39), а также с той же головой, луком и стрелой (АМ, табл. ХL, 30; МДБ, табл. V, 54; ОКМ, табл. XIX, 49, 50).
- ¹⁰ Ввиду ошибочной датировки самых ранних и самых поздних монетклада Л. П. Харко представлял себе хронологический разброс составлявших его монет еще большим, чем он есть в действительности.
- ¹¹ Харко Л. П. Указ. соч., с. 95.
- ¹² Казаманова Л. Н. Клад монет IV—II в. до н. э. из Судака. — ВДИ, 1963, № 4, с. 144—151 (IGCH, p. 147, № 1128).
- ¹³ С головой юного сатира и горитом (АМ, табл. ХL, 20; МДБ, табл. V, 55; ОКМ, табл. ХХ, 91—93) или с протомой грифона (АМ, табл. ХL, 19; МДБ, табл. V, 56; ОКМ, табл. ХХ, 88, 89).
- ¹⁴ С головой юного сатира и луком, перечекаленные головой Аполлона и треножником (АМ, табл. ХLI, 8, 9; МДБ, табл. VI, 69, 70; ОКМ, табл. ХХI, 123, 124).
- ¹⁵ Пантикапейские монеты с головой Аполлона и горитом (АМ, табл. ХLII, 9; МДБ, табл. VIII, 95; ОКМ, табл. ХХI, 114) и с головой безбородого сатира и шапками Диоскуров (АМ, табл. ХLI, 21; МДБ, табл. VIII, 101; ОКМ, табл. ХХ, 81), фанаторийские монеты с головой бородатого сатира, луком и стрелой (АМ, табл. ХLII, 13; МДБ, табл. IX, 112; ОКМ, табл. ХХIII, 8—11).
- ¹⁶ АМ, табл. ХLIII, 18; ОКМ, табл. ХХI, 130.
- ¹⁷ Казаманова Л. Н. Указ. соч., с. 149 (АМ, с. 186—187).
- ¹⁸ Шелов Д. Б. Материалы к истории денежного обращения в городах Боспора в VI—I в. до н. э. — НЭ, 1965, 5, с. 44—45; Голенко К. В. Несколько серебряных монет Пантикапея II в. до н. э. со следами перечеканки. — Там же, 1968, 7, с. 41.
- ¹⁹ СВМ. Pontus, I, 11, 12; Лорджипанидзе Г. А. К истории древней Колхиды. Тбилиси, 1970, с. 18—19; Голенко К. Kolchis. — Chiron, 1972, 2, S. 574; Голенко К. В. К датировке монет Диоскуриды. — В кн.: Нумизматический сборник памяти Д. Г. Капанадзе. Тбилиси, 1977, с. 57—64.
- ²⁰ Казаманова Л. Н. Указ. соч., с. 150—151.
- ²¹ ОАК за 1897 г. СПб., 1900, с. 72—73 (IGCH, p. 149, № 1144); Пахомов Е. А. Монетные находки Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку, 1959, 8, с. 107—108; Голенко К. В. Монетная медь городов Понта и Пафлагонии времени Митридата VI в боспорских находках. — Палестинский сборник, 1964, 11, с. 68—69; Голенко К. В. Понтийская медь времени Митридата VI на Боспоре. — Klio, 1965, 46, с. 318—319.
- ²² Тетрахалки с головой Диониса и треножником (АМ, табл. ХLIII, 15—17; ОКМ, табл. ХХI, 120; ХХIII, 5, 12).
- ²³ Тетрахалки с изображениями Ареса и меча, чеканенные в Амисе и в Амастри (RG, 1, pl. VII, 22—24; ХVIII, 16), тетрахалки тех же городов и Синопы с эгидой и Никой (Ibid., pl. VIII, 1—4; XI, 25; ХХVI, 17, 18) и оболы Амиса с Персеем и пегасом (Ibid., pl. VII, 25—27).
- ²⁴ АМ, табл. ХLIII, 22, 23; ОКМ, табл. ХХIII, 25—30; Крушкюк Ю. С. Монеты с монограммами из Патрэйскогоклада 1950 г. — ВДИ, 1952, № 3, с. 137—147; Голенко К. В. О характере чекана боспорских анонимных обол. — НСФ, 1965, 2, с. 41—49.
- ²⁵ АМ, табл. ХL, 30; МДБ, табл. V, 54; ОКМ, табл. XIX, 49, 50.
- ²⁶ С головой юного сатира и головой льва, с надчеканками (АМ, табл. ХLI, 3; МДБ, табл. V, 62; ОКМ, табл. ХХ, 72) и с головами бородатого сатира и быка (АМ, табл. ХLI, 7; МДБ, табл. V, 63, 64; ОКМ, табл. XIX, 35—37).

- ²⁷ С головой Аполлона и с горитом, двух номиналов (АМ, табл. XLIII, 8, 9; МДБ, табл. VIII, 94, 95; ОКМ, табл. XXI, 113, 114) и с головой бородатого сатира и с рогом изобилия (прим. 5).
- ²⁸ Голенко К. В. Понтийская медь времени Митридата VI, с. 318, прим. 1.
- ²⁹ Типы: голова Диониса — венок (АМ, табл. XLIII, 5, 6; ОКМ, табл. XXII, 180; XXIII, 24).
- ³⁰ АМ, табл. XLIV, 10; ОКМ, табл. XXI, 132.
- ³¹ Харко Л. П. Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1935—1940 г. — МИА, 1952, № 25, с. 360—361 (IGCH, p. 149, № 1145).
- ³² АМ, табл. XLIII, 22, 23; ОКМ, табл. XXIII, 25—30.
- ³³ Сообщение И. Д. Нестеренко на заседании сектора античной археологии Института археологии АН СССР в феврале 1979 г.
- ³⁴ МДБ, с. 166.

К. В. ГОЛЕНКО

НОВАЯ МОНЕТА ЦАРЯ СПАРТОКА

Изданная в 1824 г. серебряная дидрахма с именем боспорского царя Спартока¹ уже полтора столетия остается единственным нумизматическим памятником представителя боспорских Спартокидов. Появившаяся сорок лет назад на Тамани в качестве местной находки золотая монета с именем того же царя² принадлежит, как правильно указал А. Н. Зограф, к числу антикварных подделок³. Подлинная дидрахма, принадлежавшая в прошлом Румянцевскому музею, рассматривалась многими нумизматами и была правильно отнесена ко времени, намного более позднему, чем эпоха Александра⁴, а именно: ко II в. до н. э.⁵ Эта монета, как давно было отмечено, должна быть сопоставлена с серебряными драхмами⁶ и с крупными бронзовыми монетами Пантикапей⁷, имеющими на обороте то же изображение — лук в горите. Сходство с медью проявляется при этом в деталях — в пропорциях, форме и положении горита, в размещении и палеографических признаках надписи, — и на этом основании Д. Б. Шелов датирует монету Спартока серединой II в. до н. э.⁸

Чрезвычайная редкость выпущенных Спартоком монет вызвала к жизни ряд фальсификаций, разоблаченных нумизматами еще в XIX в.⁹, но изданная Е. Е. Келером монета (в настоящее время она хранится в ГИМе) все же не является уникальной (табл. III, 1). Благодаря неизменной любезности Дж. К. Майлса и Х. В. Уэллса (Dr. G. C. Miles, H. V. Wells — New York) мы располагаем слепком еще одной дидрахмы Спартока, хранящейся в настоящее время в собрании Американского нумизматического общества и происходящей, по-видимому, из коллекции Александра Михайловича (табл. III, 2). Эта монета сохранилась значительно лучше, чем ранее известный экземпляр (вес новой монеты 8,37 г, а ранее известной только 7,77 г), благодаря чему на ней хорошо различаются такие детали, которые почти стерты на изданной Е. Е. Келером дидрахме и не были отмечены в публика-

циях нумизматов. Существенно также, что обе монеты изготовлены при помощи одного и того же штампера лицевой стороны (это, нелишне подчеркнуть, снимает возможные сомнения относительно подлинности нью-йоркского экземпляра).

Дидрахма Спартока описывалась много раз ¹⁰. На аверсе изображена безбородая голова в диадеме, на реверсе — лук в горите (при вертикальном положении последнего тетива обращена влево, а буквы надписи направлены вершинами вправо), у нижнего конца которого, справа, помещена монограмма. Новый экземпляр позволяет дополнить это традиционное описание немаловажной деталью: под горитом и монограммой находится изображение украшенного двумя маленькими фигурками дельфинов трезубца, острия которого направлены влево. Остатки рукоятки трезубца отчетливо просматриваются под монограммой и на ранее известной дидрахме, он они не были поняты и никем из специалистов не описаны (табл. III, 1, 2).

Украшенный дельфинами трезубец является постоянным элементом изображения на реверсе золотых статов с именем Перисада (табл. III, 3, 4) ¹¹, где он появился, вне всякого сомнения, как часть изображения их прототипов — посмертных статов и тетрадрахм Лисимаха, чеканенных в Византии ¹². На последних простой неукрашенный трезубец появляется на эмиссиях конца III в. до н. э., и к концу следующего десятилетия у места крепления рукоятки трезубца к его острию изображаются маленькие фигурки дельфинов, расположенные симметрично по сторонам рукоятки ¹³. На дидрахмах Спартока трезубец украшен дельфинами по образцу монет Византия и боспорских статов и именем Перисада (табл. III, 1—4), и нет никаких оснований видеть в нем «именной знак Спартокидов» ¹⁴ или «своеобразный царский герб» боспорской династии ¹⁵ — перед нами очень широко распространенное в греческом мире монетное изображение, встречающееся и на пантикапейских медных монетах ¹⁶.

Наличие трезубца с дельфинами на монетах Спартока дает возможность предполагать, что его эмиссия шла по пути, намеченному на Боспоре выпуском золотых статов с именем Перисада, а так как такие статы не старше первых десятилетий II в. до н. э. — на всех имеется трезубец с дельфинами, появившимися на их образцах не ранее 190 г. до н. э., — то тем самым мы подкрепляем точку зрения Д. Б. Шелова, отнесшего дидрахму Спартока к середине II в. до н. э. ¹⁷ Серебро Спартока к тому же нельзя отделять от пантикапейских драхм с изображением Аполлона (табл. III, 5—13), которые, как нам представляется, в свою очередь относятся не ко всему II в., как полагал А. Н. Зограф ¹⁸, и не к его первой половине и середине, как считает Д. Б. Шелов ¹⁹. В другом месте приведены соображения, заставляющие датировать выпуск драхм последними десятилетиями Спартокидов, то есть серединой и второй половиной II в. до н. э. ²⁰ Об этом позволяют судить и проявление стилистического упадка в ряду упомянутых

драхм, не ускользнувшее от внимания Д. Б. Шелова ²¹, и то обстоятельство, что среди них имеются экземпляры, перечеканенные из серебряных монет Амиса ²². Эта перечеканка осуществлялась в конце правления Спартокидов и продолжалась (разумеется, новыми монетными типами) в первые годы правления Митридата Евпатора ²³. Поэтому середина II в. до н. э. является в сущности не самым поздним, а самым ранним временем, к которому следует приурочить чеканку монет царя Спартока.

Датируя дидрахмы Спартока не ранее чем серединой II в. до н. э., мы должны признать, что он не может быть тем Спартоком, имя которого сохранилось в сильно поврежденном пантикпейском посвящении Зевсу Сотеру ²⁴ и фигурирует в керамических клеймах ²⁵. Упомянутый названными источниками Спарток был отцом царицы Камасарии, появляющейся вместе со своим мужем Перисадом в надписях из Дидимы, которые относятся к 178/7 и к 177/6 г. до н. э. ²⁶, так что время правления отца Камасарии с наибольшей вероятностью должно быть отнесено к первым десятилетиям II в. до н. э. ²⁷, иными словами дидрахмы говорят о существовании еще одного Спартока ²⁸, место которого среди боспорских царей неоднократно пытались установить нумизматы XIX века. Представляется, что наиболее приблизился к действительному положению дел А. М. Подшивалов, обративший внимание на тот важный факт, что монограмма, находящаяся на дидрахме Спартока (табл. III, 1, 2), имеется и на двух статерах из числа монет с именем Перисада (табл. III, 3, 4) ²⁹. Один из этих статеров был найден в погребении Артюховского кургана вместе со статером Лисимаха, выпущенным в Византии не ранее последнего десятилетия первой половины II в. ³⁰

В связи со сказанным необходимо коснуться и остальных статеров с именем Перисада. Есть все основания согласиться, что самым ранним из них является экземпляр, принадлежавший некогда князю А. А. Сибирскому ³¹, а самыми поздними — подражания, выпущенные уже в начале правления Митридата Евпатора ³². Среди остальных статеров опять таки наиболее поздними должны быть признаны монеты из Северского кургана ³³ и примыкающая к ним по своему беглому стилю монета из собрания ГМИИ ³⁴. На этих трех экземплярах имеются буквенные обозначения, в которых проще всего видеть даты: IΔ (14-й год правления), K (20-й год правления). Но в таком случае трудно воздержаться от предположения, что буква A на статере из Эрмитажа (табл. III, 4) ³⁵ имеет аналогичное значение, то есть указывает на первый год правления того самого Перисада, который и в дальнейшем помещал даты на своих золотых монетах. По смыслу всего изложенного выше в этом Перисаде следует видеть последнего представителя боспорских Спартокидов, вынужденного в конце концов уступить свою власть Митридату.

Если все эти соображения могут быть признаны выдерживающими критику, то мы вправе присоединить к монетам последнего

Перисада также и статер из Артюховского кургана (табл. III, 3) ³⁶. Несмотря на то, что его аверс изготовлен при помощи другого штемпеля, общее сходство царского портрета на обеих монетах совершенно очевидно ³⁷. Но здесь необходимо напомнить, что именно на двух последних статерах находится та монограмма, которую мы встречаем на дидрамах Спартока. Это могло бы натолкнуть на некоторые предположения: во-первых, чеканивший монеты Спарток был предшественником последнего Перисада; во-вторых, сначала этот Перисад подобно всем своим предшественникам приступил к выпуску недатированных статеров, но быстро изменил эту практику и уже на первом году царствования на монетах появляются даты, оформленные, как на монетах его каппадокийских современников, в виде простых букв с числовым значением ³⁸. Наконец, если буква К на статерах из собрания ГИМ должна интерпретироваться как дата, то следует вывод, что последний Спартокид правил не менее двух десятков лет.

Гибель последнего Перисада относят обычно к 109 г. до н. э. и совершенно ясно, что эта дата может быть понижена лишь на два-три года ³⁹. Таким образом его правление началось около 130 г. до н. э. Поскольку погребения Артюховского кургана по совокупности всех данных датируются временем между 140 и 125 г. до н. э. ⁴⁰, под его насыпью легко могли оказаться и статер Лисимаха, выпущенный, как мы помним, не ранее 160 г. до н. э., и изготовленный около 130 г. до н. э. статер самого Перисада. Но тогда царствование чеканившего монеты Спартока приходится приблизительно на тридцатые годы того же века. Это не противоречит тем отрывочным сведениям, которыми мы располагаем о Спартокидах II в. до н. э. Спартоку, отцу Камасарии, наследовал сначала ее муж Перисад, упоминаемый вместе со своей супругой не только в названных выше надписях из Дидимы, но и в дельфийском декрете, датируемом временем около 160 г. до н. э. ⁴¹ Приблизительно десятилетием позже царем Боспора был, однако, уже не этот Перисад, а его одноименный сын, названный вместе со своей овдовевшей и вступившей к этому времени в новый брак матерью Камасарией в посвящении пантикапейских фиаситов ⁴². Перисад Филометор был, надо полагать, предшественником чеканившего дидрахмы Спартока, и ему мы склонны приписывать группу статеров, происходящих от одной пары штемпелей с первыми изданными статерами с именем Перисада ⁴³. Представляется, что А. Н. Зограф был совершенно прав, когда писал, что одна из монет этой группы (статер музея в Глазго) является более древней, чем монета из Артюховского кургана ⁴⁴. В таком случае ничто не препятствует предположению, что статер, принадлежавший некогда князю Сибирскому, был выпущен супругом царицы Камасарии, начавшим на Боспоре чеканку статеров с типами Лисимаха ⁴⁵.

¹ Köhler H. K. E. Description d'une médaille de Spartocus roi du Bosphore Cimmérien du cabinet de Mr. comte de Romanzoff. SPB., 1824. Русский

- перевод.— В кн.: *Спасский Г.* Археолого-нумизматический сборник. М., 1850, с. 137—161.
- ² *Фасмер Р. Р.* Список монетных находок.— СГАИМК, 1929, 2, с. 285, № 35.
AM, с. 183.
- ⁴ *Sallet A.* Zur Numismatik der Könige von Pontos und Bosphoros.— ZfN, 1877, 4, S. 231.
- ⁵ *Imhoof-Blumer F.* Porträtköpfe auf antiken Münzen hellenischer und hellenisierter Völker. Berlin, 1885, S. 36; CBM, Pontus, p. XXIX—XXX.
- ⁶ AM, табл. XLI, 22; XLII, 1—4; МДБ, табл. VII, 86—88; ОКМ, табл. XXI, 106—112.
- ⁷ AM, табл. XLII, 8; МДБ, табл. VIII, 94; ОКМ, табл. XXI, 113.
- ⁸ МДБ, с. 186—187 (AM, с. 185).
- ⁹ *Podschivalow A. M.* Monnaies des rois du Bosphore Cimmérien. Moscou 1887, p. 6, note 5.
- ¹⁰ Лучшие описания и репродукции: Подшивалов А. М. Московский публичный и Румянцевский музей. Нумизматический кабинет. М., 1884, 1, с. 31—32, № 234, табл. I; *Podschivalow A. M.* Op. cit., p. 6, № 3, pl. I, 4 (AM, табл. XLII, 26; МДБ, табл. IX, 106; ОКМ, табл. XXIV, 4).
- ¹¹ Лучшие репродукции этих монет воспроизведены во французской работе А. М. Подшивалова (*Podschivalow A. M.* Op. cit., pl. I, 1—3; II, 14—15, также вignetта на титульном листе) и в трудах А. В. Орешникова (*Oreschnikow A. W.* Zur Münzkunde des cimmerischen Bosphorus. Moskau, 1883, Taf. I, 1—5; *Орешников А. В.* Монеты Херсонеса Таврического, царей Боспора Киммерийского и Полемона II Понтийского.— НСБ, 1913, 2, табл. I, 2—3).
- ¹² AM, с. 183.
- ¹³ *Seyrig H.* Monnaies hellénistiques de Byzance et de Calcédoine.— In: *Essays in greek coinage presented to E. S. G. Robinson.* Oxford, 1968, p. 195—196, pl. 23, 7—11.
- ¹⁴ *Шкорпил В. В.* К вопросу о времени правления архонта Игнэонта.— В кн.: Сборник археологических статей, посвященных гр. А. А. Бобринскому. СПб., 1911, с. 41; *Гайдукевич В. Ф.* Строительные керамические материалы Боспора.— ИГАИМК, 1934, 104, с. 278.
- ¹⁵ *Драчук В. С.* Царские знаки Боспора.— *Eirene*, 1972, 10, с. 76; *Драчук В. С.* Загадочные знаки Северного Причерноморья.— *Archaeologia*, 1970, 21, с. 126, 128; *Драчук В. С.* Про царские знаки Боспора Киммерийского.— *Археология*, 1969, 22, с. 232—233.
- ¹⁶ AM, табл. XLII, 10; XLIII, 4; МДБ, табл. VIII, 97, 103; ОКМ, табл. XXI, 116, 117; XXII, 177.
- ¹⁷ МДБ, с. 220, № 106; *Gaidukevic V. F.* Das Bosphoranische Reich. Berlin—Amsterdam, 1971, S. 526, № 38. В русском издании автор относил монету к началу II в. (*Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство, М.; Л., 1949, с. 584, № 38).
- ¹⁸ AM, с. 181.
- ¹⁹ МДБ, с. 162.
- ²⁰ *Голенко К. В.* Две монеты Пантикапея II в. до н. э.— НЭ, 1965, 5, с. 60—61.
- ²¹ МДБ, с. 161.
- ²² *Голенко К. В.* Несколько серебряных монет Пантикапея II в. до н. э. со следами перечеканки.— НЭ, 1968, 7, с. 37—40.
- ²³ *Голенко К. В.* Из истории монетного дела на Боспоре в I в. до н. э.— НЭ, 1960, 2, с. 28—34.
- ²⁴ КБН, № 26.— ГРЕ, 2, № 308.
- ²⁵ *Гайдукевич В. Ф.* Строительные керамические материалы Боспора, с. 312, № 84—86.
- ²⁶ *Граков Б. Н.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии.— ВДИ, 1939, № 3, с. 266—267, № 38—39.
- ²⁷ *Gaidukevic V. F.* Op. cit., S. 94—95.
- ²⁸ Так считал академик Келер. (В кн.: *Спасский Г.* Археолого-нумизматический сборник, с. 157, 158; с. 21, 22 отдельной пагинации).

- ²⁹ *Podschivalow A. M.* Op. cit., p. 3, 5—6.
- ³⁰ *Максимова М. И.* Еще раз о дате Артюховского кургана.— СА, 1967, № 2, с. 241—242; *Стефани Л.* Объяснение нескольких художественных произведений, найденных в Южной России в 1878 и 1879 гг.— ОАК, за 1880 г. СПб., 1882. Приложение, с. 15, 17, 61—64, 68—69.
- ³¹ *Орешиников А. В.* Монеты Херсонеса Таврического, с. 38 (первая группа); АМ, с. 184, табл. XLII, 21; МДБ, с. 188, табл. IX, 107; лучшее изображение см. в кн.: *Podschivalow A. M.* Op. cit., pl. I, 3.
- ³² *Голенко К. В.* Статеры царей Боспора из новых приобретений ГМИИ.— СГМИИ, 1966, 3, с. 38—39, рис. 1; АМ, табл. XLII, 24.
- ³³ *Орешиников А. В.* Указ. соч., с. 39 (четвертая группа); АМ, с. 185, табл. XLII, 25; МДБ, с. 188, табл. IX, 108; лучшие изображения см. в кн.: *Podschivalow A. M.* Op. cit., pl. II, 14—15; *Oreschnikow A. W.* Op. cit., Taf. I, 4—5.
- ³⁴ *Орешиников А. В.* Указ. соч., с. 37, № 3, табл. I, 3; с. 40 (шестая группа); АМ, табл. XLII, 23).
- ³⁵ *Podschivalow A. M.* Op. cit., pl. I, 2; *Oreschnikow A. B.* Op. cit., Taf. I, 2.
- ³⁶ *Podschivalow A. M.* Op. cit., pl. I, 1; *Oreschnikow A. W.* Op. cit., Taf. I; АМ, табл. XLII, 22.
- ³⁷ *Орешиников А. В.* Указ. соч., с. 38 (вторая группа); АМ, с. 184.
- ³⁸ *Reinach Th.* Trois royaumes de l'Asie Mineure. Cappadoce — Bithynie — Pont. Paris, 1888, p. 35—55, pl. I, 8, 9; II, 10—18.
- ³⁹ *Gaidukevic V. F.* Op. cit., S. 313—315, 573; *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье. М.; Л., 1953, с. 93—94, прим. 2.
- ⁴⁰ *Максимова М. И.* Указ. соч., с. 240—242; *Максимова М. И.* О дате Артюховского кургана.— СА, 1960, № 3, с. 46—48.
- ⁴¹ *Граков Б. Н.* Указ. соч., с. 250, № 15.
- ⁴² КБН, № 75 — ИРЕ, 11, № 19; *Gaidukevic V. F.* Op. cit., S. 95.
- ⁴³ *Орешиников А. В.* Указ. соч., с. 39 (третья группа); *Гиль Х. Х.* Новые приобретения моего собрания.— ЗРАО, 1892, 5, табл. VI, 53; *Oreschnikow A. W.* Op. cit., Taf. I, 3.
- ⁴⁴ *Zograph A. N.* The Thooarse hoard.— NC, 1925, 5, p. 50.
- ⁴⁵ Статья не была окончена автором; в сохранившемся черновом наброске следующего абзаца К. В. Голенко высказывает догадку о неподлинности статера с именем архонта Гигизнонта (АМ, табл. XLII, 18) и склоняется к тому, чтобы датировать его драхмы (АМ, табл. XLII, 19) последним десятилетием II в. до н. э. Эти интересные мысли не были, однако, достаточным образом аргументированы.— Редакционная коллегия.

Н. А. ФРОЛОВА

О РИМСКО-БОСПОРСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В I — СЕРЕДИНЕ III в. н. э. ПО НУМИЗМАТИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Римские монеты, встречающиеся на территории Боспора, являются важным источником для изучения различного рода связей, существовавших между Римской империей и Боспорским государством, но эта категория памятников никогда не являлась предметом специального рассмотрения на основе всех имеющихся данных. Поэтому приведем прежде всего перечень соответствующих находок.

Самой ранней монетой Римской империи является найденная на территории Мирмекия во время раскопок 1937 г. монета с изо-

бражением Августа(?)¹. Другая такая же монета была найдена в районе Феодосии вместе с монетой его преемника Тиберия². Из раскопок на Кубани происходит монета Нерона³. Дуплондий Веспасиана был случайно обнаружен в Керчи⁴, другая медная монета того же императора происходит с Фанагорийского городища⁵. Бронзовая монета с изображением Юлии, дочери императора Тита, была найдена в Керчи⁶. Из окрестностей Феодосии известна монета Домициана⁷. Монета Траяна найдена в Фанагории⁸. Из погребения в Керчи происходит пробитая медная монета Адриана⁹. В Феодосии найден денарий Антонина Пия¹⁰. Денарии его жены Фаустины Старшей и Марка Аврелия найдены близ Анапы¹¹. Медная монета Марка Аврелия встречена при раскопках в Керчи¹². Денарий его жены Фаустины Младшей найден на Недвиговском городище¹³, а на городище древней Тиритаки случайно найден денарий Коммода¹⁴. Другой денарий того же императора происходит из Танаиса¹⁵. В районе Феодосии зарегистрированы находки монеты Септимия Севера¹⁶ и двух монет Септимия Севера и Каракаллы¹⁷. При раскопках Гермонассы встречены денарии Севера Александра¹⁸ и его матери Юлии Мамеи¹⁹. Случайные находки одиночных монет Траяна Деция известны в Керчи²⁰ и Тиритаке²¹.

Из приведенного перечня видно, что с территории сравнительно обширного Боспорского государства происходят всего восемь денариев, рассеянных от Феодосии до Горгиппии и Танаиса и принадлежащих семи императорам и императрицам от Антонина Пия до Мамеи. Если даже допустить (хотя для этого в сущности нет достаточных оснований), что все те монеты, металл которых не определен при публикации, были серебряными, то и тогда в пределах Боспора окажется не более двух десятков денариев и антонинианов, зарегистрированных в качестве местных находок. Немногочисленность этих находок становится очевидной при сопоставлении с аналогичными данными соседей Боспора: в Херсонесе к тому же хронологическому периоду (I — первая половина III в. н. э.) относятся 2 ауреуса и 139 денариев и антонинианов²², и даже в Ольвии найдено 50 серебряных и субъэратных денариев²³.

Обращаясь к составу кладов, происходящих с территории Боспора, можно констатировать, что в кладах I — первой трети III в. н. э. римские монеты отсутствуют. Единственным кладом, состоявшим из одних римских монет, остается Керченский клад антонинианов, обнаруженный в 1954 г., в нем находились антонинианы 238—268 гг., а самой ранней монетой в его составе была кесарийская драхма 211 г.²⁴ Другая кесарийская драхма Юлии Домны была найдена у дельней границы Боспора, в Старом Крыму²⁵. Имеется, наконец, и неопределенное указание на клад кесарийских тетрадрахм II в. н. э., найденный на Кубани²⁶.

Весьма редки римские монеты I — первой половины III в. н. э. и в позднебоспорских кладах. Укажем, впрочем, на денарий Тита, обнаруженный в Третьем Патрэйском кладе вместе с боспорскими

монетами 224—251 гг.²⁷ В Керченском кладе 1964., состоявшем из боспорских статов 253—254 гг., находился денарий Севера Александра²⁸. Наконец, в кладе из поселка Уютное близ Судака, найденном в 1958 г., был денарий Гордиана III (клад включал боспорские монеты 238—291 гг. и по времени тезаврации выходит за хронологические рамки настоящей статьи)²⁹.

Из приведенных данных видно, что римские монеты не играли реальной роли в денежном обращении Боспорского государства. Зарегистрированные до настоящего времени монетные находки подтверждают правильность впервые высказанного А. Л. Бертье-Делагардом³⁰ и принятого советскими нумизматами предположения о том, что денежный рынок Боспора в I — первой половине III в. н. э. обходился собственной монетой, а единичные римские монеты, проникавшие все же в боспорские города, не играли существенной роли в процессе денежного обращения³¹. В связи с этим особенное значение приобретает вопрос о денежных субсидиях Боспору из Рима. Что представляли собою эти субсидии, в каком виде поступали они в казну боспорских царей и каково было их назначение?

Первое упоминание о получении одним из боспорских царей II в. н. э. римских субсидий относится ко времени правления императора Марка Аврелия и принадлежит Лукриану. Хотя его слова не вполне однозначны и их пытались понимать как указание на дань, уплачивавшуюся боспорскими царями римлянам³², авторитетными учеными было разъяснено, что речь идет, напротив, о каких-то ежегодных платежах, поступавших царю Евпатору (154/155—173/74? гг.) из Рима при посредстве наместника провинции Вифиния и Понт³³. Такое понимание этого свидетельства поддерживается указанием Зосимы, писавшего во второй половине V в. н. э., но использовавшего для повествования о событиях III в. н. э. труд современного историка, афинянина Дексинпа³⁴. Зосима (или его источник) указывал, что благополучие Боспора проистекало не только от «правильно организованной» торговли, прочности царской династии и от дружбы с Римом, но было связано также с «дарами», которые ежегодно поступали от императоров в распоряжение боспорских правителей, что позволяло последним до поры «постоянно удерживать» враждебные устремления «скифов»³⁵. Это равновесие нарушилось, согласно Зосиме, после пресечения боспорской династии, «когда во главе правления стали недостойные и потерянные люди», что связывают обычно с отстранением царя Тиберия Юлия Рескупорида и кратковременным переходом власти к узурпатору Фарсанзу в 253—254 гг.³⁶, так что практика выплаты субсидий боспорским царям продолжалась по имеющимся данным от шестидесятых или семидесятых годов II до середины III в. н. э.

И Лукриан, и Зосима называют римские платежи Боспору ежегодными, но из этого, по-видимому, нельзя заключать, что они действительно поступали регулярно³⁷. Неясно также, означает

ли поездка послов царя Евпатора в Вифинию, что субсидии всегда и во всех случаях поступали при посредничестве наместника этой провинции. Но если источники не дают возможности уточнить порядок уплаты римских субсидий царям Боспора, нелишне сравнить эти данные со сведениями о других случаях выплаты Римом субсидий или «даров» правителям соседних народов. Так, с 89 г. император Домициан обязался послать в распоряжение вождя даков Децебала группу фортификаторов для строительства оборонительных сооружений и ежегодно платить ему определенную сумму³⁸. Это была вынужденная и временная мера, но Рим не мог в этот момент приступить к завоеванию Дакии и постарался использовать ее как одно из звеньев в созданной в это время системе защиты дунайской границы³⁹, а также высвободить военные силы для борьбы с другими племенами⁴⁰. Следует полагать, что выплаты дакам продолжались до первого похода Траяна в 101 г. н. э. Траян, в свою очередь, субсидировал роксоланов: биограф Адриана сообщает, что роксоланы жаловались новому императору на уменьшение в последние годы его предшественника регулярно посылавшихся им сумм⁴¹. Тот же биограф упоминает дары Адриана вождям некоторых других племен и сообщает, что царю Иберии «сверх великих даров» была отослана когорта из 500 воинов⁴². Такая политика римского императора объяснялась его стремлением использовать зависимые кавказские государства — Иберию и Армению — в качестве прикрытия против аланских вторжений в Малую Азию⁴³. По аналогии можно предполагать, что и боспорским царям субсидии выплачивались тогда, когда границам империи угрожала конкретная опасность, а в остальное время они поступали от случая к случаю.

Ученые, признававшие факт выплаты субсидий Боспору римскими императорами, пришли к выводу, что эти субсидии поступали на Боспор в виде золота в слитках, служившего боспорским царям сырьем для чеканки золотых статов; начало таких поступлений с полной определенностью относили ко времени царя Рескупорида, возобновившего после длительного перерыва выпуск золотых монет со своим именем и изображением (с 80/81 г.)⁴⁴, или считали вероятным, что «золото, из которого чеканились статыры Аспурга, целиком доставлялось римскими императорами»⁴⁵. В самой общей форме это соображение было высказано и А. Н. Зографом⁴⁶. Но даже не говоря о том, что первый случай получения боспорскими царями римских субсидий относится ко времени, достаточно отдаленному от правления Аспурга, современника императора Тиберия, нельзя забывать, что цари Боспора начали чеканку своих полновесных и высокопробных золотых монет еще в I в. до н. э. Таковы статыры Фарнака, Асандра, Динамии, весящие в среднем более 8 г⁴⁷ и не имеющие никаких внешних признаков зависимости этих правителей от Рима. После монополизации чеканки золотой монеты в Риме, осуществленной Августом в 16 г. до н. э.⁴⁸, на Боспоре с 9 г. до н. э. выпускают золотые мо-

неты с монограммами, отличающиеся высоким и устойчивым весом и отличным качеством металла⁴⁹. Так, согласно проведенному апробированию упомянутых монет из коллекции ГИМ их проба оказалась не ниже 80—75%. Поэтому трудно было бы согласиться с тем, что Аспург чеканил монету из римского золота, и есть все основания думать, что он пользовался теми же источниками благородных металлов, что и его предшественники.

Не имея оснований считать, что Аспург или другие боспорские цари чеканили золото из слитков, поступающих из Рима в порядке выплаты субсидий, мы должны отвергнуть и мысль о том, что эти субсидии выражались в форме слитков или рассыпного золота. В настоящее время убедительно и обстоятельно показано, что в I—III вв. н. э. в Римской империи золотые ауреусы расценивались примерно на 20% выше, чем то же весовое количество золота в виде слитков⁵⁰. Для серебряных денариев I—II вв. н. э. и металлического серебра превышение стоимости чеканной монеты достигало 25%⁵¹. Важно при этом, что чисто нумизматические и метрологические расчеты подтверждаются письменными документами: из папирусов времени Адриана видно, что отношение стоимости серебряной монеты к стоимости серебра в слитках определялось пропорцией 4 : 3 и что приблизительно такое же отношение было между ценностью золотой монеты к металлическому золоту⁵². Поэтому крайне трудно вообразить, что римская администрация поставляла на Боспор слитки, предназначенные для чеканки золотой монеты, открывая тем самым для местных властей немалый дополнительный источник доходов. Таким образом приходится предполагать, что римские субсидии Боспору не только выражались в конкретных денежных суммах, но и реально выплачивались в чеканной монете. Напротив, выплата субсидии в слитках благородных металлов была крайне невыгодна для выплачивающей стороны и не могла найти применения на практике при том соотношении сил, которое существовало между Римом и Боспором в I — первой половине III в. н. э.

Но если принять, что римские субсидии приходили на Боспор в виде звонкой монеты, то есть все основания полагать, что в то время, о котором мы располагаем данными об уплате субсидий, они поступали главным образом в денариях. Хотя при последних Антонинах и Северах римские монетные дворы чеканили золотую монету, основой всего денежного обращения империи оставалась серебряная монета. Это общепризнанное положение подтверждается кладами — на территории СССР, например, 136 кладов римских монет I — начала III в. н. э. содержат серебряные монеты, тогда как золото представлено только тремя кладами⁵³. Но не противоречит ли заключение о том, что субсидии выплачивались Боспору денариями, основным платежным средством этой эпохи, установленному выше факту неучастия или крайне скромного участия римской монеты в денежном обращении на территории Боспорского государства?

Поставленный вопрос заставляет напомнить, во-первых, о том, что денарии поступали не на рынки боспорской столицы или других городов и сельских поселений Боспорского царства, а пополняли в качестве субсидий или донативов непосредственно царскую казну. Во-вторых, причиной для субсидирования боспорских царей было стремление руководителей римской политики использовать боспорскую территорию и государственный аппарат в качестве посредника между Римом и сармато-аланскими племенами и, в частности, превратить Боспор в важный военно-политический форпост империи на северо-востоке⁵⁴. Связь между императорскими «дарами» и «сдерживанием» варварских народов явственно проступает за словами Зосимы, и если эти «дары» не служили по какой-либо причине своему прямому назначению, они по всей вероятности сокращались или вовсе прекращались. Эпиграфические документы позволяют догадываться, что при Савромате II, его сыне Рескупориде и их ближайших преемниках Боспор успешно справлялся со своими задачами⁵⁵, но именно потому, что римская монета практически не обращалась на Боспоре, она не могла систематически применяться для оплаты царских воинов, получавших свое вознаграждение золотыми статерами, а при их отсутствии — медной монетой⁵⁶. Поэтому крайне незначительное количество денариев среди боспорских монетных находок дает основание предполагать, что получаемая из Рима серебряная монета не оседала на Боспоре, а уходила за его пределы, на территорию варварских племен Европейской Сарматии.

Этот взгляд, высказанный нами в самой общей форме более десяти лет назад⁵⁷, вызвал не совсем ясно выраженные возражения К. В. Голенко⁵⁸. Однако во взаимоотношениях Боспорского государства с его ближними и дальними соседями естественно допускать не только военные успехи, но и периоды, когда мир и стабильность исторически сложившихся границ требовали уступок, обычно выражавшихся в более или менее систематических уплатах «даров». Предположение, что такие донативы производились в денариях и денариями же вознаграждались наемные воины из числа тех же варварских племен, с которыми царям Боспора удавалось установить более или менее прочную дружбу, не включает, на наш взгляд, ничего невозможного. О том, что именно денарии были самой распространенной монетой на периферии Римской империи, свидетельствуют многочисленные клады этих монет в Европе и на Ближнем Востоке, а такой авторитетный историк как Тацит прямо пишет о том, что племена варваров, живших в бассейнах Рейна и Дуная, предпочитали серебряную монету золоту, поскольку им приходилось приобретать «предметы обыкновенные и дешевые»⁵⁹. Поэтому представляется вполне вероятным, что большое количество кладов римских денариев в Центральной и Восточной Европе свидетельствует не только о наличии широких и прочных торговых связей империи с племенами, заселявшими эти территории⁶⁰, но и о том, что в этих находках

материально выразилась и политика римлян, вынужденных обеспечивать неприкосновенность и безопасность границ своего государства соответствующими платежами верхушке пограничных племен⁶¹. Этой же политике следовал Домициан, ее придерживались также Адриан и Марк Аврелий. Согласно выводам В. В. Кропоткина, массовый приток денариев в лесостепную полосу Восточной Европы, из которой происходит большинство изученных им кладов римских монет I—III вв. н. э., начался не в конце I начале II в., а не раньше середины II в. н. э.⁶² По статистическим данным находки монет Антонина Пия и Марка Аврелия превосходят по своему количеству находки предшествующих и последующих императоров⁶³. Нелишне добавить, что приток денариев продолжался достаточно интенсивно до времени Севера Александра⁶⁴, то есть их поступление совпадает с тем периодом, когда цари Боспора получали субсидии от Рима.

Было бы, конечно, по крайней мере странно предполагать, что все или большая часть монетных находок на территории Европейской Сарматии прошли через казну боспорских царей, но столь же необоснованно и отрицать, что значительное количество находок в степях Северного Кавказа, Подонья и Украины проникли к населению этих территорий тем же путем.

Таким образом мы полагаем, что со второй половины II в. н. э. боспорские цари получали от Рима нерегулярные субсидии, предназначенные преимущественно на создание оборонительных рубежей, прикрывавших в конечном счете и римские границы. Субсидии поступали в казну боспорских царей не в форме слитков золота, а в виде наиболее распространенного платежного средства I — начала III в. н. э., то есть денариев. Эти субсидии не находили применения внутри Боспорского государства, денежное обращение которого основывалось на собственной монете, и использовались преимущественно для оплаты наемных войск из среды окружавших границы Боспора варварских племен или для подкупа племенной верхушки опасных соседей Боспора. Вследствие этого находки денариев и вообще римских монет на территории Боспорского государства относительно немногочисленны — эти монеты уходили за его пределы и, превращаясь в межплеменное средство обращения, достигали быть может дальней периферии варварского мира. Кризис Римской империи и начавшийся упадок Боспора положили конец и субсидиям, и массовому проникновению римской серебряной монеты на просторы Европейской Сарматии.

¹ Зограф А. Н. Описание монет, найденных при раскопках Тиритаки и Мирмекия в 1935—1940 гг. — МИА, 1952, 25, с. 376, № 2501; КРМ, с. 64, № 605.

² КРМ, с. 65, № 629.

³ Там же, с. 39, № 11.

⁴ Голенко К. В., Шелов Д. Б. Монеты из раскопок Пантикапея 1945—1961 гг. — ИСФ, 1965, 2, с. 28, № 20.

- ⁵ Крушкова Ю. С. Монеты Фанагорийского городища раскопок 1937—1939 г.— СА, 1951, № 15, с. 266, № 15; КРМ, с. 39, № 17.
- ⁶ КРМ, с. 64, № 594.
- ⁷ Там же, с. 65, № 629.
- ⁸ Крушкова Ю. С. Указ. соч., с. 257; КРМ, с. 39, № 13.
- ⁹ КРМ, с. 64, № 595.
- ¹⁰ Там же, с. 66, № 631.
- ¹¹ Там же, с. 40, № 28; Кротошкин В. В. Новые находки римских монет в СССР.— НЭ, 1966, 6, с. 82, № 2 (1735).
- ¹² Кротошкин В. В. Указ. соч., с. 99, № 223 (1934).
- ¹³ Там же, с. 83, № 10 (1742).
- ¹⁴ Зограф А. Н. Указ. соч., с. 367, № 142.
- ¹⁵ Кротошкин В. В. Указ. соч., с. 83, № 10 (1742).
- ¹⁶ КРМ, с. 66, № 631.
- ¹⁷ Там же, с. 65, № 629.
- ¹⁸ Кротошкин В. В. Указ. соч., с. 87, № 62.
- ¹⁹ КРМ, с. 40, № 23.
- ²⁰ Там же, с. 64, № 591.
- ²¹ Зограф А. Н. Указ. соч., с. 369, № 2248; КРМ, с. 63, № 568.
- ²² Гилевич А. М. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса.— НСФ, 1968, 3, с. 31—32, 54—55, № 3—38.
- ²³ Карышковский П. О. Находки монет Римской империи в Ольвии.— НСФ, 1965, 2, с. 56, табл. I.
- ²⁴ Кукина Н. З. Керченский клад серебряных римских монет.— АИБ, 1962, 2, с. 329—338, табл. I—IV; Golenko K. V. Le trésor d'antoniniani de Kertch.— RN, 1973, 15, p. 290—299, pl. XXVIII.
- ²⁵ Кругликова И. Т. Боспор в позднеантичное время. М., 1966, с. 192, прим. 43.
- ²⁶ Люценко Е. Е. Керчь и Тамань.— Рукопись в архиве ЛО ИА АН СССР, ф. 28, ед. хр. 22, л. 31—31 об., № 5.
- ²⁷ Голенко К. В. Третий Патрайский клад (1970 г.) и некоторые замечания о боспорской монетной чеканке III в. н. э.— НЭ, 1978, 12, с. 29, № 1, табл. I, 1.
- ²⁸ Голенко К. В. Монеты, найденные при раскопках в Керчи в 1964 г.— ВДИ, 1970, № 2, с. 88—89, табл. II, 8; Голенко К. В. Третий Патрайский клад, с. 38, № 18; Кругликова И. Т. Указ. соч., с. 190, № 22.
- ²⁹ Голенко К. В. Третий Патрайский клад, с. 39, № 22; Кругликова И. Т. Указ. соч., с. 188, № 10.
- ³⁰ Бертье-Делагард А. Л. О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами.— ЗООИД, 1914, 29, с. 210.
- ³¹ Голенко К. В., Шелов Д. Б. Указ. соч., с. 26; Golenko K. V. Op. cit., p. 291; Харко Л. П. Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1935—1940 гг.— МИА, 1952, № 25, с. 362. Впрочем, И. Т. Кругликова (Указ. соч., с. 188, 193) считает, что римские монеты «участвовали в денежном обращении Боспора, но в сравнительно небольшом количестве».
- ³² Лукиан. Александр или лжепорок, § 57.— (ВДИ, 1948, № 1, с. 303); Латышев В. В. ПОНТИКА. СПб., 1909, с. 116; Дьяков В. Н. Пути римского проникновения в Северное Причерноморье: Понт и Мезия.— ВДИ, 1940, № 3/4, с. 77; Максимова М. И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.; Л., 1956, с. 321.
- ³³ Brandis C. G. Bosporos (3).— RE, 1899, 3, Sp. 787; Minns E. H. Scythians and greeks. Cambridge, 1913, p. 605, note 9; Кругликова И. Т. Указ. соч., с. 14—15, прим. 32; Gaidukevic V. E. Das Bosporanische Reich. Berlin; Amsterdam, 1971, S. 348, Anm. 42 (Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949, с. 333).
- ³⁴ Моммзен Т. История Рима. М., 1949, т. 5, с. 210, прим. 2; Gaidukevic V. F. Op. cit., S. 469 (Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство, с. 451).
- ³⁵ Зосим. Новая история, I, 31, § 2.— (ВДИ, 1948, № 4, с. 276); Латышев В. В. Указ. соч., с. 119—120.
- ³⁶ Моммзен Т. Указ. соч., с. 267—268, прим. 2; Кругликова И. Т. Указ. соч., с. 16—17.

- ³⁷ *Premmerstein A.* Untersuchungen zur Geschichte des Kaisers Marcus — Klio, 1913, 13, S. 81, Anm. 6.
- ³⁸ *Cassius Dio.* Historia Romana, LXVII, 7, § 1—4.— In: Izvoare privind istoria României. Bucuresti, 1964, p. 684—685.
- ³⁹ САН, 1936, 11, p. 185.
- ⁴⁰ *Кругликова И. Т.* Дакия в эпоху римской оккупации. М., 1955, с. 63.
- ⁴¹ *Спартиан.* Жизнеописание Адриана, § 6.— (ВДИ, 1949, № 3, с. 256).
- ⁴² Там же, § 17.— (Там же).
- ⁴³ САН, 1936, 11, p. 313; *Gaidukevic V. F.* Op. cit., S. 367—368 (*Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство, с. 345—346).
- ⁴⁴ *Ростовцев М. И.* Эллинизм и иранство на юге России. Пр., 1918, с. 160; *Rostovtzeff M.* Iranians and greeks in South Russia. Oxford, 1922.
- ⁴⁵ *Блаватский В. Д.* Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964, с. 146.
- ⁴⁶ АМ, с. 203.
- ⁴⁷ АМ, табл. XLIV, 3—6, 14; *Бертье-Делагард А. Л.* Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды.— ИС, 1913, 2, с. 104—107, № 8—41.
- ⁴⁸ СВМ, Roman Empire, 1, p. XV—XVI.
- ⁴⁹ АМ, табл. XLIV, 15, 16; *Бертье-Делагард А. Л.* Материалы для весовых исследований, с. 106—107, № 49—70.
- ⁵⁰ *Bolin S.* State and currency of the Roman empire to 300 AD. Stockholm, 1958, p. 88, 201, 213, 232.
- ⁵¹ Ibid., p. 81, 88, 201—202, 232.
- ⁵² Ibid., p. 88, 99, 101.
- ⁵³ *Кропоткин В. В.* Новые находки, с. 76.
- ⁵⁴ *Моммсен Т.* Указ. соч., с. 269—272; *Ростовцев М. И.* Понт, Вифиния, Боспор.— Русский исторический журнал, 1917, № 1/2, с. 111—130; *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье. М.; Л., 1953, с. 152—156, 158; *Gaidukevic V. F.* Op. cit., S. 345—357, 366—368 (*Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство, с. 329—338, 345—346); *Гайдукевич В. Ф.* Из истории Боспора в I в. н. э.— В кн.: Античный мир. М., 1962, с. 489.
- ⁵⁵ *Gaidukevic V. F.* Op. cit., S. 353—358 (*Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство, с. 335—338).
- ⁵⁶ *Зограф А. М.* Реформа денежного обращения в Боспорском государстве при Савромате II.— ВДИ, 1938, № 2, с. 228; АМ, с. 188, 192, 200, 201, 204.
- ⁵⁷ *Фролова Н. А.* Монетное дело и денежное обращение Боспора в 68/69—210 гг. н. э.: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1967, с. 10, 11.
- ⁵⁸ *Голенко К. В.* Третий Пантикапейский клад, с. 16, прим. 27.
- ⁵⁹ *Тацит.* Германия, § 5.— В кн.: Корнелий Тацит. Соч. Л., 1969, т. 1, с. 355.
- ⁶⁰ *Charlesworth M. P.* Trade-routes and commerce of the Empire.— Cambridge, 1926, p. 170—205; *Третьяков П. Н.* У истоков древнерусской народности. Л., 1970, с. 44; *Кропоткин В. В.* Клады римских монет в Восточной Европе.— ВДИ, 1951, № 4, с. 244, 246—250.
- ⁶¹ *Wheeler M.* Rome beyond the Imperial frontiers. London, 1954, p. 68; *Кропоткин В. В.* Клады римских монет, с. 251—252.
- ⁶² *Кропоткин В. В.* Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии н. э. М., 1967, с. 27, 39, 111, 123; КРМ, с. 18, 23, 26.
- ⁶³ Согласно данным В. В. Кропоткина (КРМ, с. 32, таблица), монет Траяна учтено 478 экземпляров, Адриана — 547, Антонина Пия — 1748, Марка Аврелия — 1344, Люция Вера — 274, Коммода — 606, Септимия Севера — 109.
- ⁶⁴ *Кропоткин В. В.* Экономические связи, с. 111, 123.

О НЕКОТОРЫХ НУМИЗМАТИЧЕСКИХ ДАТАХ
БОСПОРА В III в. н. э.

Датированные монеты Боспорского царства давно признаны важнейшим источником для установления хронологии первых веков н. э. На основании монетных дат построен, в частности, список царей, являющийся фундаментом для всех дальнейших построений в области политической истории этого государства. В данной статье ставится задача изучения новонайденных монет;

Таблица 1. Даты правления боспорских царей середины III в. н. э.¹

Правитель	Исследователь			
	Х. Х. Гиль, 1892	В. В. Латышев, 1909	А. Н. Зограф, 1951	В. Ф. Гайдуневич, 1971
Иниифмей	234/35—238/39		234/35—239/40	
Рескупорид	233/34—256/57	239/40—261/62	240/41—267/68	239/40—275/76
Фарсана	253/54—254/55			253/54
Рескупорид	261/62—275/76	262/63—275/76	—	—
Савромат			275/76	
Тейран		275/76—278/79		
Хедосбий	?	?	?	279/80—285/86
Фофорс	286/87—308/09	278/79—307/08		286/87—308/09

которые не согласуются с общепринятыми датами правления некоторых властителей Боспора, являвшихся современниками кризиса Римской империи в III в. н. э.

К настоящему времени список царей, правивших на Боспоре в промежутке от смерти Севера Александра (235 г. н. э.) до провозглашения Диоклетиана (284 г. н. э.) в Риме, установлен русскими и советскими учеными в следующих основных вариантах (табл. 1).

Главные различия в датах приведенного списка в том, что одни ученые относят монеты с именем Рескупорида к одному, а другие к двум одноименным правителям². Кроме того, безмонетные периоды присоединяются к правлению либо предшествовавшего, либо последующего царя. Наконец, некоторые монетные даты не всегда верно читались. Клады боспорских датированных монет позволяют внести в этот список некоторые уточнения.

Х. Х. Гиль совершенно правильно ограничил царствование Иниифмея 238/39 г. н. э. (535 г. б. э.), что очень убедительно подтвердила Н. А. Фролова³. Однако он разделял монеты с именем Рескупорида между двумя царями, относя в то же время к выпуску первого из них статеры с тем же именем, выпущенные непосредственно перед правлением Иниифмея. Эти статеры из-

вестны с двумя датами — 530 и 531 г. б. э. (233/34 и 234/35 гг. н. э.)⁴, причем один из штемпелей с первой датой использовался после Инифимея, в 541 г. б. э. (244/45 г. н. э.)⁵; на наш взгляд, это подтверждает взгляд Х. Х. Гиля. Не углубляясь, однако, в вопрос о тождестве царей, пользовавшихся одним портретным штемпелем с одиннадцатилетним перерывом, укажем, что непрерывный ряд монет с именем Рескупорида начинается не раньше 242/43 г. н. э. (539 г. б. э.)⁶ и завершается выпуском 257/58 г. н. э. (554 г. б. э.) — существование монет этого года подтверждается двумя экземплярами из Тиритакского клада⁷. Наконец, должны быть реабилитированы и крайне редкие статеры Фарсанза 254/55 г. н. э. (551 г. б. э.), известные, впрочем, Х. Х. Гилю⁸. С этими уточнениями список занимающих нас нумизматических дат 235—284 гг. н. э. принимает такой вид:

Инифимей	531—535 г. б. э. (234/35—238/39 г. н. э.)
Рескупорид	539—554 и 558—564 г. б. э. (242/43—257/58 и 261/62—267/68 г. н. э.)
Фарсанз	550 и 551 г. б. э. (253/54—254/55 г. н. э.)
Савромат	572 г. б. э. (275/76 г. н. э.)
Тейран	572—575 г. б. э. (275/76—278/79 гг. н. э.)
Фофорс	583—605 г. б. э. (286/87—308/09 гг. н. э.)

Уточненный таким образом список требует, однако, дальнейших исправлений в соответствии с составом двух кладов, найденных на территории Боспора в 1958 и 1959 гг. Так как первый клад, происходящий из поселка Уютное (Судакский р-н Крымской обл.) вообще не издан⁹, а сведения о втором, обнаруженном около хут. Батарейка на Таманском п-ве (Темрюкский р-н Краснодарского края), опубликованы только в виде краткой и не во всем верной информации¹⁰, сообщим прежде всего визуально проверенные данные об их составе (см. приложение).

Оба клада состоят из боспорских статеров рассматриваемого времени. В кладе из пос. Уютное находилась также римская биллоновая монета Гордиана III¹¹ и бронзовая боспорская монета с именем Рескупорида и изображением сидящей на троне богини¹². Датированные монеты обоих кладов принадлежат следующим правителям (табл. 2).

Самыми интересными монетами из кладов являются статеры 572 и 573 гг. б. э. (275/76 и 276/77 гг. н. э.) с именем Рескупорида (табл. IV, 14, 15; табл. V, 7, 9) и статер 563 г. б. э. (266/67 г. н. э.) с именем Тейрана (табл. V, 1, 2). Внешние признаки и сохранность этих монет, а также обстоятельства находки делают подлинность всех трех монет несомненной. Это заставляет вспомнить о том, что статер 572 г. б. э. с именем Рескупорида был опубликован А. М. Подшиваловым в 1882 г.¹³ Переиздавая эту редкую монету, А. Н. Зограф отметил, что она находится в собрании Эрмитажа, где хранится еще три таких же экземпляра. Все четыре, по его словам, «оказываются литыми», и притом из одной формы. Естественно было бы, продолжает А. Н. Зограф, «предположить, что

в основе их всех лежит чеканенный оригинал», но попытки отыскать таковой он считает обреченными на неудачу, поскольку лицевая сторона всех четырех монет эрмитажной коллекции «тождественна по штемпелю» двум монетам 561 г. б. э. (264/65 г. н. э.), использование одного и того же штемпеля спустя одиннадцать лет после его появления «совершенно невероятно». Поэтому их оборот, согласно предположению А. Н. Зографа, снят «с реверса какого-либо статера Савромата или Тейрана» (правда, такие монеты этих царей А. Н. Зографом не названы) ¹⁴.

Таблица 2. Статеры боспорских царей из кладов 1958 и 1959 гг.

Правитель, даты боспорской эры	Кол-во монет из клада		Правитель, даты боспорской эры	Кол-во монет из клада	
	у пос. Уютное	у хут. Батарейка		у пос. Уютное	у хут. Батарейка
Инифмей, 535 г.	3	—	Рескупорид, 572—573 гг.	1	1
Рескупорид, 539—553 гг.	257	52	Савромат, 572 г.	46	9
Фарсанз, 550 г.	5	2	Тейран, 572—575 гг.	42	8
Рескупорид, 558—564 гг.	601	125	Фофорс, 583—588 гг.	69	—
Тейран, 563 г.	—	1			

Столь подробное изложение аргументации А. Н. Зографа оправдывается не только его научным авторитетом, но и существом дела, тем более что эти доводы не выдерживают критики. Эрмитажные экземпляры действительно напоминают литые, но категорически относить их к числу подделок нельзя: во-первых, сохранность всех четырех такова, что для объективного определения метода их изготовления понадобился бы металлографический анализ; во-вторых, в кладах боспорских поздних монет встречаются литые бронзовые статеры Фофорса и последнего Рескупорида ¹⁵. Мало убедительно и категорическое утверждение о невозможности повторного использования старого штемпеля — выше было отмечено, что один и тот же штемпель с именем Рескупорида применялся в 530 и в 541 г. б. э. ¹⁶ Но самое главное состоит в том, что происходящие из двух кладов, найденных в разных концах Боспорского государства, статеры 572 и 573 гг. б. э. с именем Рескупорида изготовлены без всякого сомнения путем чеканки и происходят от той же пары штемпелей, которая известна нам по сомнительным монетам Эрмитажа. Чтобы завершить их краткую нумизматическую характеристику, добавим, что штемпель реверса с датой 572 г. б. э. не может быть отождествлен ни с одним из выделенных нами 27 штемпелей этого года с именами Савромата и Тейрана, причем статеры этих двух правителей также не имеют ни одного общего штемпеля с датой. Наконец, штемпель реверса

573 г. б. э. очень близок к одному из штемпелей Тейрана (нами насчитано 19 штемпелей последнего с этим годом), а может, быть даже идентичен ему.

Продолжая наблюдения А. Н. Зографа, мы должны подчеркнуть, что монеты 572 и 573 гг. б. э. с именем Рескупорида имеют общий штемпель аверса с очень своеобразной группой статов с тем же именем, выпущенной в 561 г. б. э. (табл. IV, 13; табл. V, 8). Эти монеты редки (А. Н. Зограф отмечает наличие в Эрмитаже двух экземпляров¹⁷), и особенно показательно, что в огромном Тиритакском кладе, насчитывавшем 266 статов этого года, чеканенных 15 штемпелями аверсов и 54 штемпелями реверсов, не было ни одной монеты этой группы¹⁸. Между тем редкие статы 561 г. б. э. налицо и в кладе из пос. Уютное, и в кладе из хут. Батарейка (см. приложение).

Особенностью названной группы статов 561 г. б. э., резко отделяющей ее как от остальных монет того же года, так и от прочих монет смежных лет, является тип реверса. После возобновления чеканки в 261/62—267/68 гг. н. э. (558—564 гг. б. э.) к бюсту императора на реверсе присоединился второй бюст (в этой паре обычно узнают Валериана и Галлиена), и такое изображение сохраняется в 559, 560 и 561 гг. б. э. (табл. IV, 2—6). В последнем году один бюст на реверсе исчезает и на его месте появляется буквенный дифферент I (10), который сохраняется и на части статов 562 г. б. э., (табл. IV, 7, 8) затем заменяется дифферентом K (20), причем все монеты с 560 г. б. э. объединяются иконографическими признаками в один ряд¹⁹. Рассматриваемые монеты 561 г. б. э. не находят места в указанном ряду, и лишь с известной натяжкой их можно было бы помещать между монетами с двумя бюстами²⁰ и с дифферентом I²¹.

Нелишне напомнить, что особенности обычных монет 561 г. б. э. были убедительно объяснены А. Н. Зографом и не являются случайными, так как появление знака I и последующая замена его знаком K связаны с монетной реформой, проведенной правительством Боспора. С 560 г. б. э. проводилась очень ограниченная эмиссия высокопробных золотых монет²², аналогичных римским триенсам Галлиена и изготовлявшихся теми же штемпелями небольших монет из высокопробного серебра (известны серебряные монеты и 561 г. б. э.)²³. Одновременно была осуществлена и эмиссия разменных медных монет²⁴. Все это должно было закрепить курс изготовлявшихся из биллона статов, которые в ходе реформы были приравнены сначала к десяти (знак I), а затем к двадцати (знак K) неизвестным счетным единицам²⁵.

Возвращаясь к монетам Рескупорида 572 и 573 гг. следует подчеркнуть, что на них нет знака ценности K, сохранявшегося на биллоновых статах также в 563 и 564 гг. б. э.²⁶ Другими словами, эти монеты не только указывают на то, что правление Рескупорида продолжалось до 276/77 г. н. э., но и на то, что после семилетнего перерыва в чеканке монеты правительство Боспора

Приложение

Список датированных боспорских монет из кладов, найденных у пос. Уютное (1959 г.) и близ хут. Батарейка

№ п/п	Краткая характеристика монет			Кол-во монет из клада	
	Аверс	Реверс	год боспорской эры	У пос. Уютное	у хут. Батарейка
	имя боспорского царя, атрибут или дифферент перед его изображением	атрибут или дифферент перед изображением императора			
1	Инифимей, б/атр.	палица	535	3	—
2	Рескупорид, б/атр.	»	539	2	—
3	» »	»	540	1	1
4	» »	»	541	8	2
5	» »	»	542	8	3
6	» »	»	543	8	4
7	» »	»	544	2	1
8	» »	»	545	15	5
9	» »	звезда	545	11	4
10	» »	палица	546	23	2
11	» »	звезда	546	22	3
12	» »	палица	547	17	5
13	» »	звезда	547	20	4
14	» »	трезубец	547	7	2
15	» »	палица	548	5	2
16	» »	звезда	548	6	—
17	» »	искаженная звезда или трезубец	548	—	1
18	» »	трезубец	548	16	3
19	» »	два шарика	548	19	1
20	» »	б/атр.	548	3	—
21	Рескупорид, палица	»	548	5	3
22	» »	трезубец	548	3	—
23	» »	два шарика	548	—	1
24	Рескупорид, б/атр.	звезда	549	4	1
25	» »	трезубец	549	2	—
26	» »	два шарика	549	19	3
27	» »	шарик	549	13	—
28	» »	»	550	1	—
29	Фарсавз, б/атр.	звезда	550	2	—
30	» »	два шарика	550	3	2

№ п/п	Краткая характеристика монет			Кол-во монет из клада	
	Аверс	Реверс	год боспорской эры	у пос. Уютное	у хут. Батайка
	имя боспорского царя, атрибут или дифферент перед его изображением	атрибут или дифферент перед изображением императора			
31	Рескупорид, б/атр.	трезубец	551	6	—
32	» »	венок	551	1	—
33	» »	трезубец	552	6	—
34	» »	»	553	1	1
35	» »	звезда	558	5	1
36	» »	два бюста, шарик	558	12	1
37	» »	» » »	559	56	14
38	» »	» » »	560	7	1
39	Рескупорид, трезубец	» » »	560	87	21
40	» »	» » »	561	21	7
41	» »	б/атр.	561	10	2
42	» »	дифферент I	561	79	14
43	» »	дифферент I	562	47	12
44	» »	дифферент K	562	21	3
45	» »	» »	563	143	27
46	Тейран, б/атр.	б/атр.	563	—	1
47	Рескупорид, трезубец	дифферент K	564	113	19
48	» »	б/атр.	572	1	—
49	Савромат, трезубец	»	572	31	3
50	Савромат, б/атр.	»	572	1	—
51	» »	орел на колонне	572	9	3
52	» »	орел на шаре	572	5	3
53	Тейран, б/атр.	б/атр.	572	5	1
54	Рескупорид, трезубец	»	573	—	1
55	Тейран, б/атр.	»	573	24	2
56	» »	»	574	4	2
57	» »	»	575	9	3
58	Фофорс, б/атр.	царский знак-тамга	583	13	—
59	» »	» »	584	7	—
60	» »	» »	585	6	—
61	» »	» »	586	24	—
62	» »	» »	587	18	—
63	» »	» »	588	1	—

отказалось от задуманного удвоения ценности биллоновых статов — и на монетах Рескупорида, и на монетах Савромата и Тейрана (табл. V, I, 3—6) нет никакого буквенного дифферента, а при Фофорсе основной традиционный номинал монет стали чеканить из обычной бронзы. Разумеется, монеты не дают возможности судить, были ли Савромат и Тейран соправителями или соперниками Рескупорида, но фактура и стиль всех монет 275/76—278/79 гг. б. э. настолько близки, что эмиссия их на одном монетном дворе почти не вызывает сомнения.

Особенности выделенной выше группы статов 561 г. б. э.²⁷, иконографическая и стилистическая близость их реверса к монетам 572—575 гг. б. э., а также то обстоятельство, что при их чеканке применялся тот же штемпель, которым изготовлены самые поздние статы Рескупорида (табл. V, 7—9), заставляют предполагать, что вся эта серия была выпущена уже после перерыва в чеканке в 565—571 гг. б. э. Смысл такой эмиссии с фиктивной датой мог бы состоять в том, что они были призваны изгладить из памяти населения неудавшуюся реформу предыдущих лет — на них по-прежнему нет знака ценности. Впрочем, если такая догадка не может быть подтверждена, то нет ничего невозможного и в том, что старый штемпель «дореформенных» (то есть лишенных знака ценности) статов был использован при возобновлении чеканки монет Рескупорида.

Клад из хут. Батарейка содержал и удивительный статов Тейрана 563 г. б. э. (табл. V, I, 2), особенности которого определяются с одной стороны тем, что штемпель его аверса применялся при чеканке статов Тейрана в 572 и в 573 гг. б. э., а с другой — тем, что реверс очень близок по своему стилю к прочим монетам Тейрана (табл. V, 2—6) и ничем не напоминает реверсы статов 563 г. б. э. с именем Рескупорида; нет на нем и буквы К, обязательного элемента чеканки 562—564 гг. б. э. Все это позволяет обойтись без не находящих опоры в источниках гипотез²⁸ и заставляет ограничиться предположением, что резчик штемпеля ошибочно вырезал в дате на месте десятков знак предшествующего десятилетия.

¹ Гиль Х. Х. Новые приобретения моего собрания.— ЗРАО, 1892, 5, с. 360; Латышев В. В. ПОНТИКА. СПб., 1909, с. 123; АМ, с. 208—212; *Gaidukevic V. F. Das Bosporanische Reich.* Berlin; Amsterdam, 1971, S. 574 (*Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949, с. 451, 452, 453, 455, 459).

² *Каришковский П. И.* 3 истории монетной справи на Боспори у III ст. н. э.— МАСП, 1959, 2, с. 177—186.

³ *Фролова Н. А.* Монетное дело Боспора при Рескупориде IV и Инифимее.— СА, 1974, № 1, с. 47—50.

⁴ Там же, с. 45—46, табл. I, 8.

⁵ *Исанчури Е. Р.* Загадка Боспора.— Сов. коллекционер, 1974, 11, с. 129—130, рис. 1, 7—8.

⁶ *Фролова Н. А.* Указ. соч., с. 48, 49.

⁷ *Брабич В. М.* Клад боспорских статов III в. н. э. из Тиритаки.— Труды ГЭ, 1967, 9, № 3, с. 8, № 500—501, табл. XI.

- ⁸ *Голенко К. В.* Монеты, найденные при раскопках в Керчи в 1964 г. — ВДИ. 1970. № 2, с. 92, 93, рис. 2, 39. Такая монета, но невысокой сохранности хранилась до войны в Одесском музее (сохранился ее эстампак).
- ⁹ Благодаря любезности П. Н. Шульца и Л. И. Чунстовой в 1963 г. нами совместно с П. О. Карышковским было произведено определение монет обоих кладов и сняты необходимые слепки. Пользуемся случаем выразить благодарность названным специалистам, а также В. Ф. Гайдукевичу, обратившему наше внимание на значение монет с необычными датами и порекомендовавшему заняться их изучением.
- ¹⁰ *Кукин В. Э.* Монетный клад с Таманского полуострова. — АИБ, 1962, 2, с. 343—345, рис. 1, 2.
- ¹¹ DHMER, 5, p. 31, № 98 (var.)
- ¹² ОКМ, табл. XXXII, 306—308.
- ¹³ Beschreibung der unedirten und wenig bekannten Münzen von Sarmatia Europaea, Chersonesus Taurica und Bosphorus Gimmerius aus der Sammlung A. Podschivalow. Moskau, 1882, S. 23, № 73, Taf. II, 39.
- ¹⁴ АМ, с. 211, табл. L, 15.
- ¹⁵ *Голенко К. В.* Литые позднебоспорские монеты. — Нум. сборник ГИМ, 1971, 4, № 2, с. 40—46.
- ¹⁶ Прим. 5.
- ¹⁷ АМ, табл. L, 14.
- ¹⁸ *Брабич В. М.* Указ. соч., с. 8, № 844—1109, табл. XIV—XVI.
- ¹⁹ АМ, с. 210—211, табл. L, 4, 8—10; *Брабич В. М.* Указ. соч., табл. XI, 502; XVII, 1291.
- ²⁰ *Брабич В. М.* Указ. соч., табл. XV, 898—904; АМ, табл. L, 8.
- ²¹ Там же, табл. XV, 913—934.
- ²² АМ, табл. L, 5.
- ²³ Там же, табл. L, 6.
- ²⁴ Там же, табл. L, 7.
- ²⁵ Там же, с. 210—211; *Кругликова И. Т.* Боспор в позднеантичное время. М., 1966, с. 198—199.
- ²⁶ *Брабич В. М.*, табл. XVII, 1293; XXI, 2041; АМ, табл. L, 10.
- ²⁷ АМ, табл. L, 14.
- ²⁸ Если все монеты этого периода с именем Рескупорида принадлежат одному правителю, то со времени его первого возвышения в 530 г. б. э. до выпуска последних монет прошло 42 года, и нет ничего невозможного в том, что престарелый царь еще при жизни сделал своими соправителями сначала Тейрана, принадлежавшего, по-видимому, к «законной» династии Тибериев Юлиев (КБН, № 36), потом Савромата, постытеля традиционного династического имени (перерыв в чеканке позволяет распространять соправительство Савромата и на предшествующие 572 г. б. э. годы), и наконец снова Тейрана, сменившего Рескупорида после смерти на престоле Боспора.

Г. А. ВАРТАНОВ

КОЛХИДСКАЯ ДИДРАХМА, НАЙДЕННАЯ В ГЕРМОНАССЕ

Развернувшееся в последние годы изучение взаимоотношений древней Колхиды с греческим миром Средиземноморья и Причерноморья в эпоху колонизации и в ближайшие десятилетия после ее завершения заставляет с особым вниманием отнестись к находкам ранних греческих монет в Колхиде, с одной стороны, и к находкам монет колхидской чеканки за пределами Западной

Грузии, с другой. В связи с этим представляется целесообразным напомнить основные факты и дополнить их некоторыми новыми данными и наблюдениями.

Наиболее древней монетной находкой на территории Колхиды является архаическая синопская драхма, происходящая из одной из могил некрополя местного населения близ Пичвиари. Монета найдена в 1967 г. и опубликована в 1974 г., но при этом описана не вполне точно: на ее аверсе изображена не «голова дельфина», как утверждает издатель ¹, а стилизованная голова морского орла (французские нумизматы удачно называют ее «рыбовидной» — *poisiforme*)², под которой помещена маленькая внемасштабная фигура дельфина ³. Заслуживает анализа и оформление реверса: большой вдавленный квадрат, занимающий его поверхность, разделен на четыре малых квадратных поля, причем два из них, расположенные по одной из диагоналей большого квадрата, углублены в металл заметно больше двух других; при этом поверхность всех четырех полей гранулирована. Такая моделировка реверса сравнительно редка. Эволюция вдавленного квадрата на синопских монетах начинается с того, что его пространство делится выпуклой крестообразной линией на четыре равноуглубленных малых поля ⁴, а на несколько более поздних экземплярах два из этих полей гранулированы и в их смежных углах помещены шарики ⁵; последние стоят иногда во всех четырех углах, образованных перекрестием ⁶. На еще более поздних монетах реверс представляет ровное, гладкое поле с двумя соединяющимися углами маленькими квадратными углублениями, причем в смежных углах помещены шарики ⁷. За ними следуют драхмы с реалистически исполненной головой орла и реверсом описанного типа; в углубленных квадратах кроме шариков появляются отдельные буквы В, Г Θ и т. п. ⁸

Дж. Хинд специально останавливается на охарактеризованных выше монетах Синопы и датирует их серединой V в. до н. э., точнее временем между 480 и 440 гг. ⁹

Аргументация новозеландского нумизмата недостаточно убедительна и к тому же неоригинальна — эту дату предложил еще в 1885 г. Спкс-старший ¹⁰, и она была в начале нашего столетия опровергнута: в наиболее надежных руководствах по античной нумизматике первые серебряные монеты Синопы датируются концом VI в. или временем, близким к 500 г. до н. э. ¹¹ Как нам представляется, эта дата верна и могла бы быть с большим основанием даже несколько удревнена.

Синопская драхма из Пичвиари принадлежит к редкой серии, реверс которой оформлен под несомненным влиянием кизикских статеров и выпадает из обрисованной выше картины эволюции реверса синопских архаических монет. Судя по изображению орла, монеты этой серии ¹² являются самой ранней или одной из самых ранних эмиссий Синопы. Представляется вероятным, что они должны отыскать свое место в ряду синопских драхм между

монетами с перекрестием, также имитирующими тип реверса ранних кизикинов¹³, и монетами с перекрестием и точками. Можно полагать, что эта серия относится к рубежу VI и V вв. до н. э.

Остальные монетные находки в Колхиде не старше V в. до н. э. Это кизикский статер из Кобулетского клада, найденного в 1952 г.¹⁴, и два статера из греческого некрополя у Пичвнари, найденные в 1967 и в 1968 гг.¹⁵ К тому же столетию относится афинская тетрадрахма из Батуми¹⁶ и еще две находки из Пичвнари — мелкие серебряные монетки Пантикапея и Нимфея¹⁷. Они верно описаны и датированы издателями и дают необходимую базу для исторической интерпретации.

Если в Колхиде зарегистрирован целый ряд монетных находок V в. до н. э., связывающий ее со Средиземноморьем, Синопой и Боспором, то и на Боспоре известна находка двух серебряных монет Колхиды: они были открыты в 1939 г. в архаическом святилище Деметры в Нимфее, где, нелишне подчеркнуть, зарегистрированы также находки пифосов, изготовленных в Колхиде¹⁸.

Колхидки из Нимфея принадлежат к самой распространенной категории этих монет и датируются в последнее время второй половиной V и тремя первыми четвертями IV в. до н. э.¹⁹ Не касаясь здесь всех спорных вопросов, вызванных изучением серебряных монет Колхиды, укажем лишь, что они предназначались, по-видимому, для внутреннего обращения и крайне редко выходили за пределы земли древних колхов²⁰. Однако нимфейская находка не является все же уникальной: в нашей небольшой коллекции с 1967 г. находится статер колхидской чеканки, найденный в 1960 г. на выкиде вблизи раскопа на городище античной Гермонассы. Эта монета (д. 21—22 мм, в. 8,92 г) имеет на аверсе изображение безбородой головы в профиль, заключенное в линейный круг, а на реверсе — две подобные головы, помещенные друг против друга в прямоугольном углублении, разделенном вертикальной перегородкой на два квадратных поля (табл. V, 10).

Монеты, подобные гермонасской находке, были впервые изданы Б. В. Кене²¹ и еще в середине прошлого века заняли прочное место среди монет Колхиды²². А. Н. Зограф отнес их к V в. до н. э.²³, и эта датировка не вызывает сомнений. В изображениях в последнее время видят триморфную Гекату, олицетворявшую лунные фазы²⁴, но нам кажется более верной старая точка зрения Е. А. Пахомова, узнававшего на монете «самостоятельное туземное божество»²⁵. Однако при всей дискусионности этого вопроса сам факт находки статера колхидской чеканки на Таманском п-ве, и притом на территории одного из наиболее древних и значительных городов Боспорского государства, заслуживает внимания, поскольку вносит новый штрих в историю взаимоотношений Боспора и Колхиды в античную эпоху.

- ¹ *Кахидзе А. Ю.* Привозные монеты из могильника Пичварп.— ВДИ, 1974, 3, с. 90, № 3.
- ² RG, 1, p. 195', № 9.
- ³ Тип монеты достаточно хорошо различается на приводимой издателем фотографии. *Кахидзе А. Ю.* Указ. соч., рис. 1, 3.
- ⁴ RG, 1, pl. XXIV, 6.
- ⁵ Sammlung Aulock, 1, Taf. 6, 196.
- ⁶ Ibid., 15, Taf. 235, 6831.
- ⁷ RG, 1, pl. XXIV, 8—10; CBM, Pontus, pl. XXI, 10—12; Sammlung Aulock, 1, Taf. 6, 197; 15, Taf. 235, 6832—6833.
- ⁸ RG, 1, pl. XXIV, 12; CBM, Pontus, pl. XXI, 13; Sammlung Aulock, 15, Taf. 235, 6834—6831.
- ⁹ *Hind J. G. F.* The eagle-head coins of Sinope.— NC, 1976, 16, p. 1—6.
- ¹⁰ *Six J.—P.* Sinope.— NC, 1885, 5, p. 15—22.
- ¹¹ HN, p. 507; RG, 1, p. 193'—194'; TMGR, 1, col. 396; *Gardner P.* A history of ancient coinage 700—300 A. D. Oxford, 1918, p. 171.
- ¹² RG, 1, pl. XXIV, 11 (cf. pl. XXIV, 7).
- ¹³ Подгруппа II по классификации Фритце; автор датирует эти монеты второй половиной VI в. до н. э. (*Fritze H.* Die Elektronprägung von Kyzikos.— *Nomisma*, 1912, 7, S. 4, 7, 10.
- ¹⁴ *Голенко К. В., Капанадзе Д. Г.* Четыре клада колхидок.— НЭ, 1966, 6, с. 34—35, рис. 3.
- ¹⁵ *Кахидзе А. Ю.* Указ. соч., с. 88—89, № 1—2, рис. 1, 1, 2.
- ¹⁶ *Зозраф А. Н.* Распространение находок античных монет на Кавказе.— ТОНГЭ, 1945, 1, с. 60—61, № 58.
- ¹⁷ *Кахидзе А. Ю.* Указ. соч., с. 90, 91, № 4, 5, рис. 1, 4.
- ¹⁸ *Скуднова В. М.* Находка колхидских монет и пифосов в Нимфее.— ВДИ, 1952, 2, с. 238—242.
- ¹⁹ *Голенко К. В., Капанадзе Д. Г.* Указ. соч., с. 36, 38—40. 47; *Волтунова А. И.* Колхидки.— ВДИ, 1973, 4, с. 94.
- ²⁰ Кроме нимфейской находки (прим. 18) о приобретении в 1903 г. колхидской монеты обычного типа среди группы монет, купленных в качестве найденных в Херсонесе см.: (*Капанадзе Д. Г.* К вопросу об экономических связях Северного и Восточного Причерноморья в античную эпоху по нумизматическим данным.— В кн.: Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959, с. 143—144, № 7). Однако эта находка настолько сомнительна, что не принимается во внимание. (*Гилевич А. М.* Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса.— НСФ., 1968, 3, с. 18).
- ²¹ *Koehne B.* Lettre à Mr. J. Y. Akerman sur quelques médailles autonomes grecques de différents cabinets.— Mémoires de la société impériale d'archéologie, 1852, 6, p. 367—370, № 6, pl. XXI, 11; *Кене Б. В.* Музей кн. В. В. Кочубея. СПб, 1857, т. 1, с. 427, № 1.
- ²² *Капанадзе Д. Г.* Грузинская нумизматика. М., 1950, с. 32—33, № 2, табл. 1, 2; *Капанадзе Д. Г.* Комментарий.— В кн.: *Пахомов Е. А.* Монеты Грузии. Тбилиси, 1970, с. 278—279, № 3, табл. А—3; TMGR, 2, col. 1535—1536, № 2966.
- ²³ *Зозраф А. Н.* Указ. соч., с. 37.
- ²⁴ *Капанадзе Д. Г., Шенгелия И. Г.* Триморфная Геката с колхской дидрахмы V в. до н. э.— В кн.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968, с. 154—161.
- ²⁵ *Пахомов Е. А.* Несколько слов о происхождении рисунка колхидок. Батуми, 1911, с. 6—8.

СЕРЕБРЯНЫЕ МОНЕТЫ РИМСКОГО АМИСА ИЗ СОБРАНИЯ ОДЕССКОГО МУЗЕЯ

В коллекции Одесского музея имеется группа серебряных монет южнопонтийского города Амиса, выпущенных во II в. н. э. Эти монеты не являются нумизматической редкостью, но принадлежат к числу сравнительно немногочисленных серебряных эмиссий, чеканившихся в подвластных Риму провинциальных центрах Малой Азии¹, и, безусловно, заслуживают публикации.

История античного Амиса (современный Самсун) изучена лишь в общих чертах, и установить конкретную причину его серебряной эмиссии при Адриане и Антонине Пие не представляется возможным². Известно, впрочем, что Амис обладал обширной и богатой территорией и был наряду с Синопой важным опорным пунктом Римской империи на Востоке³. По-видимому, предоставление городу, который именовался «свободным, автономным и союзным»⁴, права чеканки серебра было одной из привилегий, которыми Рим стремился укрепить свою власть в этом стратегически важном районе.

Серебряные эмиссии римского Амиса примыкают по типам к общегосударственной монете — на них помещены изображения императоров и их ближайших родственников. Известны монеты Адриана⁵, его жены Вибии Сабинны⁶ и приемного сына Луция Элия⁷; а также редкие монеты Антонина Пия⁸. Они датированы по так называемой актийской эре, но с некоторым опережением: сражение при Акции (Акциуме) произошло, как известно, 2 сентября 31 г. до н. э., а эра Амиса начинается с осеннего равноденствия 32 г. до н. э., то есть ее первый год не открывается, а завершается этой битвой⁹. Монеты Адриана и членов его семьи датируются семью последними годами жизни императора — от 163 до 169 г. амисенской эры, соответственно 131/2—137/8 г. н. э. (Адриан умер 10 июля 138 г.). При Антонине была произведена лишь эпизодическая эмиссия в 189 г. амисенской эры, то есть в 157/8 г. н. э.

Интересующие нас серебряные монеты выпускались при Адриане в трех номиналах, средние веса которых были определены на рубеже XIX—XX в. и составляют 9,33—6,22—3,11 г¹⁰. Если принять во внимание, что средний вес денариев Адриана равен 3,20 г. (по 733 экз.)¹¹, то монеты Амиса могли бы рассматриваться как одинарный, двойной и тройной денарий. Однако проверка показала, что средний вес наиболее часто встречающихся монет младшего номинала значительно отстает от веса денариев и составляет только 2,66 г. (по 193 экз.)¹². По имеющимся в нашем распоряжении данным (табл. 1)¹³, этот вес оказывается даже еще несколько меньшим — 2,59 г. (по 107 экз.) Иными представляются и средние веса двух старших номиналов — 8,34 и

5,50 г. Очевидно, это не денарии, а провинциальные драхмы, дидрахмы и тридрахмы, причем веса основного счетного номинала равны 2,59 г (по драхам), 2,50 (по дидрахам) и 2,74 г (по тридрахам). Такие драхмы обращались параллельно с денариями, но по особому курсу — провинциальная драхма приравнивалась к трем сестерциям, а тетрадрахма к трем денариям ¹⁴.

Таблица 1. Средние веса серебряных монет римского Амиса

Время эмиссии	Номинал	Кол-во известных весов	Вес, г		
			максимальный	минимальный	средний
131/2—137/8 гг.	старший	19	10,52	6,50	8,34
	средний	34	6,52	4,25	5,50
	младший	107	3,42	2,05	2,59
157/8 г.	младший	4	3,00	2,04	2,55

Серебряные монеты римского Амиса предназначались для обращения на местном рынке и редко выходили за границы полиса. Иногда попадают в кладах денариев, и притом на значительных расстояниях от места чеканки: одна драхма Адриана зарегистрирована в Калантаевском кладе на Кировоградщине ¹⁵, другая — в Ускубском близ Скопле ¹⁶. Такие находки не являются свидетельством непосредственных связей Амиса со Средним Приднестровьем или с бассейном Вардара — драхмы этого города вместе с денариями проникали в такие отдаленные местности случайно. Однако Амис в первых веках н. э. поддерживал традиционные связи с Северным Причерноморьем, особенно с Боспорским государством, на территории которого неоднократно встречались надгробия уроженцев этого города ¹⁷.

В коллекции Одесского музея хранятся 17 серебряных монет римского Амиса — 16 экземпляров, в том числе две дидрахмы относятся ко времени Адриана, один — к эмиссии Антонина Пия. К сожалению, сведения о происхождении монет утрачены, известно лишь, что по крайней мере пять из них были подарены в конце XIX в. А. Л. Вертье-Делагардом. В большинстве одесские экземпляры принадлежат к изданным вариантам, но некоторые в известной нам литературе не упоминаются.

Прежде чем перейти к описанию списка одесских монет, остановимся на имеющихся на них надписях. На реверсе всех серебряных монет Амиса находится стереотипная легенда AMICOG EΛEYΘEPAC («свободного Амиса» — подразумевается драхма, дидрахма и т. д.) и год, изображенный буквенными обозначениями. На аверсе монет Адриана — сокращение его имени и титула AYTKAITPAADPIANOC CEBIIIITIT (перевод латинской легенды Imperator] Cae[sar] Tra[ianus] Hadrianus Aug[ustus],

p [ater] P [atriae], cos. III — император Цезарь Траян Адриан Август, отец Отечества, консул в третий раз), а на монетах Сабини и Антонина Пия — их имена и краткие титулы (SABINA SEBASTH — Сабина Августа; AYTTAIAIOCKAICAPANTΩNEINOC император Тит Элий Цезарь Антонин). Эти легенды всегда одинаковы и в прилагаемом списке не приводятся.

В заключение отметим, что 12 монет рассматриваемой категории описаны в рукописном каталоге нумизматического собрания Одесского музея, составленном в 1927 г. тогдашним заведующим отделом нумизматики К. М. Милисавлевичем, в котором приведены веса монет (рукопись снабжена отличными эстампажами), что позволит отождествить находящиеся в музее в настоящее время экземпляры с монетами, включенными в каталог. Однако отсутствие описаний пяти драхм не означает, что они попали в Одесский музей после 1927 г., а является лишь свидетельством неполноты каталога.

П р и л о ж е н и е

СПИСОК СЕРЕБРЯНЫХ МОНЕТ РИМСКОГО АМИСА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ОАМ

163 год эры Амиса — 131/2 г. н. э.

1. *Л. с.* Задрапированный бюст Адриана в лавровом венке, вправо. *О. с.* Тихе на троне. Дидрахма. В 5,68 г., д. 21—22 мм. Инв. № 20485 (табл. VI, 1). Поступила в 1895 г. от А. Л. Бертье-Делагарда; описана в рукописном каталоге 1927 г.¹⁸ Подобные дидрахмы неоднократно издавались¹⁹.
- 2—4. *Л. с.* Голова Адриана в лавровом венке, вправо. *О. с.* Афина с маленькой Никой в руке. Драхмы. В. 3,42—2,68—2,26 г. д. 17—19 мм. Инв. № 22483, 27013 и 20417 (табл. VI, 2). Одна из монет поступила в 1895 г. от А. Л. Бертье-Делагарда; такой вариант описан в рукописном каталоге²⁰. Подобные драхмы неоднократно издавались²¹.

164 год эры Амиса — 132/3 г. н. э.

5. *Л. с.* То же. *О. с.* Посейдон с дельфином и трезубцем. Дидрахма. В. 4,77 г, д. 21,5—23 мм. Инв. № 27007 (табл. VI, 3). Время поступления и происхождение неизвестны; описана в рукописном каталоге²². Издана²³.
6. *Л. с.* То же. *О. с.* Козерог с шаром и рогом изобилия. Драхма. В. 2,40 г, д. 18—18,5 мм. Инв. № 14997. (табл. VI, 4). Время поступления и происхождение неизвестны; описана в рукописном каталоге²⁴. Подобные драхмы неоднократно издавались²⁵.

165 год эры Амиса — 133/4 г. н. э.

7. *Л. с.* То же. *О. с.* Деметра с двумя колосьями и длинным факелом. Драхма. В. 2,27 г, д. 16—18,5 мм. Инв. № 22495 (табл. VI, 5).

Монета (или одна из двух следующих) поступила в 1895 г. от А. Л. Бертъе-Делагарда²²; в рукописный каталог не вошла. Подобная драхма издана²⁷.

8. *Л. с.* Голова Адриана в лавровом венке, влево.
О. с. То же.
Драхма. В. 2,47 г, д. 17—19 мм. Инв. № 27001 (табл. VI, 6).
Время поступления и происхождение неизвестны; описана в рукописном каталоге²⁸. Такие драхмы в нумизматической литературе известны²⁹.

166 год эры Амиса — 134/5 г. н. э.

9. *Л. с.* Голова Адриана в лавровом венке, вправо.
О. с. То же.
Драхма. В. 2,32 г, д. 17—17,5 мм. Инв. № 27002 (табл. VI, 7).
Время поступления неизвестно; в рукописном каталоге описана.
Подобные монеты не публиковались.
10. *Л. с.* То же.
О. с. Гермес, стоящий влево с кошельком в протянутой правой и с кадуцеем в опущенной левой руке.
Драхма. В. 2,06 г, д. 17—19 мм. Инв. № 22497. (табл. VI, 8).
Поступила в 1893 г. от А. Л. Бертъе-Делагарда; описана в рукописном каталоге³⁰. Подобный реверс известен на монете Сабини 166 г.³¹, близкий вариант (кадуцей лежит на левом плече) известен среди монет Адриана, выпущенных в 165 г.³²
11. *Л. с.* То же.
О. с. Гермес с кошельком, поддерживающий левой рукой складки плаща.
Драхма. В. 2,42 г, д. 16,5—18 мм. Инв. № 27004 (табл. VI, 9).
Поступила в 1895 г. от Л. А. Бертъе-Делагарда; описана в рукописном каталоге³³. Такой вариант не опубликован (известна драхма 166 г., на которой Гермес держит не кошелек, а кадуцей)³⁴.
12. *Л. с.* Задрапированный бюст Сабини с ниспадающей на шею косой, вправо.
О. с. Гермес с кадуцеем, поддерживающий левой рукой складки плаща.
Драхма. В. 2,68 г, д. 18—18,5 мм. Инв. № 22499 (табл. VI, 10).
Поступила в 1895 г. от А. Л. Бертъе-Делагарда; описана в рукописном каталоге³⁵. Вариант с подобным изображением встречается на драхме Сабини 169 г.³⁶; известна драхма 166 г., на которой Гермес держит кадуцей не в правой, а в левой руке³⁷.

168 год эры Амиса — 136/8 г. н. э.

- 13—14. *Л. с.* Голова Адриана без венка, вправо.
О. с. Деметра с чашей и длинным факелом.
Драхмы. В. 2,70 и 2,62 г, д. 17,5—18 мм. Инв. № 22485 и 22496 (табл. VI, II).
Одна из этих монет (или № 15) поступила в 1895 г. от А. Д. Бертъе-Делагарда; такой вариант описан в рукописном каталоге³⁸. Подобная драхма издана³⁹.
15. *Л. с.* Голова Адриана без венка, влево.
О. с. То же.
Драхма. В. 2,50 г, д. 17—18 мм. Инв. № 20415 (табл. VI, 12).
Время поступления неизвестно; описана в рукописном каталоге⁴⁰.
Такие драхмы издавались⁴¹.
16. *Л. с.* Задрапированный бюст Сабини, как на драхме № 12.
О. с. То же.
Драхма. В. 2,42 г, д. 18—18,5 мм. Инв. № 22500 (табл. VI, 13).
Поступила в 1895 г. от А. Л. Бертъе-Делагарда; описана в рукописном каталоге⁴². Подобные монеты неоднократно издавались⁴³.

17. Л. с. Голова Антонина Ция без венка, вправо.
О. с. Тихе с рогом изобилия и рулевым веслом.
Драхма. В. 2,04 г, д. 17,5—18,5 мм. Инв. № 27003 (табл. VI, 14).
Поступила в 1896 г. от А. Л. Бертье-Делагарда; описана в рукописном каталоге (среди монет Адриана)⁴⁴. Подобная драхма издана⁴⁵.
- ¹ Кроме поздних кистофоров провинции Азии (HN, p. 576) следует указать кратковременные эмиссии некоторых городов Карики (Op. cit., p. 694) и гораздо более обильную чеканку Кесарии Каппадокийской (Op. cit., p. 752).
- ² *Imhoof-Blumer F.* Griechische Münzen. München, 1890, S. 572; HN, p. 497, RG, 1, p. 53.
- ³ *Максимова М. И.* Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.; Л., 1956, с. 321, 328—329.
- ⁴ Там же, с. 355—357.
- ⁵ RG, 1, p. 80—84, N 79—98, pl. VIII, 26—28; IX, 1—17; *Suppl.* H, 3—5.
- ⁶ *Ibid.*, p. 84—85, N 99—107, pl. IX, 18—24; *Suppl.* H, 6.
- ⁷ *Ibid.*, p. 85, N 108, pl. IX, 25.
- ⁸ *Ibid.*, p. 86, N 109a, pl. IX, 26.
- ⁹ *Ibid.*, p. 53, note 4; *Максимова М. И.* Указ. соч., с. 356.
- ¹⁰ *Imhoof-Blumer F.* Op. cit., S. 572; HN, p. 497.
- ¹¹ CBM, Roman Empire, 3, p. XLVII.
- ¹² *West L. C.* Gold and silver coin standards in the Roman Empire.— NNM, 1941, N 94, p. 92, note 4.
- ¹³ Учтены индивидуальный вес монет по RG, из коллекции фон Аулока (ср. ниже), Одесского музея и монета из Калантаевского клада (прим. 15).
- ¹⁴ *Mommsen Th.* Histoire de la monnaie romaine. Paris, 1873, 3, p. 301—306, 311—313.
- ¹⁵ *Карышковский П. О.* Клад римских монет из бассейна реки Тясмин.— НЭ, 1962, 3, с. 139, № 21.
- ¹⁶ *Noe S. P.* A bibliography of greek coin hoards.— NNM, 1937, N 78, p. 302, N 1150.
- ¹⁷ КБН, № 124 и 530; *Болтунова А. И.* Надгробная эпиграмма Дивдиана.— *Studii clasice*, 1973, 15, с. 125—130.
- ¹⁸ Отчет ООИД за 1895 г. Одесса, 1896, с. 25; Одесский историко-археологический музей. Нумизматический кабинет. 7. Монеты Понта, рукопись в архиве ОАМ) далее цитируется по: Монеты Понта), л. 137, № 126/4938.
- ¹⁹ CBM, Pontus, p. 21, N 85, pl. IV, 7; RG, 1, p. 81, N 81, pl. VIII, 28 (rev.); *Sammlung Aulock*, 15, Taf. 231, 6738.
- ²⁰ Отчет ООИД за 1895 г., с. 31; Монеты Понта, л. 139, № 129/4941 (№ 4).
- ²¹ CBM, Pontus p. 22, N 87—88, pl. IV, 8 (rev.); RG, 1, p. 81, N 80, pl. VIII, 27; *Sammlung Aulock*, 1, Taf. 3, 78; 15, Taf. 231, 6739.
- ²² Монеты Понта, л. 137, № 125/4937.
- ²³ RG, 1, p. 81, № 82, pl. IX, 1.
- ²⁴ Монеты Понта, л. 139, № 131/4943.
- ²⁵ CBM, Pontus, p. 22, № 89, pl. IV, 9 (rev.); RG, 1, p. 81, № 83, pl. IX, 2 (rev.); *Suppl.* H, 4; *Sammlung Aulock*, 15, Taf. 231, 6740.
- ²⁶ Отчет ООИД за 1895 г., с. 25.
- ²⁷ RG, 1, p. 82, № 86, pl. IX, 6.
- ²⁸ Монеты Понта, л. 139, № 132/4944.
- ²⁹ CBM, Pontus, p. 22, № 91, pl. IV, 10; *Sammlung Aulock*, 15, Taf. 231, 6741.
- ³⁰ Отчет ООИД за 1893 г. Одесса, 1894, с. 36; Монеты Понта, л. 139, № 130/4942.
- ³¹ RG, 1, p. 84, № 100, pl. IX, 19 (rev.).
- ³² *Ibid.*, p. 82, № 87, pl. IX, 7.
- ³³ Отчет ООИД за 1895 г., с. 31; Монеты Понта, л. 137, № 128/4940.
- ³⁴ RG, 1, p. 82, № 88, pl. IX, 8 (rev.).
- ³⁵ Отчет ООИД за 1895 г., с. 31; Монеты Понта, л. 143, № 136/4948.

³⁶ RG, 1, p. 85, № 107, pl. IX, 24.

³⁷ Ibid., p. 84, № 100, pl. IX, 19 (rev.).

³⁸ Отчет ООИД за 1895 г., с. 25; Монеты Понта, л. 137, № 127/4939 (№ 14)

³⁹ RG, 1, p. 83, № 95, pl. IX, 14 (rev.).

⁴⁰ Монеты Понта, л. 141, № 133/4945.

⁴¹ RG, 1, p. 83, № 95, pl. IX, 14 (rev.); Sammlung Aulock, 1, Taf. 3, 80.

⁴² Отчет ООИД за 1895 г., с. 25; Монеты Понта, л. 143, № 135/4947.

⁴³ SBM, Pontus, p. 23, № 93; RG, 1, p. 85, № 105; Sammlung Aulock, 15, Taf. 231, 6743.

⁴⁴ Отчет ООИД за 1896 г. Одесса, 1897, с. 33; Монеты Понта, л. 141, № 134/4946.

⁴⁵ RG, 1, p. 86, № 109 a, pl. IX, 26.

П. О. КАРЫШКОВСКИЙ

ОБ ИЗОБРАЖЕНИИ ОРЛА И ДЕЛЬФИНА НА МОНЕТАХ СИНОПЫ, ИСТРИИ И ОЛЬВИИ

Еще на заре нумизматической науки было подмечено удивительное сходство одного из главных монетных типов трех причерноморских колоний Милета — Истрии, Синопы и Ольвии. Таким общим типом является изображение орла, держащего в лапах дельфина. Еще сто лет назад было установлено, что на монетах представлена охота морского орла (*Haliaeetus albicilla* — орлан белохвост), сильного и смелого хищника, действительно нападающего при случае на молодых или больных дельфинов¹. Верное описание монетного изображения и правильная констатация того, что оно не является плодом свободной игры художественной фантазии, а представляет собой священный городской символ или герб², не привели, однако, к раскрытию его смысла, а само появление одинаковой по содержанию, хотя и различной по оформлению эмблемы в трех независимых и разделенных немалыми расстояниями полисах объяснялось обычно простым заимствованием.

В каждом из центров своего распространения занимающая нас эмблема имела свои особенности и свою историю. В Синопе орел изображен в момент нападения — он еще не успел сложить крылья (табл. VII, 3—6). Одно из них располагается параллельно корпусу и из-за него выступают плечевая часть и концы маховых перьев второго крыла, слегка наклоненного вперед. На ранних драмах тела птицы и дельфина плотные, тяжеловесные. корпус орла изогнут, крылья распущены, хвост направлен книзу, но в одних случаях шея почти выпрямлена³, а в других наклонена так, что клюв касается спины дельфина⁴. Вся сцена трактуется реалистически, стилизация проявляется лишь в том, что изображение дано строго в профиль влево, а хвостовой плавник дельфина слишком резко отогнут кверху. Такое изображение сохраняется в Синопе в течение нескольких десятилетий без существенных изменений, только орел становится менее массивным,

а хвост дельфина плавно приподнимается⁵. В дальнейшем на драхмах с именем сатрапа Датама и одновременных городских эмиссиях изображение становится схематичнее, тело орла утончается и выпрямляется, хвост дельфина раздваивается и напоминает по виду клешню⁶. На более поздних городских монетах и одновременных выпусках с написанными арамейским алфавитом именами сатрапов эта эволюция завершается — тонкий, стреловидный корпус птицы с неестественно узким хвостом вытягивается параллельно дельфину, хвост которого либо по-прежнему стилизуется в виде клешни⁷, либо оканчивается обращенной кверху развилкой⁸. Этот тип обнаруживает черты стилистической деградации не только на многочисленных варварских подражаниях, но и среди драхм с арамейскими надписями, — нарушаются пропорции, крылья орла безжизненно размещаются у самого тела и т. п.⁹

Изображение орла и дельфина было в Синопе не просто одним из монетных типов, но служило эмблемой города и в качестве таковой помещалось на бронзовых табличках гелиастов (рис. 1, 3), а также широко использовалось при клеймении гончарных изделий (амфор, кровельной черепицы). В первом случае изображение принадлежит к раннему типу, хоть и не к первым его образцам¹⁰. Керамические клейма также воспроизводят сравнительно ранний тип — орел и дельфин массивны, корпус птицы изогнут, клюв лишь изредка прикасается к дельфину (рис. 1, 1)¹¹, а иногда даже высоко поднят над ним (рис. 1, 2)¹².

Истрийские резчики монетных штемпелей как бы стремятся представить следующий момент схватки орла и дельфина — птица успела сложить крылья и наносит своей добыче удары клювом (табл. VII, 11—14). На самых ранних серебряных монетах массивный орел с веерообразным хвостом низко склонился над миниатюрным дельфином¹³, позже последний изображается крупнее, а птица еще ниже наклоняется к нему, так что ось ее тела располагается почти точно по диагонали вдавненного квадрата, в котором размещена эта сцена¹⁴. В дальнейшем сюжет трактуется более натуралистично — орел утрачивает связанность и то заносит голову для удара¹⁵, то клюет дельфина¹⁶, хвост которого иногда стилизован в виде клешни, как на одновременных синопских драмах. Наконец, на выпусках поздних серебряных монет, количественно увеличившихся, корпус орла обычно параллелен дельфину, тело которого изображается порой неестественно прямолинейным¹⁷ или, напротив, слишком согнутым¹⁸. Оперение птицы передается грубее, чем в Синопе, а шея то находится почти на одной линии с туловищем¹⁹, то выглядит непомерно длинной и манерно изогнутой²⁰. На меди эмблема первоначально следует более строгим образцам, а затем и в Истрии можно отыскать проявления той свободной, даже несколько небрежной трактовки, которая свойственна драхмам заключительных эмиссий²¹.

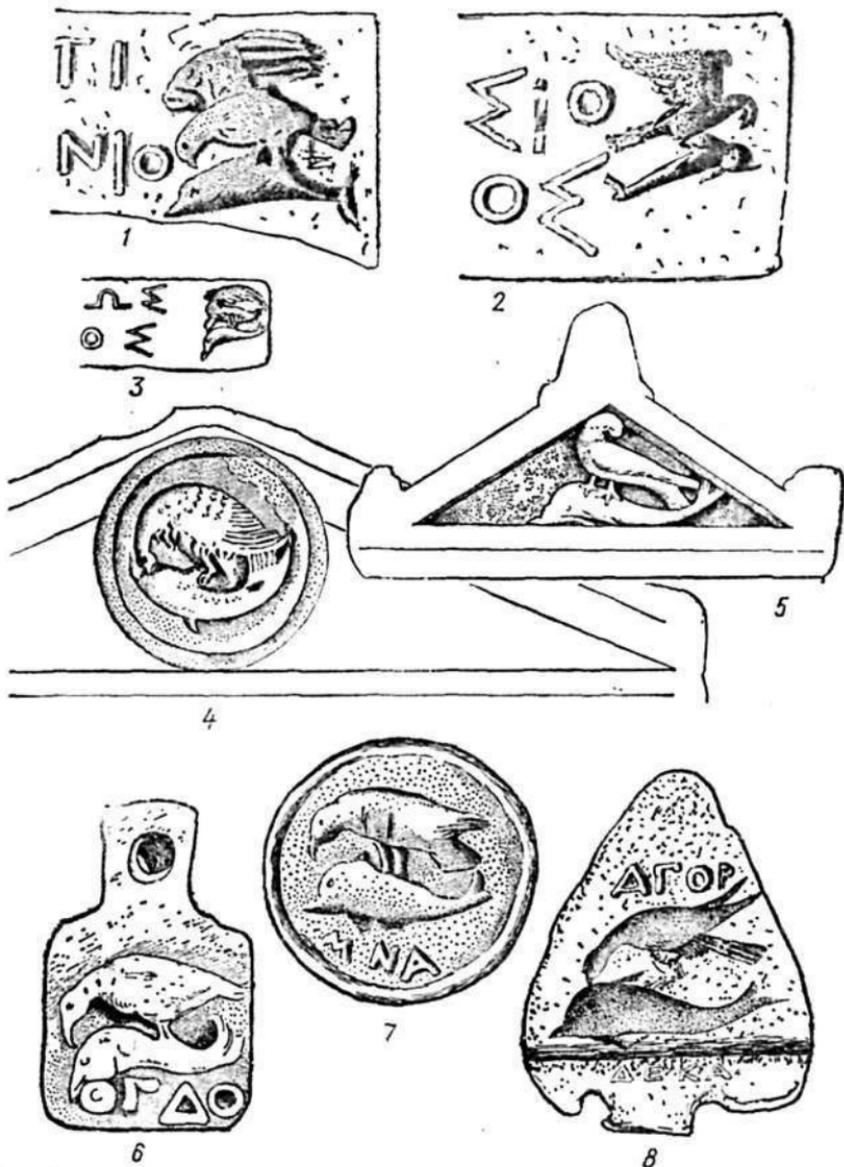

Рис. 1. Изображения городской эмблемы на памятниках Синопы и Истрии. 1 — синопское керамическое клеймо с именем Посейдония; 2 — синопское керамическое клеймо с именем гончара Голанта при астиноме Дионисии; 3 — бронзовая табличка синопского гелиаста Стесилей; 4 — щит на фронтоне истрийского декрета в честь Аристагора; 5 — эмблема на фронтоне истрийского декрета в честь неизвестного; 6—8 — истрийские весовые гири.

Изображение орла и дельфина служило в Истрии, как и в Синопе, эмблемой города, помещенной на свинцовых гирях (рис. 1, 6—8)²² и, что особенно важно, мы находим ее над заголовком одного из важнейших декретов (рис. 1, 4)²³. Резчики лапидарных надписей воспроизводят и другой вид эмблемы, имеющий подчеркнута геральдический характер, — орел неподвижно стоит на дельфине, крылья его прижаты к корпусу, шея поднята, а голова повернута назад (рис. 1, 5). Такой тип известен и на монетах эллинистического времени (табл. VIII, 5)²⁴. Наконец, на меди с изображением сидящего Аполлона (табл. VII, 10) и на некоторых мелких номиналах той же эпохи истрийские мастера помещают синопский тип эмблемы²⁵, эпизодически повторяющийся и в римское время²⁶.

В отличие от Синопы и Истрии изображение орла и дельфина в Ольвии известно только на монетах. Оно появляется во второй четверти V в. до н. э. на литых «ассах» и следует канонам архаического искусства (табл. VIII, 1). Орел с вытянутой шеей и распущенным хвостовым оперением с небольшим дельфином в лапах представлен в парящем полете вправо — крылья широко разведены в стороны, но поставлены перпендикулярно изображенному в профиль корпусу, так что кажутся вырастающими из спины и груди птицы²⁷. Такая условная схема летящей птицы вскоре перестала удовлетворять художественным запросам, и на рубеже V—IV вв. до н. э. при выпуске литых «ассов» меньшего достоинства и при последовавшей вскоре чеканке многочисленных разменных монет ольвийские мастера обратились к синопскому и истрийскому типам городской эмблемы. При этом они довольно близко придерживались своих образцов — незначительные отклонения от изображений на драмах Синопы при изготовлении «ассов» обусловлены техникой литья (табл. VII, 8)²⁸, а чеканенные монеты третьей четверти IV в. (табл. VII, 9)²⁹ довольно точно повторяют изображения на тех драмах с арамейскими надписями, на которых поднятые крылья орла неестественно тесно прижаты к телу птицы³⁰. Равным образом и несколько ранее, еще во второй четверти IV в. до н. э., ольвиополиты без существенных изменений воспроизводили на своей меди основной истрийский тип эмблемы, характерный для драм с буквенными обозначениями (табл. VII, 14—17), и среди монет Ольвии можно отыскать почти все те варианты, которые отмечены выше на монетах Истрии, — орел со сложенными крыльями то держит голову поднятой³¹, то клюет дельфина³², причем шея птицы приобретает порой преувеличенную длину и изгиб³³, дельфин имеет или неестественно выпрямленный³⁴, или слишком изогнутый корпус³⁵ и т. п. Эти различия проявляются в Ольвии не столь резко, как в Истрии, и к тому же ольвийские монетарии свободно ориентируют эмблему — среди синопских и истрийских монет только очень немногие изображают ее повернутой вправо³⁶, тогда как в Ольвии этому не придавали специального значения.

Синопский и истрийский типы эмблемы и впоследствии находят иногда место на серебряных и бронзовых монетах эллинистической Ольвии³⁷, но местные мастера не прекращают поисков ее оригинального художественного воплощения. На короткое время появляется тип орла с прижатыми к телу крыльями и высоко поднятой головой (табл. VIII, 4)³⁸, но еще до этого ольвиополиты создают свой геральдический вариант эмблемы. Птица представлена стоящей в три четверти с гордо поднятой и повернутой назад головой, крылья ее полураспушены и разведены в стороны, заполняя все круглое монетное поле. Дельфин невелик, одна из широко разведенных лап орла часто опирается на конец его корпуса перед самым основанием хвостового плавника (табл. VIII, 7). Этот тип, впервые оформляющийся на литых «ассах» середины IV в. до н. э.³⁹, вскоре получил законченную и выразительную форму на серебряных и золотых статерах⁴⁰. Изображение в дальнейшем упрощается и приближается к схеме, и если на «ассах» этот процесс не успел проявиться с полной отчетливостью⁴¹, то уже к концу IV в. до н. э. ольвийский геральдический тип эмблемы приобретает на статерах геометрическую сухость и безжизненность (табл. VIII, 8): маховые перья крыльев орла моделируются в виде слегка изогнутых или прямых валиков, кроющие превращаются в точки, веретенообразный дельфин становится похожим на рыбу⁴². Несколько более своеобразное и небрежное изображение этого типа находим в III в. до н. э.⁴³, а затем он возрождается уже в римское время. Сначала на мелкой меди второй четверти I в. н. э. этот тип воспроизводится довольно тщательно⁴⁴, но при выпуске редких сестерциев последнего десятилетия того же века он окончательно превращается в довольно грубую схему (табл. VIII, 9)⁴⁵. Однако на дупондиях времени Флавиев появляется еще одна оригинальная разработка того же сюжета — орел с обращенной вперед головой и с небольшими приподнятыми крыльями стоит на более или менее стилизованном дельфине (табл. VIII, 10, 11). Такой вариант быстро деградирует и обнаруживает черты варваризации художественно-изобразительных средств⁴⁶.

Касааясь происхождения и значения эмблемы трех припонтийских городов, необходимо подчеркнуть, что было бы затруднительно согласиться с утверждениями, что Истрия⁴⁷ либо даже Истрия и Синопа заимствовали свою эмблему от ольвиополитов⁴⁸. Даже если признать, что ольвийские «ассы» с крестообразно распластанным в поле орлом несколько древнее синопских драхм и серебряных монет Истрии⁴⁹, то и в этом случае нельзя говорить о подражании или копировании, поскольку общая для трех городов эмблема с самого начала получила в каждом из них самостоятельное художественное оформление. К тому же в Синопе монетное изображение орла и дельфина известно и раньше выпуска вышеописанных драхм с головой нимфы — по крайней мере со времени образования Афинского морского союза, а не исключено, что даже с конца VI в. до н. э. здесь чеканились драхмы архаи-

ческого облика, на аверсе которых дельфин изображен вместе с головой орла (табл. VII, 1, 2) ⁵⁰. С другой стороны, однажды созданный синопскими мастерами сюжетный тип эмблемы — орел с поднятыми крыльями, атакующий дельфина, — оставался в дальнейшем неизменным в своей основе и перешел в таком виде на монеты Истрии и Ольвии, причем ольвиополиты использовали и разработанный истрийскими монетариями тип орла со сложенными крыльями, клюющего свою добычу. Поэтому если позволительно все же говорить об основном очаге, где впервые появился занимающий нас сюжет, то следует прежде всего иметь в виду Синопу ⁵¹.

В самом деле, уже в VI—V вв. до н. э. Синопа была крупным центром производства и торговли ⁵². Многочисленные находки синопских амфор и черепиц в Ольвии достаточно известны, и нужно лишь добавить, что сюда из Синопы поступали также терракотовые архитектурные украшения и особый сорт красной краски ⁵³. Поступление синопских товаров в Истрию было вначале не столь значительно и массовое проникновение масла и вина из Синопы в Истрию наблюдается лишь в эллинистическое время, когда в Ольвии, напротив, можно констатировать некоторое ослабление синопского импорта ⁵⁴. Однако ведущая роль Синопы во взаимосвязях с Северо-Западным Причерноморьем подтверждается эпиграфическими данными. Среди ранних ольвийских надписей имеется ателия синопского купца второй четверти V в. до н. э., а в другом, к сожалению, неизданном и сильно фрагментированном документе нескольким синопским гражданам (по-видимому, двум братьям) представляется, помимо обычных льгот, нигде более не предусмотренное декретами ольвиополитов об иноземцах право приобретения земельных участков (третья четверть V в. до н. э.) ⁵⁵.

Архаические драхмы Синопы представляют интерес также и тем, что и на самых ранних, и на более поздних монетах ⁵⁶ голова орла и дельфин изображены порознь, без всякой сюжетной связи между ними ⁵⁷. С другой стороны, на монетах всех трех городов орел и дельфин являются также самостоятельными типами. В Синопе и в Истрии такие изображения редки ⁵⁸, но в Ольвии очень распространены — в догетское время дельфины фигурируют на золотых ⁵⁹, серебряных ⁶⁰ и бронзовых монетах ⁶¹. В римское время этот тип повторяется лишь однажды ⁶², но зато на золотых монетах царя Фарзоя и на городской меди появляется орел ⁶³, приобретающий в конце концов облик римского легионного знака ⁶⁴. Все это убеждает нас в правильности вывода, что смысл городской эмблемы заключается не в сюжетной связи между дельфином и орлом, то есть не в сцене охоты, а в самих ее участниках как таковых ⁶⁵. Поэтому прежде чем говорить о значении занимающей нас эмблемы надлежит выяснить характер каждого из ее компонентов.

При таком подходе к монетным изображениям Синопы, Истрии и Ольвии трудно отрешиться от сопоставления дельфина с Апол-

лоном, главным божеством Милета и его колоний⁶⁶. Этот бог почитался в прибрежных ионийских городах прежде всего как покровитель мореплавания и в этом своем качестве именовался Дельфинием⁶⁷. Во многих центрах греческого мира отмечались особые празднества — Дельфинии⁶⁸, а в календарях существовал даже соответствующий месяц⁶⁹. Посвященные Аполлону Дельфинию храмы, алтари и священные участки либо рощи тоже называли Дельфиниями⁷⁰. Подобный священный участок (темен) обнаружен в Милете рядом с рыночной площадью, около так называемой Львиной бухты. Он существовал по крайней мере с VI в. до н. э., а двумя столетиями позже был перестроен⁷¹.

Как покровитель мореплавания и защитник мореходов Аполлон Дельфиний первоначально сам представлял в образе дельфина⁷² — предполагалось, что именно в таком виде бог проложил священный путь к Дельфийскому храму⁷³. Поэтому дельфины, сообразительность которых не ускользнула от наблюдательности древних народов, рассматривались как священные животные, связанные с морскими божествами. Поздние античные ученые провозгласили дельфина царем обитателей морских глубин, а в легендах, поэзии и изобразительном искусстве ему отводили почетное место. Жизнерадостность дельфинов, их веселые игры, любопытство, способность проявлять при известных обстоятельствах интерес к музыке рано возбудили фантазию греков, и дельфинам стали приписывать спасение потерпевших кораблекрушение моряков, вынесение на берег утопленников, помощь в делах любви и многое другое. Особо следует упомянуть, что по поведению дельфинов рыбаки предсказывали погоду, и для суеверных умов это представлялось проявлением особой заботы этих животных о людях⁷⁴. Поэтому дельфинов охотно изображали скульпторы, вазописцы, ювелиры, косторезы, монетные мастера, изготовители амулетов и т. п.⁷⁵

Если в Милете культ Аполлона Дельфиния являлся первоначально главным государственным культом и айсимнеты союза мольпов — древнего объединения почитателей этого божества — являлись городскими эпонимами⁷⁶, то вполне естественно, что следы этого культа обнаруживаются и во многих милетских апоикях. Из их числа наибольшее количество материалов сохранилось в Ольвии. До недавнего времени о почитании здесь Аполлона Дельфиния можно было судить лишь на основании надписей эллинистического времени⁷⁷, но положение резко изменилось в результате раскопок послевоенных десятилетий. Установлено, что уже в последней четверти VI в. до н. э. в священной роще, располагавшейся в центре ольвийского темена, совершались священнодействия, связанные с культами Аполлона Дельфиния, Зевса и Афины. В начале V в. до н. э. за счет сокращения рощи было выделено место для строительства монументального храма Аполлона Дельфиния, в конце следующего века этот храм был перестроен и просуществовал, по-видимому, до подчинения Оль-

вии скифами около середины II в. до н. э.⁷⁸ Найденные в немалом количестве фрагменты лапидарных посвячительных надписей⁷⁹ и многочисленные обломки сосудов, также посвященных некогда Аполлону Дельфинию или просто Дельфинию⁸⁰, не позволяют сомневаться в том, что с самых ранних времен почитание этого божества занимало ведущее место в религиозных верованиях ольвиополитов⁸¹. В самом деле, в V в. до н. э. в Ольвии, как и в Милете, эпонимами были айсиметы мольпов, а в эллинистическое время — жрецы Аполлона, скорее всего того же Дельфиния⁸². Впрочем, Аполлон почитался в Ольвии и как Врач⁸³, а в римское время — как Простат (Предстоятель) города и его защитник перед врагами⁸⁴.

Ольвийская нумизматика не дает прямых указаний на культ Аполлона Дельфиния, и в тех случаях, когда мужская безбородая голова помещается на монетах с изображениями лучника⁸⁵, лука⁸⁶, горита⁸⁷ или лиры⁸⁸, осторожность заставляет видеть в ней просто Аполлона. Но в тех случаях, когда такая голова находится с изображением дельфина⁸⁹ либо городской эмблемы⁹⁰, представляется вероятным (по крайней мере для монет догетского периода), что ольвийские мастера хотели изобразить именно Аполлона Дельфиния, атрибутом и олицетворением которого являлся дельфин⁹¹. Сложнее определить, сохранило ли изображение дельфина в качестве самостоятельного типа или в составе городской эмблемы то же значение и в римское время — надписи этой эпохи упоминают всегда только Аполлона Простата, и многочисленные изображения головы⁹² или целой фигуры Аполлона на монетах этого времени⁹³ воспроизводят скорее всего образ божественного Предстоятеля ольвиополитов, храм которого находился в это время на территории Верхнего города⁹⁴.

Культ Аполлона занимал ведущее место и среди культов Истрии, где он почитался не как Дельфиний, а как Врач⁹⁵. Здесь еще в конце V в. до н. э. воздвигались лапидарные посвящения этому богу, жрецы которого были городскими эпонимами и сохранили эту роль до I в. до н. э.⁹⁶ Существовал в Истрии и храм Аполлона Врача, неоднократно упоминаемый эпиграфическими документами⁹⁷. На монетах Истрии также помещали голову Аполлона в лавровом венке⁹⁸ или статую восседающего на омфале бога⁹⁹, а в римское время на монетах воспроизводится статуя Аполлона, стоящего у колонны с лирой в руках¹⁰⁰. В Синопе культ Аполлона также надежно засвидетельствован монетными изображениями, среди которых находим архаическую статую стоящего бога¹⁰¹, его голову в лавровом венке¹⁰² и статую сидящего Аполлона, подобную на монетах Истрии¹⁰³. Наличие в Синопе личного имени Дельфиний¹⁰⁴ позволяет предположить, что Аполлон носил в Синопе это культовое имя¹⁰⁵.

Считая дельфина на монетах Ольвии, Истрии и Синопы атрибутом Аполлона, мы не имеем оснований не связывать отдельно взятое изображение орла с другим важнейшим культом

Милета и его колоний, а именно с культом Зевса. Орел с древнейших времен рассматривался греками как священная птица бога-громовержца, который первоначально сам мыслился в образе могучего орла ¹⁰⁶. В олимпийской мифологии орел выступает как переносчик зевсовых перунов и выполняет роль посланца главы богов, являясь его посредником во взаимоотношениях со смертными ¹⁰⁷. Поэтому изображение орла было очень распространено в греческом мире и являлось, в частности, одним из излюбленных монетных типов ¹⁰⁸.

Культ Зевса существовал во всех уголках греческой ойкумены и для нас существенно, что в Милете его алтарь находился на территории Дельфиния — это указывает на тесную связь обоих культов ¹⁰⁹. В Ольвии храм Зевса также находился в пределах темена, западнее храма Аполлона Дельфиния. Его обнаруженные остатки относятся к III в. до н. э., но немалое число ранних граффити с вотивными надписями говорит о том, что святилище Зевса существовало на том же месте в VI—V в. до н. э. ¹¹⁰ Это же подтверждают и фрагменты лапидарных посвящений Зевсу и Афине ¹¹¹. В эллинистическое время Зевс почитался ольвиополитами как Сотер, Элевтерий и Басилевс ¹¹², а в римское время его именуют Ольбием («подателем благ») и Полиархом («владыкой города») ¹¹³. Зевс становится в послегетской Ольвии главным божеством, в его храме хранились документы ¹¹⁴ и проходили заседания совета ¹¹⁵. Поэтому вполне естественно, что на монетах I—III вв. н. э. можно отыскать голову ¹¹⁶ и статую восседающего на троне Олимпейца ¹¹⁷.

Зевс занимал почетное место и в пантеоне Истрии, где он назывался Полизем, и выступал в роли покровителя и защитника города ¹¹⁸. Среди обнаруженных на священном участке руин его святилища найдены многочисленные керамические посвятельные надписи ¹¹⁹, но на истрийских монетах нет изображений Зевса. В Синопе, напротив, на меди времени Митридата Евпатора воспроизводится голова этого бога ¹²⁰, а на монете Септимия Севера мы встречаем изображение статуи восседающего на троне Зевса ¹²¹. Известен и эпиграфический документ, свидетельствующий о почитании Зевса гражданами Синопы ¹²².

Возвращаясь к истолкованию значения эмблемы трех припонтийских городов, мы находим в научной литературе ряд предположений по этому поводу. Б. Пик и некоторые румынские нумизматы рассматривали изображение орла и дельфина на истрийских монетах просто как натуралистическую сцену из жизни животного мира черноморского побережья, придавая типу, таким образом, локально-коммеморативный смысл ¹²³. Эту точку зрения воспринял Дж. Хинд, полагающий, что такое изображение естественно для причерноморского города и указывает на его морские связи ¹²⁴. Не отрицая верности последнего наблюдения, следует подчеркнуть, что жанровые сценки из жизни природы попали в поле зрения изготовителей монет лишь в позднее время ¹²⁵,

а причина одновременного или почти одновременного появления аналогичной сцены на монетах трех разных городов Причерноморья и полного отсутствия аналогичных изображений в городах греческой метрополии остаются невыясненными. Между тем единственным центром, на монетах которого можно отыскать близкий мотив, является Кизик. Однако видеть в его широко распространенных статерах источник, предоставивший мастерам трех причерноморских городов материал для заимствования, довольно затруднительно. Не говоря о том, что на кизикинах в лапах орла находится не дельфин, а тунец, символ этого города, необходимо принять во внимание, что эмблема на электре Кизика представлена в синопском, одном из истрийских и в одном из ольвийских вариантов ¹²⁶, так что гораздо вероятнее, что в поисках образцов для постоянно сменяющихся типов своих монет кизикские мастера обращались к изображениям на монетах своих торговых контрагентов.

Отказываясь от наивно натуралистического объяснения эмблемы Истрии и других двух городов, мы не видим основания соглашаться и с той астрально-календарной теорией происхождения ольвийской эмблемы, которую выдвинул В. В. Голубцов ¹²⁷. Против этого предположения говорит и чрезвычайная редкость подобных изображений на ранних монетах греческого мира, и то обстоятельство, что В. В. Голубцов произвольно и неверно рассматривает значение типов на привлеченных им в качестве аналогии римских монетах ¹²⁸. Не лучше обоснованы и другие догадки ученых, искавших для объяснения смысла эмблемы припонтийских городов чисто политические мотивы. Указывали на «симпатию» Истрии к ее «милетским сестрам», то есть к Ольвии и Синопке ¹²⁹ и на то, что рассматриваемая эмблема представляет символ морского могущества Синопки ¹³⁰, и даже пытались усмотреть в ней стремление неких местных черноморских мореходов из числа аборигенных племен прославить свои победы над ионийскими мореплавателями ¹³¹.

Более верный путь избрали, как представляется, ученые, которые стремились раскрыть сакральное значение рассматриваемой эмблемы. К сожалению, в этом направлении дело не пошло далее верного сопоставления одной ее части — дельфина — с Аполлоном ¹³². В самом деле, трудно было бы согласиться с тем, что на монетах Синопки, Истрии и Ольвии следует видеть иллюстрацию к преданию о Нисе, преследовавшем в виде орла свою дочь ¹³³, и рассматривать этот не получивший широкой известности легендарный эпизод в качестве одного из древнейших солярных мифов человечества ¹³⁴.

Допуская правильность религиозно-культового объяснения эмблемы трех припонтийских городов, не следует забывать, что в своем первоначальном виде она состояла из двух самостоятельных элементов, которые были в дальнейшем объединены в одну композицию. Если прибегнуть к специальной терминологии,

следовало бы сказать, что монеты Синопы, на которых процесс формирования сюжетной эмблемы прослеживается в наиболее чистом виде, дают пример перехода от религиозно-мифологического комплекса-интерполяции к комплексу-компиляции, в котором объединение исходных элементов получает мотивацию и находит монолитное изобразительное воплощение, отличаясь «нераздельным единством всей своей идеи и трудно анализируемой художественной цельностью»¹³⁵. Если учесть при этом тесную связь между культами Зевса и Аполлона, атрибутами которых соответственно являются орел и дельфин, можно, как представляется, видеть в городской эмблеме Синопы, Истрии и Ольвии художественно-культовый комплекс, содержащий достаточно ясный намек на двух главных богов, пользовавшихся особенным почитанием в Милете и его колониях¹³⁶. Не приходится считать решающим доводом против такого предположения тот факт, что дельфин, рассматриваемый как атрибутивный рудимент Аполлона, находится в составе эмблемы в лапах орла, который иногда клюет его в голову¹³⁷. Пример Кизика (чтобы ограничиться одним близким примером) убедительно показывает, что священный городской символ (в этом случае тунец), нисколько не теряя своего достоинства, попадает то в лапы орла¹³⁸, то в руки человеческих или чудовищных фигур¹³⁹, не говоря о том, что он очень часто выступает в скромной роли подножия, на котором непринужденно располагаются люди, мифологические персонажи, животные и даже разыгрываются целые сценки¹⁴⁰. Не следует забывать и о том, что в Ольвии и в Истрии получили распространение такие варианты эмблемы, на которых голова птицы композиционно не связана с дельфином и даже повернута назад, так что все изображение приобретает орнаментально-геральдический характер и теряет смысл охотничьей сцены. Поэтому было бы неосторожно усматривать в эмблеме припонтийских городов скрытый намек на приниженное положение дельфина или представляемого им божества по сравнению с орлом или стоящим за ним богом. Если древние народы видели в орле повелителя пернатых, то и дельфин рассматривался как владыка обитателей моря.

Религиозно-символическое содержание синопско-истрийско-ольвийской государственной эмблемы не исключает того, что ее художественное оформление было навеяно реальными наблюдениями над миром живой природы¹⁴¹. Если учесть, что рыбная ловля играла значительную роль в хозяйстве греческих поселений Причерноморья, особенно в ранний период их существования¹⁴², нельзя избежать и других сопоставлений: встреча с орлом рассматривалась греческими рыбаками как предзнаменование богатого улова¹⁴³, в дельфине они видели своего помощника¹⁴⁴, по полету орлов и поведению дельфинов предсказывали изменения погоды¹⁴⁵. Соединение их в едином священном изображении должно было усилить магическое значение каждого, и эмблема милетских переселенцев представлялась не только воплощением вер-

Рис. 2. Изображения орла и рыбы на предметах из Восточной и Центральной Европы.

1 — бляхи из уздечного (?) набора из кургана у ст. Тульской близ Майкопа; 2 — нашивная бляшка из Галуцинского кургана; 3 — бляха из уздечного набора из Частых курганов близ Воронежа; 4 — нашивная бляха из кургана Куль-Оба; 5 — элемент денона золотого ритона из Шлезвига; 6 — Свинцовая печать из Искова; 7 — серебряный брактеат из Мекленбурга.

ховных городских богов, но и могущественным талисманом, залогом процветания рыбного промысла, доставлявшего ценные продукты для обмена с далекой метрополией.

Сакральный характер эмблемы причерноморских полисов находит подтверждение и в том, что ее сюжет получил широкое распространение за пределами их территорий. Важная роль принадлежала в этом отношении не только серебряным монетам Истрии и синопским амфорам, но и изделиям ольвийских бронзовых и ювелирных мастерских, находившим спрос у варварской знати и сопровождавшим ее представителей в их последний путь. Литые бронзовые украшения узды, найденные в кургане Золотая горка близ Майкопа (рис. 2, 1) и в одном из Семибратних курганов, воспроизводят тип орла с прижатыми к корпусу крыльями, держащего в лапах рыбу¹⁴⁶. Такой же орел, но с поднятыми крыльями, изображен на серебряной обивке ритона, обнаруженного в одном из курганов в устье Дона¹⁴⁷ и на прямоугольных золотых бляшках из кургана у с. Пастерское в Среднем Поднепровье (рис. 2, 2)¹⁴⁸. С различной степенью стилизации этот мотив повторяется и развивается на бляшках из других погребальных комплексов — из кургана близ Звенигорода на Киевщине¹⁴⁹, из Завадской могилы на Днепропетровщине¹⁵⁰, из Частых курганов под Воронежем (рис. 2, 3)¹⁵¹, из знаменитого кургана Куль-Оба в Восточном Крыму (рис. 2, 4)¹⁵², и можно полагать, что в VI—IV вв. до н. э. он был хорошо знаком населению Скифии. В дальнейшем изделия с этим сюжетом проникают далеко на Запад. Круглая серебряная бляшка (брактеат) с орлом и рыбой происходит из Мекленбурга, где она была встречена с римскими предметами первых веков н. э. Такой же орел с рыбой в лапах является основным элементом орнамента на золотом ритоне, найденном в Шлезвиг-Гольштейне и датированном приблизительно 200 г. н. э. (рис. 2, 5) Наконеч, в своем первоначальном виде — орел и дельфин в круглом медальоне — этот мотив украшает краснолаковые чаши, происходящие из мастерских римской Галлии (рис. 3)¹⁵³.

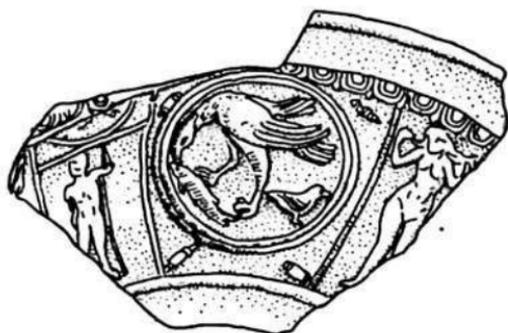

Рис. 3. Изображение орла и рыбы на краснолаковом сосуде галльского производства.

Все это дает основание предполагать, что сокровенный смысл эмблемы припонтийских ионийских центров был доступен мировоззрению окружающей их этнической среды. Могучая хищная

птица — воплощение неба и воздушной стихии, «верхнего мира» индоевропейской мифологии, держащая в лапах «хозяина» вод, олицетворение «нижнего мира», изображаемое вдали от морских побережий не в виде неизвестного здесь дельфина, а в образе рыбы, представляет собой один из важнейших космологических символов древних народов Евразии¹⁵⁴, не чуждый в свою очередь, как можно догадываться, и религиозному сознанию эллинского мира¹⁵⁵.

¹ Подшивалов А. М. Московский публичный и Румянцевский музей. Нумизматический кабинет. М., 1884, 1, с. 2—3, № 8; Голубцов В. В. Монеты Ольвии по раскопкам 1905—1908 гг. — ИАК, 1914, 51, с. 85—86.

² О таких гербах см.: Lacroix L. Les blasons des villes grecques. — Etudes d'archéologie classique, 1956, 1, p. 91—114; Macdonald G. Coin types, their origin and development. Glasgow, 1906, p. 48—78.

³ RG, 1, pl. XXIV, 13, 15, 17; CBM, Pontus, pl. XXI, 15; Sammlung Aulock, 1, Taf. 6, 199, 200; 15, Taf. 235, 6842, 6843.

⁴ CBM, Pontus, pl. XXI, 16; Sammlung Aulock, 1, Taf. 6, 195; 7, 202—204; 15, Taf. 235, 6844.

⁵ RG, 1, pl. XXIV, 19—21; Sammlung Aulock, 1, Taf. 7, 208; 15, Taf. 235, 6845, 6846.

⁶ RG, 1, pl. XXIV, 27 (Датан); Голенко К. В. Клад синопских и колхидских монет из Кобулет. — ВДИ, 1961, № 1, табл. I, 7 (Синоп).

⁷ RG, 1, pl. XXV, 14; CBM, Pontus, pl. XXII, 6; Sammlung Aulock, 15, Taf. 235, 6854; Голенко К. В. Указ. соч., табл. IV, 79 (тяжелые драхмы); RG, 1, pl. XXV, 21; CBM, Pontus, pl. XXII, 3; Sammlung Aulock, 15, Taf. 235, 6848, 6849; Голенко К. В. Указ. соч., табл. I, 21, 22, 24; II, 27, 28, 36, 40, 41, 44, 47, 48, 52—56, 59, 60, 64, 65, 68—70, 72; IV, 81—84, 86, 88—91, 95, 96, 98 (легкие драхмы); RG, 1, pl. XXIV, 26—34, 36, 37; Sammlung Aulock, 15, Taf. 235, 6855 (Абраком или Абдасан); RG, 1, pl. XXV, 4—6; 10; CBM, Pontus, pl. XXII, 1 (Арнар).

⁸ RG, 1, pl. XXV, 13; CBM, Pontus, pl. XXII, 6; Sammlung Aulock, 1, Taf. 7, 211 (тяжелые драхмы); Голенко К. В. Указ. соч., табл. I, 12, 13, 15, 18; II, 33, 42; IV, 94, 101 (легкие драхмы); RG, 1, pl. XXIV, 35 (Абраком или Абдасан); RG, 1, pl. XXV, 1, 3, 9, 11 (Арнар).

⁹ RG, 1, pl. XXIV, 27, 31, 34, 36, 37; XXV, 1, 3, 6, 10.

¹⁰ Robert L. Etudes anatoliennes. Paris, 1937, p. 296—300; Максимова М. И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.; Л., 1956, с. 99—101, рис. 13.

¹¹ Граков Б. Н. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1928, табл. III, 7, 10; Цехмистренко В. И. К вопросу о периодизации синопских керамических клейм. — СА, 1958, № 1, с. 64, рис. 47; Цехми-

- тренко В. И. Синопские керамические клейма с именами гончарных мастеров. — СА, 1960, № 3, с. 60, рис. 1, 2.
- ¹² Граков В. Н. Указ. соч., табл. III, 1, 6; Цезмистренко В. И. К вопросу о периодизации, с. 63, рис. 31; с. 64, рис. 46. Особняком стоит лишь клеймо гончара Голанта при астиоме Дионисии (Цезмистренко В. И. Синопские керамические клейма, с. 63, рис. 3) — вытянутый прямой корпус орла с узким хвостом напоминает изображения на поздних драхмах, но хвостовой плавник дельфина резко отогнут вверх, как это наблюдается только на древнейших монетах.
- ¹³ Ruzicka L. Inedita aus Moesia Inferior. — NZ, 1918, 10, Taf. XVIII, 405 a; Canarache V. Sistemul ponderal si tipologia drahmelor istriene de argint. — Pontice, 1968, 1, pl. 1/4, fig. 1—5.
- ¹⁴ AMDM, 1, Taf. II, 20; TMGR, 4, pl. 352, 10; Canarache V. Op. cit., pl. 3, fig. 6; pl. 5/6, fig. 12, 13, 17.
- ¹⁵ TMGR, 4, pl. 352, 11; Canarache V. Op. cit., pl. 7/8, fig. 20; pl. 9/11, fig. 24.
- ¹⁶ TMGR, 4, pl. 352, 12—13; Canarache V. Op. cit., pl. 8, fig. 19; pl. 9/11, fig. 46, 53.
- ¹⁷ TMGR, 4, pl. 352, 15, 17, 18, 21; Canarache V. Op. cit., pl. 12/13, fig. 142; pl. 18, fig. 142, 143; pl. 20, fig. 219; pl. 22, fig. 221, 222, 253.
- ¹⁸ Canarache V. Op. cit., pl. 16, fig. 144; pl. 23, fig. 58; pl. 24, fig. 139; pl. 25, fig. 195; pl. 26, fig. 267, 268.
- ¹⁹ Ibid., pl. 17, fig. 148; pl. 21, fig. 216; pl. 25, fig. 248.
- ²⁰ Ibid., pl. 16, fig. 159; pl. 17, fig. 147; pl. 18, fig. 176; pl. 20, fig. 218; pl. 22, fig. 221.
- ²¹ AMDM, 1, Taf. II, 24—26; III, 1—2; Buzdugan G., Mittelte I. Contributii la clasificarea unor monede istriene. — SCN, 1960, 3, pl. V, 5—6.
- ²² Moisil C. Ponduri inedite sau puțin cunoscute din Histria, Callatia și Tomi. — SCN, 1957, 1, p. 259—260, pl. 1, 1; Preda C. Ponduri antice inedite de la Callatis și Histria. — Ibid., p. 302—303, fig. 3.
- ²³ Guarducet M. Epigrafia greca. Roma, s. a./1969/, p. 596, 602, fig. 193; Pippidi D. M. Contribuții la istoria veche a României. București, 1967, p. 270—286, pl. 12.
- ²⁴ Pippidi D. M. Spicuri epigrafice. — Studii clasice, 1967, 17, p. 101—102, pl. 1, 1; AMDM, 1, Taf. III, 3.
- ²⁵ AMDM, 1, Taf. III, 4; Мушмов Н. А. Указ. соч., табл. XII, 7; Buzdugan G., Mittelte I. Op. cit., pl. V, 4.
- ²⁶ Мушмов Н. А. Указ. соч., табл. XII, 11; AMDM, 1, Taf. III, 10.
- ²⁷ AM, табл. XXXI, 1; AMDM, 1, Taf. VIII, 3; Голубцов В. В. Указ. соч., табл. V—VI; ОКМ, табл. 1, 3. Об этом художественном приеме см.: Regling K. Die antike Münze als Kunstwerk. Berlin, 1924, S. 21—22.
- ²⁸ AM, табл. XXXI, 5; Голубцов В. В. Указ. соч., табл. VII, 1, 3; ОКМ, табл. 1, 5, 6, 8.
- ²⁹ AM, табл. XXXII, 4; AMDM, 1, Taf. IX, 3; ОКМ, табл. V, 77; VI, 137; VII, 138, 139 (старший номинал); AM, табл. XXXII, 5; AMDM, 1, Taf. IX, 4; Голубцов В. В. Указ. соч., табл. XXVII, 4, 6; ОКМ, табл. VII, 148, 149 (младший номинал).
- ³⁰ RG, 1, pl. XXIV, 27, 31, 34, 36, 37; XXV, 1, 3, 6, 10.
- ³¹ Голубцов В. В. Указ. соч., табл. XVII, 2, 4; XX, 9; XXVI, 3.
- ³² Там же, табл. XVII, 10; XVIII, 4, 6; XIX, 3—5, 7—9; XX, 1; XXI, 2, 9, 10; XXIII, 2, 8, 14; XXVI, 1, 5, 6.
- ³³ Там же, табл. XVII, 9; XVIII, 12; XX, 5; XXV, 2.
- ³⁴ Там же, табл. XVI, 1, 2; XXI, 3, 4; XXVI, 5.
- ³⁵ Там же, табл. XXIII, 1; XXIV, 1, 7; XXVI, 3.
- ³⁶ RG, 1, pl. XXV, 11; Sammlung Aulock, 15, Taf. 235, 6850 (Синопа); TMGR, 4, pl. 352, 18; Canarache V. Op. cit., pl. 32/33, fig. 429—431 (Истрия). Следует отметить, что эти монеты считают подражаниями.
- ³⁷ Серебро первой четверти III в. до н. э. — AMDM, 1, Taf. IX, 9; ОКМ, табл. IX, 202; медь начала II в. до н. э. — AM, табл. XXXIII, 2; AMDM, 1, Taf. X, 13; Голубцов В. В. Указ. соч., табл. XXVII, 1; ОКМ, табл. IV, 64, 65; V, 67.

- ³⁸ AM, табл. XXXII, 6; AMDM, 1, Taf. IX, 5—7; OKM, табл. VI, 125.
- ³⁹ Голубцов В. В. Указ. соч., табл. VIII, 3; XI, 2, 3; XII, 1, 2; XIV, 1, 2, 4.
- ⁴⁰ AM, табл. XXXII, 2; AMDM, 1, Taf. IX, 1, 2; OKM, табл. VI, 135; VIII, 201.
- ⁴¹ AM, табл. XXXI, 4; AMDM, 1, Taf. VIII, 4; Голубцов В. В. Указ. соч., табл. VIII, 1; IX, 1, 2; X, 1—3; XI, 1; XII, 3, 4; XIII, 1—3; XIV, 3; OKM, табл. I, 7; II, 11, 13, 14.
- ⁴² AM, табл. XXXII, 3; CBM, Thrace, p. 11, fig.
- ⁴³ AMDM, 1, Taf. X, 9—11; OKM, табл. VI, 126, 134.
- ⁴⁴ AMDM, 1, Taf. XI, 2; OKM, табл. V, 76.
- ⁴⁵ *Каришковский П. О.* Из истории монетного дела Ольвии в I—II вв. н. э. — ИО, 1971, 9, с. 51, табл. I, 3 (на других монетах этой серии изображение повреждено и в тексте описание И. П. Бларамберга, видевшего в лапах орла молнию, не исправлено).
- ⁴⁶ AM, табл. XXXIV, 12, 15—17; AMDM, 1, Taf. XI, 8, 10—14; OKM, табл. VII, 163—169; IX, 226.
- ⁴⁷ *Condurachi E.* Elemente de unitate ale coloniilor pontice din Dobrogea și din sudul URSS. București, 1947, p. 6; *Кондураки Е.* Эллинистический период в Добрудже в свете археологических раскопок в Истрии. — Dacia, 1959, 3, с. 226—227; *Pippidi D. M., Berciu D.* Geți și greci la Dunărea de jos. București, 1965, p. 193.
- ⁴⁸ *Кене В. В.* Музей кн. В. В. Кочубея. СПб., 1856, 1, с. 40; Голубцов В. В. Указ. соч., с. 85—86.
- ⁴⁹ А. Н. Зограф относит ольвийские «ассы» к границе первой и второй четверти V в. до н. э. (AM, с. 123), а А. Г. Загинало датирует первые выпуски истрийского серебра 440—20 г. до н. э. (*Загинало А. Г.* Серебряные монеты Истрии из Роксоланского городища. — В кн.: *Збірник робіт аспірантів Одеськ. ун-та. Гуманітарні науки.* Одеса, 1964, с. 166—172). Драхмы Синопс с головой нимфы на аверсе согласно относят ко второй половине V в. до н. э. (RG, 1, p. 193"; HN, p. 508; TMGR, 1, col. 401—402; 2, col. 1521—1522). Однако румынские нумизматы склонны отодвинуть начало чеканки истрийского серебра к самому началу V в. до н. э. (*Preda C.* Über die Silbermünzen der Stadt Istros. — Dacia, 1975, 19, S. 79—81), а ольвийские литые монеты, как нам представляется, не старше середины V в. до н. э. (*Каришковский П. П.* Ольвійські аси. — Праці ОДУ, 1959, сер. іст. наук, 7, с. 56—62).
- ⁵⁰ RG, 1, pl. XXIV, 6—12; Sammlung Aulock, 15, Taf. 235, 6834—6841; *Hind J. G. F.* The eagle-head coins of Sinope. — NC, 1976, 16, p. 1—6.
- ⁵¹ *Lenormant F.* La monnaie dans l'antiquité. Paris, 1878, 1, p. 158; *Юревич В. Н.* Надписи на ручках и обломках амфор и черепиц, найденных в Феодосии в 1894 г. — ЗООИД, 1895, 18, с. 92.
- ⁵² *Максимова М. И.* Указ. соч., с. 67—96.
- ⁵³ *Брашинский И. В.* Экономические связи Синопс в IV—II вв. до н. э. — В кн.: *Античный город.* М., 1963, с. 135—146; *Максимова М. И.* Указ. соч., с. 88—89, 221—223.
- ⁵⁴ *Pippidi D. M., Berciu D.* Op. cit., p. 239—240; *Брашинский И. В.* Указ. соч., с. 139, табл. 3.
- ⁵⁵ ИО, № 1; *Виноградов Ю. Г.* Эпиграфические открытия последних лет в Ольвии. — В кн.: *Новейшие открытия советских археологов.* Киев, 1975, 2, с. 89, № 2.
- ⁵⁶ На первой серии этих драхм голова орла изображена со значительной долей стилизации (RG, 1, pl. XXIV, 6—11; Sammlung Aulock, 1, Taf. 6, 196, 197; 15, Taf. 235, 6831—6833), а на второй в более реалистичком манере (RG, 1, pl. XXIV, 12; CBM, Pontus, pl. XXI, 13; Sammlung Aulock, 15, Taf. 235, 6834—6841).
- ⁵⁷ Единственный пример такого раздельного изображения орла и дельфина можно указать на раннем электровом статере понтийского круга (*Gardner P.* The types of greek coins. Cambridge 1883, pl. IV, 11), который Э. Бабелон считает чеканенным на Хиосе (TMGR, 1, col. 195—196, № 350), а Б. В. Хэд в Абидосе (HN, p. 538).

- ⁵⁸ RG, 1, pl. XXV, 22—24; XXVI, 2, 5—8; Suppl. 0, 16, 17 (орел на монетах Синопы); AMDM, 1, Taf. III, 6 (дельфин на монетах Истрии).
- ⁵⁹ AM, табл. XXXII, 8; AMDM, 1, Taf. IX, 18; OKM, табл. IV, 45.
- ⁶⁰ AM, табл. XXXII, 7; AMDM, 1, Taf. IX, 15, 19; X, 10; OKM, табл. IV, 46—48.
- ⁶¹ AM, табл. XXXII, 9, 10; XXXIV, 2; AMDM, 1, Taf. IX, 8, 12—14, 16, 17, 22—24; X, 7, 29, 31, 34; OKM, табл. III, 24; IV, 50, 51, 53—57; VI, 100, 101, 121, 123, 124, 129—131; VII, 146.
- ⁶² AMDM, 1, Taf. XI, 15; OKM, табл. VIII, 176, 199.
- ⁶³ AM, табл. XXXIII, 24—26; XXXIV, 6—10; AMDM, 1, Taf. XI, 1, 4—6; XII, 6—8; OKM, табл. VI, 107—115; VII, 162; IX, 208—210.
- ⁶⁴ AM, табл. XXXIV, 13, 19; AMDM, 1, Taf. XI, 7, 9, 17, 23; OKM, табл. VIII, 170—175, 181, 182, 192, 193.
- ⁶⁵ Голубцов В. В. Указ. соч., с. 86.
- ⁶⁶ *Bilabel F.* Die ionische Kolonisation. Leipzig, 1920, S. 81—88, 97—112.
- ⁶⁷ *Jessen O.* Delphinios (1).— RE, 1901, 4, Sp. 2513—2515; *Nilsson M. P.* Geschichte der griechischen Religion. München, 1955, 1, S. 554—555.
- ⁶⁸ *Stengel P.* Die griechische Kultusaletrtümer. München, 1898, S. 212; Id. Delphinia (2).— RE, 1901, 4, Sp. 2511—2512.
- ⁶⁹ *Dittenberger W.* Delphinios (2).— Ibid., Sp. 2515—2516.
- ⁷⁰ *Burchner L., Milchhöfer A., Wachsmuth K.* Delphinion.— Ibid., Sp. 2512—2513.
- ⁷¹ *Kamperau G., Rehm A.* Das Delphinion in Milet.— In: Wiegand Th. Milet. Berlin, 3, 1914, S. 125—141, 407—411.
- ⁷² *Казаров Е. Г.* Культ фетишей, растений и животных в древней Греции. (Пб.), 1913, с. 269—270; *Wide S.* Griechische Religion.— In: *Gercke A. Norden E.* Einleitung in die Altertumswissenschaft. Leipzig — Berlin, 1912, 2, S. 172.
- ⁷³ *Wernike W.* Apollon.— RE, 1896, 2, Sp. 47—48; *Wellmann M.* Delphin.— Ibid., 1901, 4, Sp. 2507; *Hiller von Gaertringen F.* Delphoi.— Ibid., Sp. 2520—2521, 2527.
- ⁷⁴ *Keller O.* Die Tiere des classischen Altertums. Innsbruck, 1887, S. 212—214, 218—220; *Wellmann M.* Op. cit., Sp. 2504—2508.
- ⁷⁵ *Wellmann M.* Op. cit., Sp. 2508—2509; *Keller O.* Op. cit., S. 419—420; *Imhoof-Blumer F., Keller O.* Tiere- und Pflanzenbilder auf Münzen und Gemmen. Leipzig, 1889, S. 125—126, Taf. XX, 15—24.
- ⁷⁶ *Wilamowitz-Moellendorff U.* Kleine Schriften. Berlin, 1971, 5, H. 1, S. 429, 436; *Poland F.* Molpoi.— RE, 1935, Suppl. 6, Sp. 515—516.
- ⁷⁷ IRE, 1, № 163 и 189.
- ⁷⁸ *Карасев А. Н.* Монументальные памятники ольвийского теменоса.— В кн.: Ольвия. Теменос и агора. М.; Л., 1964, с. 34—36, 41, 49—51, 69—71.
- ⁷⁹ HO, № 55—61; *Леви Е. М.* К вопросу о культе Аполлона Дельфиния в Ольвии.— В кн.: Культура античного мира. М., 1961, с. 124—130; *Graf F.* Das Kollegium der Molpoi von Olbia.— Museum Helveticum, 1974, 4, S. 208—215.
- ⁸⁰ *Леви Е. И.* Материалы ольвийского теменоса.— В кн.: Ольвия. Теменос и агора, с. 140—154; *Litshitz B.* Le culte d'Apollon Delphinios à Olbia.— Hermes, 1966, Bd. 94, H. 2, p. 236—238.
- ⁸¹ *Лейпунська Н. О.* Культ Аполлона в Ольвии.— Археологія, 1964, 16, с. 21—24; *Толстой И. И.* Культ Аполлона на Босноре и в Ольвии.— ЖМНП, 1904, 1, отд. 5, с. 11—15; *Хирст Дж. М.* Ольвийские культы.— ИАК, 1908, 27, с. 86, 93—99.
- ⁸² *Карышковский П. О.* Ольвийские эпонимы.— ВДИ, 1978, № 2, с. 82—87; *Graf F.* Op. cit., S. 209—212.
- ⁸³ IRE, 1, № 164; HO, № 65; *Леви Е. И.* Ольвийская надпись с посвящением Аполлону Врачу.— ВДИ, 1965, № 2, с. 86—95; *Толстой И. И.* Врач и Дельфиний.— ИАК, 1905, 14, с. 44—53.
- ⁸⁴ IRE, 1, № 80—115; HO, № 78—85; *Лейпунська Н. О.* Вказ. праця, с. 24—26; *Хирст Дж. М.* Указ. соч., с. 86—93.
- ⁸⁵ AM, табл. XXXIII, 19; AMDM, 1, Taf. X, 5; OKM, табл. V, 91—96.

- ⁸⁶ AMDM, 1, Taf. X, 8; ОКМ, табл. V, 90.
- ⁸⁷ AM, табл. XXXIII, 20; AMDM, 1, Taf. X, 6, 30; ОКМ, табл. V, 87—89.
- ⁸⁸ AM, табл. XXXIII, 7, 15, 16; AMDM, 1, Taf. X, 25, 26; ОКМ, табл. V, 79—85, 98.
- ⁸⁹ AM, табл. XXXII, 10; XXXIV, 2; AMDM, 1, Taf. IX, 13, 14; X, 34; ОКМ, табл. IV, 52—54; VI, 100, 101.
- ⁹⁰ AM, табл. XXXIII, 1, 2; AMDM, 1, Taf. IX, 9; X, 12, 13; ОКМ, табл. IV, 64, 65; V, 67; VI, 126; IX, 202.
- ⁹¹ *Лейпуньска Н. О.* Вказ. праця, с. 25; *Голубцов В. В.* Указ. соч., с. 75.
- ⁹² AM, табл. XXXIV, 11—13, 15—17; AMDM, 1, Taf. XI, 2, 7—19; ОКМ, табл. V, 76; VI, 163—167; VII, 168, 169; VIII, 170—178, 183, 199.
- ⁹³ AM, с. 143; *Хурст Дж. М.* Указ. соч., с. 87—89, 92—93; AMDM, 1, Taf. XI, 19, 20; ОКМ, табл. VIII, 178, 180.
- ⁹⁴ *Фармаковский Б. В.* Отчет о раскопках в Ольвии в 1924 г.—СГАИМК, 1926, 1, с. 143—163.
- ⁹⁵ *Pippidi D. M., Berciu D.* Op. cit., p. 176—180, 201—202, 256—258; *Lamb-rino S.* La famille d'Apollon a Histria.—*Ephemeris archaeologicae*, 1937, 76, p. 352—362.
- ⁹⁶ Histria, IV, № 1; SIG, II, № 708, lin. 22—23, 28—29, 36—37.
- ⁹⁷ Histria, I, № 3, 13; SEG, 18, № 290; 24, № 1094.
- ⁹⁸ AMDM, 1, Taf. II, 24.
- ⁹⁹ AMDM, 1, Taf. III, 4; *Preda C.* Monede inedite si putin cunoscute de la Histria, Callatis si Tomis.—SCN, 1958, 2, p. 116, № 6, pl. 1, 5.
- ¹⁰⁰ AMDM, 1, Taf. XIV, 26, 27.
- ¹⁰¹ RG, 1, pl. XXV, 32; Suppl. O, 12; XXVII, 13, 19.
- ¹⁰² RG, 1, pl. XXV, 31; Suppl. O, 12; XXVI, 1, 20; CBM, Pontus, pl. XXII, 14, 17.
- ¹⁰³ RG, 1, pl. XXV, 35, 37; Suppl. O, 13, 14.
- ¹⁰⁴ *Граков Б. Н.* Указ. соч., с. 186, 200.
- ¹⁰⁵ *Bilabel F.* Op. cit., S. 112.
- ¹⁰⁶ *Кагаров Е. Г.* Указ. соч., с. 270—273; *Лосев А. Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957, с. 42.
- ¹⁰⁷ *Oder E. Adler.*—RE, 1894, 1, Sp. 373—375; *Keller O.* Op. cit., S. 238—242; *Sittl K.* Der Adler und die Weltkugel als Attribute des Zeus.—*Jahrbücher für classische Philologie*, 1885, 14, S. 1—28.
- ¹⁰⁸ *Bernhard O.* Der Adler auf griechischen und römischen Münzen.—*Schw. Num. Rundschau*, 1936, 26, h. 2, S. 95—146, Taf. I—V.
- ¹⁰⁹ *Kawerau G., Rehm A.* Op. cit., S. 153—158; *Bilabel F.* Op. cit., S. 94.
- ¹¹⁰ *Карасев А. Н.* Указ. соч., с. 36—37, 113—138; *Леву Е. И.* Материалы ольвийского темениса, с. 138, 140, 151, 154, 156, 160, 164.
- ¹¹¹ HO, № 64 и 106; *Виноградов Ю. Г.* О методике обработки греческих эпиграфических памятников.—В кн.: *Методика изучения древнейших источников по истории СССР.* М., 1978, с. 71—72.
- ¹¹² IPE, 1, № 25, 160—162, 187; *Хурст Дж. М.* Указ. соч., с. 123—126.
- ¹¹³ IPE, 1, № 42, и 143; *Schmidt J.* Olbios.—RE, 1937, 17, Sp. 2429.
- ¹¹⁴ HO, № 45.
- ¹¹⁵ *Дион Христом.* Борисфенитская речь, § 17.
- ¹¹⁶ AM, табл. XXIV, 1, 7—10; AMDM, 1, Taf. XI, 3—6; ОКМ, табл. VII, 105—115.
- ¹¹⁷ AM, табл. XXXIV, 18; AMDM, 1, Taf. XI, 22; ОКМ, табл. VIII, 181, 187, 188, 197.
- ¹¹⁸ SEG, 18, № 288; SIG, II, № 708, lin. 20—21; *Pippidi D. M.* Scythica Minora. Bucuresti; Amsterdam, 1975, p. 82—83.
- ¹¹⁹ *Pippidi D. M., Berciu D.* Op. cit., p. 172—173, fig. 47; p. 241, note 93.
- ¹²⁰ RG, 1, pl. XXVI, 5—8; Suppl. O, 17, 18; CBM, Pontus, pl. XXIII, 1, 2.
- ¹²¹ RG, 1, p. 203, № 122 a.
- ¹²² *Robinson D.* Inscriptions from Sinope.—AJA, 1905, 9, p. 307, № 24.
- ¹²³ AMDM, 1, S. 150; *Ruzicka L.* Op. cit., S. 103; *Netzhammer R.* Eine Münze

- von Istros barbarischen Ursprungs.— *Bul. SNR*, 1928, № 61/64, S. 15; *Pre-da C* Über die Silbermünzen, S. 85; *Кондураки Э.* Указ. соч., с. 226.
- ¹²⁴ *Hind J. G. F.* Istrian faces and the river Danube.— *NC*, 1970, 10, p. 12.
- ¹²⁵ *Gardner P.* Op. cit., p. 130—131; *Regling K.* Op. cit., S. 11, 16, 36, 98—99; *Голубцов В. В.* Указ. соч., с. 86, прим. 2.
- ¹²⁶ *TMGR*, 2, pl. 177, 25, 26, 28.
- ¹²⁷ *Голубцов В. В.* Указ. соч., с. 86—90.
- ¹²⁸ *Regling K.* Op. cit., S. 54; *Брабич В. М.* Об изображении эмблемы квиндецимвиров на монетах римского императора Вителлия.— *ВДИ*, 1958, № 1, с. 170—171.
- ¹²⁹ *Hind J. G. F.* Istrian faces, p. 17.
- ¹³⁰ *Макимова М. И.* Указ. соч., с. 86.
- ¹³¹ *Болтенко М. Ф.* Вказ. праця, с. 21, 23.
- ¹³² *Лейлуцька Н. О.* Вказ. праця, с. 25; *Хирст Дж. М.* Указ. соч., с. 94 (автор вместо дельфина ошибочно видит на ольвийских монетах рыбу). Мифический мегарский царь Нис во время осады Мегар Миносом был предан последнему своей дочерью Скиллой, полюбившей врага. Минос велел привязать Скиллу к своему кораблю (или бросить в море); превращенный в морского орла Нис постоянно преследует свою дочь, которая по ранней версии мифа стала морским чудовищем, а по более поздним легендам также была превращена в птицу. В мифологии не указывается на связь Скиллы с дельфином.
- ¹³³ *Keller O.* Op. cit., S. 259—261.
- ¹³⁴ *Лосев А. Ф.* Указ. соч., с. 23—27.
- ¹³⁵ Относительно роли дельфина в эмблеме Истрии такое соображение высказывалось, но орел при этом вообще не принимался во внимание (*Bude V.* O ipoteza noua relativa la dramele din Histria.— *Bul. SNR*, 1925, № 55/56, p. 44—45). Для других, напротив, единственной заслуживающей объяснения частью эмблемы представлялся орел (*Bernhard O.* Op. cit., S. 108, 119, 120).
- ¹³⁷ *Хирст Дж. М.* Указ. соч., с. 94.
- ¹³⁸ *TMGR*, 2, pl. 177, 25—28.
- ¹³⁹ *Ibid.*, pl. 174, 12, 18; 175, 12, 13, 25, 26, 37, 39.
- ¹⁴⁰ *AM*, с. 64.
- ¹⁴¹ *Холодковский Н., Силантьев А.* Птицы Европы. СПб., 1901, ч. 2, с. 28—30 (описание реальной охоты морского орла).
- ¹⁴² *Семенов-Зусер С. А.* Рыбное хозяйство и рынки на юге СССР в древности. Харьков, 1947, с. 9—35; обзор проблемы и библиографию приводит Данов (*Danoff Chr. M.* Pontos Euxeinus.— *RE*, 1962, Suppl. 9, Sp. 955—957, 965—966, 972—985).
- ¹⁴³ *Keller O.* Op. cit., S. 262.
- ¹⁴⁴ *Wellmann M.* Op. cit., Sp. 2505.
- ¹⁴⁵ *Keller O.* Op. cit., S. 217—218, 262—263; *Wellmann M.* Op. cit., S. 2506.
- ¹⁴⁶ *Лушин Б. А.* Археологические находки 1935—1936 г. в окрестностях станций Тульской и Даховской близ Майкопа.— *ВДИ*, 1939, № 3, с. 216, рис. 6; *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов. Прага — Ленинград, 6 г. (1966), табл. 135.
- ¹⁴⁷ *Артамонов М. И.* Указ. соч., табл. 321.
- ¹⁴⁸ Древности Поднепровья. Собрание Б. Н. и В. Н. Ханенко. Киев, 1899, вып. 2, табл. XXVI, 43.
- ¹⁴⁹ *Онайко Н. А.* Античный импорт в Поднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э. М., 1966.— (САИ, Д1-27, с. 65, № 268, табл. XXV, 51).
- ¹⁵⁰ *Мозолевский Б. Н.* Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине.— В кн.: Скифия и Кавказ. Киев, 1980, с. 105—111, рис. 44, 4, 7, 8.
- ¹⁵¹ *Граков В. Н.* Заметки по скифской археологии.— *МПА*, 1965, № 130, с. 215, рис. 1, 1.
- ¹⁵² *Граков В. Н.* Указ. соч., с. 216, рис. 1, 2; *Артамонов М. И.* Указ. соч. табл. 231.
- ¹⁵³ *Janse O.* Un fragment de vase sigille gallo-romaine décoré d'un motif em-

prunté à une monnaie antique. — Arethuse. 1925, fasc. 1, p. 67—68, fig. 8—10 (со ссылками на провинциальные немецкие издания с публикациями находок из Мекленбурга и Шлезвига); самым поздним из известных нам воспроизведенный этого сюжета являются изображения орла с рыбой в лапах на новгородских свинцовых печатях середины XV в. (Янин В. Л. Актовые печати древней Руси. М., 1970, т. 2, с. 204, 219, табл. 27, 35, 84, 95), появившиеся, как можно полагать, под влиянием зародившейся в это время моды на античные геммы (там же, с. 104).

¹⁵⁴ Объединение этих мифологически-религиозных образов в едином «монументно-художественном комплексе» (Лосев А. Ф. Указ. соч., с. 27) содержит идею о характерном для индоевропейцев (Литвинский Б. А. Памирская космология. — Страны и народы Востока, 1975, 16, с. 253—257) и, по-видимому, специально для скифов (Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977, с. 46—49, 53, 119—123) представлении о священном брачном союзе неба как мужского начала с земной или водной стихией как началом женским — залого существования всего сущего.

¹⁵⁵ Можно предполагать, что эти представления нашли свое проявление в широко распространенных на греческих монетах VI—V вв. до н. э. изображениях орла (или его головы) со змеей в клюве (TMGR, 1, pl. 31, 3—6 — Халкида; *ibid.*, pl. 64, 4 — Кирена) или с зайцем в лапах (*ibid.*, pl. 8, 16 — Абидос или Хиос; *Bernhard O. Op. cit.*, Taf. I, 26 — Локры; *ibid.*, Taf. I, 24, 25, 27, 31; II, 6 — Акрагант) — змея и заяц также олицетворения «нижнего мира» (аналогичный сюжет на бляшке из скифского кургана, см.: Артамонов М. И. табл. 118). Особенно важно, что эти сюжеты не только постоянно повторяются и варьируются на «священных» монетах Олимпии (*Seltman Ch. Greek coins. London, 1955, pl. XIII, 9, 11, 12; XV, 8, 12; XXXV, 2; XXXVI, 4* — орел со змеей, как на монетах Халкиды; *ibid.*, pl. XIII, 10; XV, 6, 7, 9; XXXV, 1 — орел с зайцем, как на электровом статере, приписываемом Абидосу или Хиосу), но среди ранних эмиссий олимпийских статеров имеются и такие, на которых орел изображен с черепахой в лапах (*ibid.*, pl. XV, 5; аналогичный мотив орла и черепахи воспроизведен также на архаической монете Кирены. — *Bernhard O. Op. cit.*, Taf. I, 6). Такое изображение на ранних греческих монетах ведет нас, быть может, к истокам космогонических представлений человечества.

С. А. БУЛАТОВИЧ

О КЛАССИФИКАЦИИ И ХРОНОЛОГИИ ЭЛЕКТРОВЫХ МОНЕТ КИЗИКА

Изучение широко распространенных в греческом мире в V—IV вв. до н. э. электровых монет Кизика встречается с рядом трудностей, обусловленных особенностями этих монет. Непрерывная смена типов и отсутствие сюжетного изображения на реверсе кизикинов не позволяет сравнивать штемпеля для их классификации. Что касается веса, то он оставался стабильным в течение всего периода их эмиссии. Как установлено, резкие колебания золотого содержания в составе сплава, из которого изготовлялись эти монеты, не зависели от времени их выпуска. Поэтому главным и долгое время единственным путем для датировки кизикинов представлялся стилистический анализ изображений на их лицевых сторонах¹. Очевидно, однако, что неизбежно присущий

указанному анализу субъективизм не давал возможности прийти к прочно обоснованным выводам. Это заставило В. Гринвелла обратить внимание на различия в оформлении вдавленного квадрата, являющегося единственным типом реверса кизикского электра², а В. Рос впервые попытался использовать эти различия для классификации монетного материала³. Тем не менее прошло немало лет, пока Г. Фритце проследил ход изменений в оформлении квадрата на реверсе кизикинов и построил на этой базе свою классификационную схему. При определении абсолютных дат для выделенных им групп и этот исследователь опирался все-таки на результаты стилистического анализа изображений на аверсах⁴.

Еще задолго до появления работы Г. Фритце высказывались различные предположения относительно продолжительности выпуска кизикинов и делались попытки указать начальную и конечную даты этой эмиссии. Одним из первых в этой области выступил Г. Брандис, который отнес начало чеканки кизикского электра к первой половине VI в. до н. э., а ее конец связывал с распространением золотых монет Александра⁵. Эту последнюю дату принял также Ф. Ленорман, но начало чеканки он отнес ко времени Пелопоннесской войны⁶. В трудах В. Роса и Б. Хэда дата первых эмиссий была отодвинута до рубежа VII—VI вв. до н. э., а заключительных серий — до середины IV в. до н. э.⁷ Э. Бабелон, принявший с некоторыми оговорками эти крайние даты, подразделил кизикские электровые монеты на три хронологические группы и показал, что наиболее интенсивный их выпуск приходится на годы пребывания Кизика в составе Афинского морского союза. Существенно при этом, что Бабелон считал вероятным перерыв в чеканке, который по его предположению начался после завоевания Лидии персами (546 г. до н. э.) и продолжался до воцарения Дария Гистаспа (521 г. до н. э.)⁸. Его поддержал П. Гарднер, отнесший возобновление электровой чеканки Кизика к годам Ионийского восстания против персидского владычества⁹. Английский нумизмат также относил начало этой чеканки к концу VII или к самому началу VI в. до н. э., а конец ее в отличие от Бабелона связывал не с распространением золотых статовов Филиппа, а с завоеванием Азии Александром¹⁰.

Г. Фритце, подвергший тщательному изучению всю электровую чеканку Кизика, не принял заключения о перерыве во второй половине VI в. до н. э. и разбил эпоху выпуска кизикинов на четыре периода. Первый продолжался от 600 до 550 г. до н. э., второй — от 550 до 460 (в первоначальной схеме до 475 г.), третий — от 460 до 405 (в первоначальном варианте до 410 г.) и четвертый — от 405 до 330 г. до н. э.¹¹ Эти взгляды, лишь незначительно видоизмененные другими нумизматами¹², безоговорочно господствовали до 50-х годов, когда А. Бретт подразделила кизикуны на пять хронологических групп — до 550 г., от 550 до 500, от 500 до 460, от 460 до 400 и, наконец, от 400 до 330 г. до н. э.¹³ К сожалению, американская исследовательница предложила

свою хронологию без всякой аргументации, что, безусловно, затрудняет ее критическую оценку и проверку.

Фритце и Бретт рассматривают чеканку кизикинов как непрерывный эволюционный процесс. Но можно ли на основании анализа особенностей оформления вдавленного квадрата¹⁴ или стилистической оценки очень разнообразных изображений на аверсах монет игнорировать те исторические условия, в которых осуществлялась эмиссия? К тому же выводы различных специалистов о датировке одних и тех же монет далеко не всегда совпадают, и нелегко в этих случаях прийти к однозначным хронологическим определениям¹⁵. Между тем представление о непрерывной работе кизикского монетного двора приходит в противоречие с теми сведениями, которыми мы располагаем об условиях, сложившихся в Западной Анатолии в середине VI в. до н. э., когда гегемония лидийских царей над греческими городами сменилась их подчинением Киру и его преемникам¹⁶. Нет оснований считать, будто Кизик был счастливым исключением среди всех прочих греческих городов, прекративших под персидской властью чеканку монет из электра. Непрерывности чеканки электровых монет Кизика противоречат и некоторые стилистические наблюдения, а также сравнение этих монет с серебряной чеканкой того же Кизика.

Главным аргументом сторонников непрерывности электровой чеканки Кизика являются ссылки на архаический стиль монет, относимых поэтому ко второй половине VI в. до н. э. Однако наличие на кизикинах отдельных проявлений изобразительных средств архаического искусства и даже целых композиций, выдержанных в традициях архаики, не может само по себе служить исчерпывающим доказательством изготовления соответствующих монет в VI в. до н. э. Прежде всего, чисто стилистические методы искусствоведческого анализа не свободны от субъективизма¹⁷. Кроме того, монетная глиптика несколько отставала от развития других видов изобразительного искусства. Так, вполне принадлежащая архаике схема так называемого бега на коленях (Knielauf) бытует в монетном искусстве по крайней мере до середины V в. до н. э. Это же можно сказать и об изображении птицы, летящей таким образом, что одно ее крыло помещается над корпусом, а другое под ним. Надо также принять во внимание, что резчики штемпелей воспроизводили порой статуи, в том числе и такие, которые были выполнены в эпоху расцвета архаического искусства. Сам Фритце вынужден в некоторых случаях на основании особенностей квадрата на реверсе относить к IV в. до н. э. кизикские стартеры с явно архаическими изображениями на аверсе¹⁸.

Следует добавить, что не всегда бесспорна и аргументация, основанная на формальном изучении вдавленного квадрата. Это относится прежде всего к наиболее ранним сериям кизикского электра. Г. Фритце сам признает нечеткость границ между группами и особенно подгруппами его классификации. Действительно,

многие монеты имеют квадраты переходных или недостаточно определенных форм и могут быть отнесены к концу более ранней, или к началу следующей группы¹⁹. Даже линейное перекрестие, делящее квадрат на четыре части и являющееся главным отличительным признаком подгруппы Па, по классификации этого ученого, встречается на греческих монетах Малой Азии значительно позже того времени, к которому он относит данную подгруппу²⁰. Между тем на кизикинах перекрестие появляется даже раньше, чем это установил Фритце²¹. Наконец, первые эмиссии кизикинов представлены по преимуществу гектами и еще более мелкими фракциями, так что при изготовлении штемпелей резчику не всегда удавалось точно воспроизвести на ограниченной площади все признаки квадратов, которые изображались на одновременных статерах²².

На основании изложенного можно прийти к заключению, что выделение самой ранней группы электровых монет Кизика не может полностью основываться на особенностях оформления квадрата на их реверсах. Не меньшее значение имеет содержание типологии их аверсов. Именно на этом основании Рос и принимающий его классификационную схему Хэд выделяют типологически обособленную группу кизикинов, на которых в качестве основного монетного типа используются изображения тунца и его частей — головы, хвоста. Английские нумизматы называют эти типы морскими (*marine types*)²³. Совершенно аналогичную по типам серию кизикского серебра четко выделяет сам Фритце, подчеркивающий к тому же, что это наиболее раннее серебро отделено продолжительным перерывом от последующих эмиссий серебряных монет Кизика. Фритце видит отличительную черту серебра указанной ранней группы в том, что здесь тунец входит в состав основного типа, тогда как в дальнейшем он превращается в дополнительный опознавательный символ²⁴. Но не подлежит сомнению, что такое же различие существует между электровыми кизикинами «с морскими типами» и всеми последующими выпусками кизикского электра. Поэтому и формально-нумизматический анализ заставляет принимать наличие хронологического разрыва между первой группой электровых монет Кизика и всеми последующими.

Слабая сторона классификации Г. Фритце состоит в том, что формальный анализ полностью заслоняет историческую действительность. Нужно признать, что в более поздней работе о серебряных монетах Кизика этот недостаток был устранен. Между тем очевидно, что исторические события влияли не только на серебряную, но и на электровую чеканку. Вторая группа электра охватывает по схеме Фритце очень насыщенный крупными политическими событиями исторический период в жизни Малой Азии. Гарднер совершенно правильно указывает на значение крушения Лидийской державы и установления владычества персов, с одной стороны, и на роль Ионийского восстания, с другой. Поэтому очень трудно представить, что между 550 и 460 гг. до н. э. чеканка

Кизика развивалась мирно и непрерывно. Напротив, подчинение Персии в 546 г. до н. э. и участие города в восстании против персов в 500—494 гг. до н. э. должны были оказать решающее воздействие на эмиссионную политику Кизика: как и все остальные города западного побережья Малой Азии, он должен был прекратить выпуск монет из «белого золота» на все время пребывания под властью ахеменидского «царя царей» и получил реальную возможность возобновить его лишь в годы восстания²⁵.

После разрушения Милета и разгрома ионян чеканка мятежных городов была по необходимости прекращена. Однако Кизик, избежавший, по сообщению Геродота (VI, 33), разрушения и наиболее тяжелых репрессий, оказался в последующие десятилетия в более благоприятном положении, чем его соседи. Можно предполагать, что добровольное подчинение персам позволило городу продолжить выпуск электра во втором и в третьем десятилетиях V в. до н. э. Но окончательно условия для регулярной и обильной чеканки электра складываются лишь после включения Кизика в состав победоносной Афинской державы. Поэтому хронологическая грань между кизикинами второй и третьей группы должна устанавливаться не по формальным признакам, а определяться временем его вхождения в число членов Афинского морского союза²⁶. Благодаря расширению связей Афин с причерноморскими городами и народами экономика Кизика переживает подъем, возрастает потребность в монете, и город превращается во «второй монетный двор Афинской державы»²⁷. Так как рассчитанные на причерноморские рынки кизикинские чеканились из электра, их не коснулось ограничение серебряных эмиссий афинских союзников. Напротив, выпуск кизикинских растет, и это косвенно отражается и в необычайно разнообразии типов второй половины V в. до н. э., и в прямом обращении к воспроизведению на статерах третьей группы памятников аттического монументального искусства²⁸.

Военные неудачи Афин в последние годы Пелопоннесской войны и распад Афинской державы приводят к тому, что в 405 г. до н. э. Кизик полностью освобождается от господства афинян. Это означает, что перестал действовать запрет на чеканку серебра, который существовал в Афинской державе для всех союзных государств²⁹. Кизик пользуется этим, начиная чеканку крупных серебряных монет с изображением Коры Сотейры³⁰. Это же изображение появляется и на электровых статерах, которые по сходству типов должны быть отнесены к тому же времени³¹. Именно этой эмиссией начинает Г. Фритце последнюю группу кизикского электра, которая охватывает, по его предположению, около 70 лет. Если даже считать, что выпуск статеров прекращается около середины IV в. до н. э., количество входящих в нее типов не позволяет говорить о резком сокращении или расширении чеканки после освобождения от афинской гегемонии³². Но очень вероятно, что в IV в. до н. э. судьба кизикских электровых эмис-

сий определялась не столько политическими событиями, сколько экономическими предпосылками. Хотя сообщения Демосфена подтверждают, что эти монеты обращались еще в предпоследней четверти IV в. до н. э., есть все основания считать, что чеканка электра переживает кризис и выпуск кизикинов прекратился около середины этого столетия. Полагают, что вытеснение кизикинов с денежного рынка произошло в результате вытеснения их золотыми статерами Филиппа и Александра³³. Однако можно предположить, что массовые эмиссии македонских царей были завершением процесса, начавшегося намного раньше. Если в эпоху афинской гегемонии кизикины не встречали себе соперников на рынках Восточного Средиземноморья и Причерноморья (электр Лампсака чеканился недолго и в небольших количествах, а Фокея и Митилена выпускали лишь гекты, низкое качество сплава которых ни для кого не было секретом)³⁴, то в годы Пелопоннесской войны и в последующие десятилетия резко возрастает приток в Грецию золотых дариков³⁵. В первой половине IV в. до н. э. золотую монету чеканят Афины, города северного побережья Эгейского моря, Абидос, а на крайних границах греческой ойкумены к ним присоединяются Родос и Боспор. Особенно показателен пример Лампсака, чеканившего в V в. до н. э. электр, находившийся под несомненным типологическим влиянием кизикинов³⁶. В IV в. до н. э. Лампсак переходит к выпуску золотых статеров, которые также заимствовали порой изображения кизикинов, но постепенно теснили последние на рынках³⁷. К моменту начала обильной чеканки золота македонским царем Филиппом³⁸ Кизик по всей вероятности успел убедиться в невыгодности чеканки тяжелых электровых статеров.

Подводя итоги сказанному, можно заключить, что чеканка ранних электровых монет так называемой морской группы началась в конце VII или в начале VI в. до н. э. и продолжалась до падения державы Мермнадов и перехода греческих городов восточного побережья Эгейского моря и Пропонтиды под власть Персии (546 г. до н. э.). Чеканка электра возобновилась в Кизике в период Ионийского восстания (500—494 г. до н. э.) и продолжалась, возможно с перерывами, до включения города в Афинский союз (около 460 г. до н. э.). Третья группа, представленная наибольшим количеством монет и отличающаяся особым разнообразием типов, охватывает эмиссии того времени, когда Кизик находился под верховным контролем Афин, то есть до 405 г. до н. э. С конца V в. до н. э. начинается выпуск монет последней хронологической группы, прекратившийся скорее всего около середины IV в. до н. э. Формальные признаки монет каждой из этих групп выявлены Г. Фритце, но периодизация истории монетной чеканки не может строиться на основании только этих признаков без учета реальной истории города.

Кизикские электровые монеты долгое время были одним из наиболее распространенных видов греческих монет. Прекращение

их выпуска не могло автоматически исключить их из обращения. Действительно, они встречаются в кладах вместе с золотыми стартерами Филиппа и упоминаются в документах в третьей четверти IV в. до н. э. К концу этого столетия они по всей вероятности исчезают из обращения, уступая свое место и функции золотым монетам Филиппа, Александра и Лисимаха.

- ¹ TMGR, 1, col. 151—152.
- ² Greenwell W. The electrum coinage of Cyzicus.— NC, 1887, 7, p. 28.
- ³ CBM, Mysia, p. XVII.
- ⁴ Fritze H. Die Elektronprägung von Kyzikos.— Nomisma, 1912, 7, S. 1—38.
- ⁵ Brandis J. Münz-, Mass- und Gewichtswesen in Vorderasien. Berlin, 1866, S. 176—178.
- ⁶ Lenormant F. Cyziceni.— Dictionnaire des antiquités grecques et romaines d'après les textes et les monuments, ed. par Ch. Daremberg et E. Saglio. T. 1, fasc. 2, Paris (1877), p. 1700—1701.
- ⁷ CBM, Mysia, p. XV—XVII; HN, p. 523—525.
- ⁸ TMGR, 1, col. 149, 152, 157—158; 2, col. 1389—1390, 1392, 1396.
- ⁹ Gardner P. The coinage of the Ionian revolt.— JHS, 1911, 31, p. 151—160.
- ¹⁰ Gardner P. A history of ancient coinage 700—300 B. C. Oxford, 1918, p. 81, 85, 99, 232—234.
- ¹¹ Fritze H. Op. cit., S. 21—22, 24, 27, 35; Die Silberprägung von Kyzikos.— Nomisma, 1913, 9, S. 40.
- ¹² Так, К. Реглинг отодвигает грань между второй и третьей группами к 480 г. до н. э. (Regling K. Der griechische Goldschatz von Prinkipo.— ZfN, 1931, 41, S. 5, Anm. 1), а Г. Штейнвальд приближает ее к середине V в. до н. э. (Штейнвальд Г. Д. Кізікський гект Одеського музею у зв'язку з електровим карбуванням Кізіка.— ВОКК, серія археологічна, 1930, 4/5, с. 17).
- ¹³ Brett A. Museum of fine arts, Boston. Catalogue of greek coins. Boston, 1955, p. 185, 187, 191, 195, 201. Большое значение имеет также точная датировка некоторых конкретных типов (Seltman Ch. Greek coins. London, 1955, p. 294, pl. XVII; p. 303, pl. XLI; Kraay C. M. Greek coins. London, 1966, p. 368—370, pl. 198—200).
- ¹⁴ Наблюдения Фритце были продолжены Д. Рувье (Rouvier D. Notes techniques sur les statères de Cyzique.— Schweizerische numismatische Rundschau. 1957, 38, S. 11—20).
- ¹⁵ Например, статер с легендой ΕΛΕΥΘΕΡΙΑ (Fritze H. Die Elektronprägung, Taf. VI, 27) приурочивали к победе Конона при Книде в 394 г. до н. э. (Greenwell W. Op. cit., p. 76—77), к изгнанию персидского гарнизона в 365 г. до н. э. (Gardner P. A history, p. 237) и даже к победе Александра при Гранике (Lenormant Ch. Essai sur le statères de Cyzique.— RN, 1856, 1, p. 26). Статер с изображением Ники (Fritze H. Op. cit., Taf. V, 2) относили к битве у Кизика в 410 г. до н. э. (Greenwell W. Op. cit., p. 75; Lederer Ph. Ein Goldstater Alexanders des Großen.— ZfN, 1922, 33, S. 190) или к упомянутой победе Конона (Brett A. Op. cit., p. 202).
- ¹⁶ Об эмиссионной политике Ахеменидов см.: Gardner P. A history, p. 86—90; Seltman Ch. Op. cit., p. 62—63; Schlumberger D. L'argent grec dans l'empire Achéménide. Paris, 1953, p. 12—16).
- ¹⁷ Cahn H. A. Analyse et l'interprétation du style.— In: Congrès International de numismatique (Paris, 1953). Paris, 1957, 2, p. 37—39.
- ¹⁸ Например, всадник на статере (Fritze H. Die Elektronprägung, Taf. VI, 30) очень близок такому же изображению на аттической стеле VI в. до н. э. (Seltman Ch. Athens, its history and coinage before the persian invasion. Cambridge, 1924, p. 141, fig. 74). Аналогии другим типам IV в. (Fritze H. Op. cit., Taf. VI, 26, 35) можно указать среди ионийских монет времени восстания (CBM, Ionia, pl. I, 23, 26; Gardner P. Note on the coinage of the Ionian revolt.— JHS, 1913, 33, p. 105).
- ¹⁹ Таковы № 42, 51, 175 по каталогу Фритце.

- ²⁰ *Seltman Ch.* Greek coins, pl. XII, 1, 2, 5, 6, 9; XVI, 11, 16. Последнюю монету относят, впрочем, и к 428 г. до н. э. (*Healy J. F.* A new light on the unique stater of Mytilene.— American numismatic society. Museum notes. 1958, 8, p. 7—9).
- ²¹ Линейный крест заметен уже на гекте типа Fritze, Taf. I, 24, в то время как на стилистически и типологически близкой гекте типа Fritze, Taf. I, 27 квадрат напоминает скорее крылья ветряной мельницы. Равным образом монеты типа Fritze, Taf. I, 29, 31, 32 с линейным перекрестием внутри квадрата должны быть поставлены перед монетами типа Fritze, Taf. I, 24, 26, 28, на которых туец превратился из основного типа в простой опознавательный символ.
- ²² *Карышковский П. О.* Об обращении кизикинцов в Ольвии.— НЭ, 1960, 2, с. 7, прим. 2.
- ²³ *CBM, Mysia*, p. XVI; *HN*, p. 523.
- ²⁴ *Fritze H.* Die Silberprägung, S. 36.
- ²⁵ *Gardner P.* A history, p. 91—103; *Seltman Ch.* Greek coins, p. 87—89.
- ²⁶ Так считает, впрочем, и Г. Фритце (*Fritze H.* Die Silberprägung, S. 40, Anm. 2).
- ²⁷ *Weil R.* Das Münzmonopol Athens im ersten attischen Seebund.— *ZfN*, 1906, 25, S. 52—62; *Babelon E.* La politique monétaire d'Athènes au V s. av. J. C.— *RN*, 1913, 17, p. 457—485; *Gardner P.* Coinage of the Athenian empire.— *JHS*, 1913, 33, p. 147—188; *Johnston J.* An international managed currency in the V cent. B. C.— *Hermathena*, 1932, 47, p. 132—157.
- ²⁸ Таковы монеты с воспроизведением знаменитой статуи тираноубийцы (*Fritze H.* Die Elektronprägung, Taf. IV, 6), с изображением Геи с младенцем Эрхтоном (*ibid.*, Taf. V, 5) или Геи с виноградным кустом (*ibid.*, Taf. IV, 5, 39; Taf. VI, 19, 24).
- ²⁹ *Mattingly H. B.* The Athenian coinage decree.— *Historia*, 1961, 10, p. 148—188; *Robinson E. S. G.* The Athenian currency decree and the coinage of the allies.— *Hesperia*, 1949, Sup. 8, p. 324—340; *Паршиков А. Е.* О времени монополизации чеканки серебра в Афинской державе.— НЭ, 1972, 10, с. 64—73.
- ³⁰ *Fritze H.* Die Silberprägung, Taf. I; *TMGR*, 2, pl. 178, 16—23.
- ³¹ *Fritze H.* Die Elektronprägung, Taf. V, 35; *Regling K.* Der griechische Goldschatz von Prinkipo, Taf. II, 46.
- ³² *Lenormant F.* De quelques espèces de la monnaies grecques.— *RN*, 1867, 12, p. 347; *Lenormant Ch.* Op. cit., p. 20.
- ³³ *Gardner P.* A history, p. 237; *Regling K.* Der griechische Goldschatz von Prinkipo, S. 42—46.
- ³⁴ *Regling K.* Lampsakener.— *RE*, 1924, 12, Sp. 589—590; *Healy J. F.* The Composition of Mytilenean electrum.— In: *Congrès International de numismatique* (Paris, 1953). Paris, 1957, 2, p. 529—536.
- ³⁵ Это подтверждается кладами дарников в Греции.— (*IGCH*, № 63, 362, 1222, 1278, 1656, 2122).
- ³⁶ *Baldwin (Brett) A.* The electrum coinage of Lampsakos.— American numismatic society. Monographs. 1914, 1.
- ³⁷ *Baldwin (Brett) A.* The gold staters of Lampsakos.— *American Journal of numismatics*, 1924, vol. 8, third pars, № 4.
- ³⁸ *West A. B.* The early diplomacy of Philip II of Macedon illustrated by his coins.— *NC*, 1923, 3, p. 169—210; *Seltman Ch.* Greek Coins, p. 199—203.

СЕМАНТИКА АВЕРСНОГО ТИПА СЕРЕБРЯНЫХ ИСТРИЙСКИХ МОНЕТ V—IV вв. до н. э.

Относящиеся к V и IV вв. до н. э. серебряные монеты Истрии известны давно, однако и в настоящее время нет общепринятого мнения относительно значения двух безбородых мужских голов, представленных на аверсе этих монет. Более того, по этому поводу был высказан ряд несогласуемых друг с другом предположений, каждое из которых находило и находит сторонников. Эти предположения либо ищут объяснения в естественно-географических факторах, либо пытаются усмотреть в загадочных юношеских головах, соединенных между собою таким образом, что одна из них (обычно находящаяся справа от зрителя) изображена в перевернутом положении (табл. VIII, 12¹), черты сходства с известными божествами древнего пантеона.

У истоков первой группы гипотез относительно семантики двух описанных голов должно быть поставлено предположение И. Фосса (Isaacus Vossius, 1618—1680), известного эрудита своего времени. Фосс высказал идею о том, что головы являются изображениями реки Истра (Istri fluminis imago), которая, согласно древнейшим географическим представлениям греков, впадала одним рукавом в Черное, а другим в Адриатическое море². Эта точка зрения имеет сторонников и в наши дни³, иногда с существенными модификациями: полагают, например, что двойное олицетворение реки в связи с массовым вывозом гетских рабов на греческие рынки было оформлено с подчеркнутыми признаками местного этнического типа населения⁴. Близкие по содержанию догадки румынских нумизматов предполагают, что на монетах изображены не два устья Истра, а эта река и Черное море, куда она впадает⁵, или два течения близ устьев Дуная — из реки в море и возникающее под влиянием ветра обратное течение⁶, или два вида плавания — по бурному морю и по спокойной реке⁷. Высказывалось, наконец, и мнение о том, что головы на монетах символизируют город Истрию и отдельно ее гавань (эмпорий)⁸. Вторая группа предположений открывается гипотезой немецкого историка И. Г. Экгарда (Johann-Georg Eckhard, в латинизированной форме Essardus), высказавшего в 1722 г. мнение о том, что на монетах Истрии изображены божества-близнецы Диоскуры⁹. Поддержанная авторитетом И. Г. Экгеля¹⁰, эта точка зрения также получила широкое распространение¹¹. Однако в дальнейшем были предложены и другие объяснения непонятого изображения — в нем узнавали Аполлона в качестве покровителя судоходства и мореплавания¹², Аполлона-Гелия, солнечного бога, причем в головах усматривали олицетворение восходящего и заходящего солнца¹³, видели в противопоставленных лицах двуликого Борея или безымянных богов ветров, господствующих в устьях

Дуная¹⁴, неизвестных гето-фракийских небожителей аборигенных племен¹⁵, даже легендарных героев эпохи основания города Истрии¹⁶.

В истрийском монетном типе трудно видеть абстрактное олицетворение сил природы или географических объектов. Греческое религиозное мышление отличалось конкретностью, и резчики монетных штемпелей в большинстве случаев воспроизводили, особенно в раннюю эпоху, образы различных божеств. В данном случае нет никаких оснований полагать, что граждане Истрии отступили от этого неписанного правила. Поэтому можно предположить, что на истрийских серебряных монетах находится также изображение божества. Более того, рискуя увеличить количество имеющихся гипотез, мы не отказываемся от попытки увидеть в этом божестве изображения Кабиров¹⁷.

Кабирь, обычно именовавшиеся у греков просто «великими богами» или «богами самофракийскими», считались рожденными на Лемносе, вулканическая природа которого давала повод видеть в них сыновей Гефеста. В религиозных представлениях античных греков это доброжелательные божества, связанные с подземным огнем, рудными богатствами и кузнечным делом. Вместе с тем Кабирь рассматривались как покровители виноградарства и мореплавания. Культ их в его главном центре, на Самофракии, был связан с культом Деметры¹⁸. Кабиров сближали уже в древности с другими парными богами-близнецами, прежде всего с Диоскурами, помощниками в битвах и защитниками от морских бурь, но образы этих близких божественных пар никогда не сливались полностью¹⁹.

Кабиров часто изображали на монетах. Соответствующие монетные типы известны на Лемносе, Самофракии, Имбросе, Фасосе, на Лесбосе и некоторых Кикладских островах (Сирос, Мелос), в Фессалии и Македонии, в городах Мизии и Троады (Кизик, Лампсак, Пергам, Бирит, Кебрен), в Ликии, Сирии (Посидеон), Финикии (Берит) и даже в далекой Испании²⁰. Из причерноморских городов их изображения находим на ранних серебряных монетах Фанагории²¹. Но именно эти области — Фессалия, Македония, острова греческого Архипелага, западное побережье Малой Азии, Сирия — выступали в древности как центры металлургического производства²², которое существовало в эпоху чеканки занимающих нас монет и в Истрии²³, и можно полагать, что здесь, как и в других центрах производства и обработки металлов, имелись необходимые предпосылки для помещения изображений Кабиров на первых чеканенных монетах города.

Высказанная гипотеза может укрепиться, если учесть, что производственные мифы, связанные с Кабирами, были широко распространены «среди низших слоев общества — среди крестьян и ремесленников», тогда как у знати «был свой образ бога-кузнеца — Гефеста»²⁴. Между тем в Истрии в V в. до н. э. как раз наблюдается усиление «среднего слоя торговцев, мореплавателей и ремеслен-

ников, начавших политическую борьбу за свержение олигархического правления»²⁵. Победа этих демократически настроенных слоев в Истрии привела к демократическому образу правления, о котором идет речь в «Политике» Аристотеля. Эта победа обычно датируется второй половиной V в. до н. э.²⁶, то есть тем временем, когда появились занимающие нас серебряные монеты²⁷. Поэтому не исключена вероятность того, что одержавший победу над олигархами истрийский демос имел все основания включить в число первых монетных типов изображения тех божественных близнецов, которые пользовались почитанием в среде народа и в честь которых был воздвигнут храм, существовавший в Истрии в эллинистическую эпоху²⁸.

Необходимо также принять во внимание, что культ Кабиров был заимствован греками от их фракийских соседей²⁹. Однако материалы из раскопок Истрии не оставляют сомнений в том, что жители города испытывали сильное и постоянное влияние фракийских верований и культов³⁰. Наиболее древние учреждения города — филы — выступают в уцелевших истрийских надписях как прямые почитатели Кабиров, «богов самофракийских»³¹. Вполне вероятно, что этот культ утвердился в Истрии даже раньше культа Диоскуров, с которым он еще не был соединен в то время и к которому относится начало выпуска серебряных монет³².

На этих монетах головы юных богов не имеют ни иконографических признаков, ни атрибутов, по которым можно было бы однозначно определить, кого изображали истрийские граждане. Однако отсутствие атрибутов Кабиров на монетах V—IV вв. до н. э. не должно удивлять, так как эти божества не имели, по-видимому, своих специфических символов. Только начиная с эллинистической эпохи, когда культ Диоскуров широко распространился по различным областям греческого мира, смешиваясь с культом Кабиров, на монетах появляются изображения последних вместе с атрибутами близких к ним богов — Аполлона, Гефеста, Диониса, Диоскуров³³. При этом на монетах иногда имеется и надпись, прямо указывающая, кто изображен на монете. Поэтому именно отсутствие на истрийских серебряных монетах V—IV вв. до н. э. атрибутов изображенных богов может косвенно указывать на Кабиров, поскольку Диоскуры на монетах греческих полисов с древнейших времен изображались хотя бы с одним из присущих им атрибутов (звезды, лошади, колпаковидные шапки — пилеи и т. п.)³⁴. На серебряных монетах Истрии мы не находим никаких указаний или намеков на Диоскуров, но вместе с тем некоторые их особенности можно считать характерными для Кабиров. Это, прежде всего, та форма, в какой на этих монетах выражена идея двух противоположных начал — форма «несомненно негреческая в своей основе»³⁵. Во-вторых, на некоторых монетах третьей подгруппы второй группы истрийского серебра (по классификации А. Г. Загняйло)³⁶ черты юношеских лиц обнаруживают явные признаки неэллинистического этнического типа³⁷. Наконец,

и это самое главное, на монетах первой и второй групп головы юных божеств изображены контрастно: одно лицо имеет суровое, грозное выражение, волосы на голове вздыблены и разбросаны, другому свойственно спокойное, даже безразличное выражение, волосы моделированы в виде шаровидных локонов или расчесаны и приглажены³⁸. Между тем близнецы-Диоскуры и на барельефах, и на монетах изображались очень похожими, даже неразличимыми³⁹. Если допустить, что на серебряных монетах Истрии помещены головы Диоскуров, то такая контрастность не находит удовлетворительного объяснения.

Устрашающая функция Кабиров, переданная в облике одного из них на наиболее ранних монетах Истрии⁴⁰, вообще не характерна для греческих богов, но играла значительную роль при воспроизведении образов божеств в древнейших государствах Малой Азии, Ближнего Востока, а также в среде окружавших их племен. Представляется, что и на истрийских монетах устрашающий облик одного из богов оформился под воздействием местных гето-фракийских традиций. Но не следует забывать, что почтавшись во Фракии боги-близнецы были Кабирами.

Особо подчеркнем тот факт, на значение которого не было обращено достаточного внимания. На всех известных видах истрийских монет автономного периода изображенные божества не имеют даже самого отдаленного сходства с чертами лиц аборигенов, и только на серебре оно явственно заметно, притом как раз при воспроизведении образа того бога, который почитался местными племенами в форме одной из разновидностей хорошо известного истории и этнографии культа близнецов. Представляется, что черты местного этнического типа, характерные *Istriana metōra* (буквально «истрийские лбы»), по выражению Аристофана⁴¹, истрийским монетным мастерам, проще и естественнее было придавать лицам тех божеств, которые почитались местными племенами и от которых были заимствованы греками, а не лицам Диоскуров, чисто греческих богов. Вполне последовательно было изобразить похожими на местных жителей тех богов, культ которых сложился в местной этнической среде.

Можно предположить, что композиция юношеских голов, одна из которых всегда перевернута по отношению к зрителю, характерна для фракийского художественного мышления. У гето-фракийских племен, живших вокруг Истрии, в период выпуска занимающих нас монет были еще достаточно сильны родоплеменные связи⁴². Естественно, и в образном мышлении фракийских племен были живы архаические художественно-изобразительные приемы и традиции. Таким отзвуком первобытного мироощущения и характерных для него черт воспроизведения и осмысления мира как раз и являются, на наш взгляд, юношеские головы на истрийских монетах.

Для обоснования высказанного предположения целесообразно напомнить о некоторых особенностях изобразительного искус-

ства австралийцев. Исследование М. И. Лекомцевой показало, что у жителей Грут-Айленда (северо-восточное побережье Австралии), искусство которых близко «к симиотической системе языка», при изображении парных объектов один из них поворачивается на 180° по отношению к другому, то есть именно так, как расположены юношеские головы на истрийском серебре⁴³. Следует подчеркнуть, что это распространенный прием первобытного искусства⁴⁴, и его пережитки имеются на архаических монетах южного края греческой ойкумены⁴⁵. У австралийцев этот изобразительный прием применяется при изображении предков⁴⁶, и следует напомнить, что иногда и в Кабирах видели прародителей людей.

Современные этнографы показали, что всем народам мира свойственно в принципе единство сущности и формы художественного мышления. Трудно было бы отыскать народность, которой не были бы известны на определенном этапе одни и те же изобразительные мотивы. Действительно, можно привести аргументы в пользу того предположения, что древним фракийцам, которые во время чеканки занимающих нас серебряных монет еще не переросли в целом рамки первобытнообщинного строя, не была чужда манера выражать идею парности изображаемых объектов теми же средствами, к которым намного позже прибегали истрийцы.

В литературе, посвященной типологии серебряных монет Истрии, не ставился вопрос о семантике своеобразной композиции их аверсов. Но уместно напомнить, что хотя Кабиры мыслились как божественные близнецы, их число не было постоянным. Так, в Беотии поклонялись одному Кабиру, а в Македонии считали, что их трое⁴⁷. Но если одни фракийские или гето-фракийские племена почитали трех, а другие двух Кабиров, то для последних было естественно выразить эту особенность своих религиозных представлений при помощи вертикально-антипоидальной композиции. Нет ничего невозможного в том, что выполненные в такой манере памятники изобразительного искусства повлияли на характер композиции аверса истрийских монет. К Диоскурам, которых всегда почитали как пару близнецов, известных к тому же по именам (Кастор и Полидевк), композиция, которая имела целью подчеркнуть их парность, естественно, не применялась.

Доказательством того, что вертикально-антипоидальная композиция была свойственна художественному мышлению фракийцев, являются конкретные памятники фракийского искусства. Назовем прежде всего раздвоенный обух фракийского ритуального топора X—VII вв. до н. э., заканчивающийся на одном конце головой барана, а на другом — перевернутой головой коня⁴⁸, и топорик-амулет VIII—VII вв. до н. э., где концы раздвоенного обуха заканчиваются головками птиц⁴⁹. Сюда же следует отнести золотой нагрудник IV в. до н. э., на котором изображены крестообразно расположенные и сходящиеся головами к центру женские фигуры, то есть две пары подобных компози-

ций⁵⁰, серебряное блюдо второй половины V в. до н. э., на котором в таком же положении изображены четыре квадриги⁵¹, наконец, золотую пластинку с подвесками конца VI или начала V в. до н. э. с соответствующими изображениями птиц⁵² и пластинку с извилистыми геометрическими фигурами⁵³. Не лишено значения и то, что среди фасосских монет IV в. до н. э. имеются мелкие серебряные номиналы, на которых две амфоры изображены параллельно, но обращены доньями в противоположные стороны⁵⁴.

Очевидно, с рассматриваемой композицией пережиточно связана также форма так называемых кровельных конышков. Они представляют собою продолговатые глиняные бруски, концы которых оформлены в виде головы барана или коня. Такие коньки известны в разных районах и связанные с ними культовые представления уходят в глубину веков⁵⁵. Для нас очень существенно, что в придунайских землях эти коньки связаны с культом Кабиров⁵⁶. Возможно даже, что коньки были древнейшей зооморфной оболочкой самих Кабиров — ведь античные боги-близнецы мыслились в образе коней⁵⁷, и изображение богов-близнецов с протомами или головами коней хорошо известно на монетах Западного Причерноморья⁵⁸.

Рассматривая композицию юношеских голов на монетах Истрии, упомянем также фракийские конские украшения — бляхи, оформленные в зверином стиле, в основе композиции которых лежит солярный крест со сломленными концами⁵⁹. Здесь одним из организующих компонентов формы является вертикально-антиподальное размещение конских голов. Такие бляхи появились в Северном Причерноморье в VI в. до н. э. и получили в V и IV вв. до н. э. широкое распространение во Фракии⁶⁰, на что, очевидно, оказало влияние то обстоятельство, что их композиция была близка и понятна художественному мышлению фракийских племен.

В заключение отметим, что наиболее древней формой зеркальной композиции является все же не ее вертикально-симметричная структура, а право-левосторонняя⁶¹. С течением времени с ними были соединены определенные представления. Тип право-левосторонней симметрии стал характерным для архитектурных композиций, барельефов, торевтики и органически закрепился в геральдических изображениях древних⁶² и средневековых народов Средиземноморья и Ближнего Востока⁶³. В эпоху становления ранних классовых обществ он часто превращался в средство воплощения могущества новой формы власти и являлся схемой символики, выражающей суть новых общественных отношений.

Общества, находившиеся на первобытнообщинном уровне развития социальной организации, с среде которых сильны были родовые и племенные связи, а в идеологии видное место занимал культ предков, напротив, пережиточно тяготели к использованию вертикально-антиподальных композиций. С давних пор ее вариант — структура вертикально-бинарной оппозиции —

служил средством изображения родоначальников племени⁶⁴. Поэтому вероятно, что распространение вертикально-бинарной оппозиции как изобразительного приема в конкретной среде фракийских племен объясняется тем, что она служила способом выражения диалектических противоположностей мира, схемой символа, концентрирующего самые важные мировоззренческие вопросы, возникавшие в среде этих племен, а также была традиционным средством изображения предков.

- ¹ AMDM, 1, Taf. II, 20—23; TMGR, 4, pl. 352, 10—21. Много увеличенных репродукций таких монет приводит В. Канараке (*Canarache V. Sistemul ponderal si tipologia drahmelor istriene de argint.*— Pontice, 1968, 1, pl. 1—46).
- ² Этот взгляд сформулирован Фоссом в комментариях к изданному им в 1658 г. географическому труду Помпония Мелы. Мы знакомы с ним по упоминанию Б. Пика (AMDM, 1, S. 149, Anm. 1) и по более подробному изложению в статье Г. Гоммеля.
- ³ *Hommel H. Das Doppelgesicht auf den Münzen von Istros.*— In: *Beiträge zur alten Geschichte* (Festschrift für F. Altheim). Berlin, 1969, S. 261—272.
- ⁴ *Hind J. G. F. Istrian faces and river Danube.*— NC, 1970, 10, p. 7—17.
- ⁵ *Netzhammer R. Ceva nou despre Istros.*— *Revista catholica*, 1912, № 1, p. 355—356.
- ⁶ *Ruzicka L. Inedita aus Moesia Inferior.*— NZ, 1918, 10, S. 103.
- ⁷ *Moisil C. Cele mai vechi monete din Istros.*— Bul. SNR, 1921, № 40, p. 110—112; *Загинайло А. Г.* Истрийская драхма из Висунцовского клада 1929 г.— ЗОАО, 1960, 1, с. 318.
- ⁸ Такое предположение высказал известный филолог-классик XIX в. Им. Беккер; оно известно нам по сообщению Б. Пика (AMDM, 1, S. 149, Anm. 4).
- ⁹ Взгляд Эгардта изложен Б. Пиком (AMDM, 1, S. 149, Anm. 1; S. 159, Anm. 405''(2)).
- ¹⁰ *Eckhel J. H. Doctrina numorum veterum.* Wien, 1798, p. 1, v. 2, p. 14—15.
- ¹¹ *Golescu M. Tot monetele dela Histria.*— Bul. SCN, 1933—1934, № 81/82, p. 94—96; *Lacroix L. Numismatique antique. Problèmes et méthodes.* Annales d'Est, 1975, 44, p. 162—163.
- ¹² *Severeanu G. Despre drahma istriana.*— Bul. SNR, 1920, № 33/34, p. 22.
- ¹³ HN, p. 274; не зная о точке зрения Хада к такому же выводу пришел В. Буде (*Bude V. O ipoteza noua relativa de drahmele din Histria.*— Bul. SNR, 1925, № 55/56, p. 40—45), к которому присоединились отказавшийся от своей первоначальной концепции Р. Нетцгаммер (*Netzhammer R. Der Sonpengott in Istros.*— Bul. SNR, 1933—1934, № 81/82, S. 124—126) и П. О. Карышковский (*Карышковский П. О.* Заметки по пумизматике античного Причерноморья.— ВДИ, 1961, № 4, с. 111).
- ¹⁴ Этот взгляд пытался обосновать Б. Пик (AMDM, 1, S. 149—150).
- ¹⁵ *Блаватская Т. В.* Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э. М., 1952, с. 213.
- ¹⁶ *Preda C. Über die Silbermünzen der Stadt Istros.*— *Dacia*, 1975, 19, S. 85.
- ¹⁷ Т. В. Блаватская близко подходит к этой точке зрения, но нигде прямо не называет Кабирами богов, изображавшихся на серебряных истрийских монетах (*Блаватская Т. В.* Указ. соч., с. 213—214).
- ¹⁸ *Новосадский Н. И.* Культ Кабиров в древней Греции. Варшава, 1891; *Kern O. Kabiren.*— RE, 1920, 10, Sp. 1399—1450. Книга Гемберга (*Hemberg V. Die Kabiren.* Uppsala, 1950) осталась, к сожалению, недоступной для нас.
- ¹⁹ *Штерибера Л. Я.* Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936, с. 74—82, 101—105; *Bethe E. Dioskuren.*— RE, 1903, 5, Sp. 1087—1123.
- ²⁰ *Fritze H. Birytis und Kabiren auf Münzen.*— ZfN, 1904, 24, S. 105—128, Taf. V.

- ²¹ АМ, с. 170, табл. XXXIX, 43—45; *Fritze H.* Op. cit., S. 114, Taf. V, 12.
- ²² *Граков Б. Н.* Ранний железный век. М., 1977, с. 20—21; *Шмидт Р. В.* Очерки по истории горного дела и металлообрабатывающего производства в античной Греции. — ИГАИМК, 1935, 108, с. 225—228, 283.
- ²³ *Кондураки Е.* Эллинистический период в Добрудже в свете археологических раскопок в Истрии. — В кн.: Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и РНР. Кишинев, 1960, с. 187; *Федоров Г. Б., Полевой Л. Л.* Археология Румынии. М., 1973, с. 163.
- ²⁴ *Шмидт Р. В.* Металлическое производство в мифе и религии античной Греции. — ИГАИМК, 1931, № 9, вып. 8/10, с. 42—43.
- ²⁵ *Кондураки Е.* Указ. соч., с. 187.
- ²⁶ *Кондураки Е.* Указ. соч., с. 177; *Кондураки Е.* Истрия. Бухарест, 1962, с. 8; *Федоров Г. Б., Полевой Л. Л.* Указ. соч., с. 163; *Блаватская Т. В.* Указ. соч., с. 50—51.
- ²⁷ А. Г. Загинайло привел основательные доводы в пользу того, что чеканка истрийского серебра началась не «около 400 г. до н. э.» (AMDM, 1, S. 147) и не просто раньше этой даты (*Кондураки Е.* Эллинистический период в Добрудже, с. 188), а в предпоследней четверти V в. до н. э. (*Загинайло А. Г.* Серебряные монеты Истрии из Роксоланского городища. — В кн.: Збірник робіт аспірантів Одеськ. ун-та. Гуманітарні науки. Одеса, 1964, с. 172). Румынские нумизматы относят начало выпуска этих монет к первой половине V в. до н. э. (*Preda C.* Op. cit., p. 80) и даже к середине VI в. до н. э. (*Canarache V.* Op. cit., p. 136).
- ²⁸ *Pippidi D. M.* Studii de istorie a religiilor antice. București, 1969, p. 54—56; *Блаватская Т. В.* Указ. соч., с. 214—215.
- ²⁹ *Новосадский Н. И.* Указ. соч., с. 43.
- ³⁰ *Кондураки Е.* Эллинистический период в Добрудже, с. 183; *Федоров Г. Б., Полевой Л. Л.* Указ. соч., с. 161—162; *Блаватская Т. В.* Указ. соч., с. 207, 209.
- ³¹ *Pippidi D. M.* Op. cit., p. 54, 55; *Блаватская Т. В.* Указ. соч., с. 214.
- ³² *Новосадский Н. И.* Указ. соч., с. 58; о Диоскурах в Истрии см.: *Pippidi D. M.* Op. cit., p. 57—59.
- ³³ *Fritze H.* Op. cit., S. 105—128, Taf. V.
- ³⁴ Об атрибутах Диоскуров см.: *Шульц П. Н.* Бронзовые статуэтки Диоскуров из Неаполя скифского. — СА, 1969, № 1, с. 128. Изображения Диоскуров и их атрибутов на монетах Северо-Западного Причерноморья см.: AMDM, 1, Taf. V, 11—15, 17, 20; VI, 2, 3, 9; X, 30, 31; XVII, 28—30.
- ³⁵ *Блаватская Т. В.* Указ. соч., с. 213.
- ³⁶ *Загинайло А. Г.* К вопросу о монетно-весовых системах античных городов Западного и Северо-Западного Причерноморья. — НЭ, 1974, 11, с. 51—54; *Загинайло А. Г.* Висунцовский клад серебряных монет Истрии, найденный в 1951 г. — ЗОАО, 1968, 2, с. 61—67.
- ³⁷ *Блаватская Т. В.* Указ. соч., с. 213; *Hind J. G. F.* Op. cit., p. 15—17.
- ³⁸ *Bude V.* Op. cit., p. 44; *Netzhammer R.* Der Sonnengott in Istros, S. 125; *Загинайло А. Г.* Висунцовский клад, с. 62, 63, 67, § 1; 68, § II, III, V; 69, § VIII; 70, § XI; 71, § XIII; 72, § XVII, XVIII; 74, § XXVIII.
- ³⁹ В Западном Причерноморье можно указать монеты горота Томи (AMDM, 1, Taf. V, 17) и скифских царей Добруджи (*Canarache V.* Monetele scitilor din Dobrogea. — SCIV, 1957, 1, pl. V, 24; VI, 25; VII, 31—34).
- ⁴⁰ *Canarache V.* Sistemul ponderal, pl. 1, fig. 5; pl. 3, fig. 4, 5; pl. 4, fig. 2; pl. 7, fig. 20; pl. 16, fig. 144, 146, 159; pl. 17, fig. 163.
- ⁴¹ Эту цитату из утраченной комедии «Вавилоняне» подробно комментирует *Хинд (Hind J. G. F.)* Op. cit., p. 15—16.
- ⁴² *Златковская Т. Д.* Возникновение государства у фракийцев. М., 1971, с. 90; *Блаватская Т. В.* Указ. соч., с. 54.
- ⁴³ *Лекомцева М. И.* К анализу смысловой стороны искусства аборигенов Грут-Айленда (Австралия). — В кн.: Ранние формы искусства. М., 1972, с. 313—314.
- ⁴⁴ *Алексеев В. П.* К происхождению бинарных оппозиций в связи с возникновением отдельных мотивов первобытного искусства. — В кн.: Перво-

бытовое искусство. Новосибирск, 1976, с. 43; *Лекомцева М. И.* Указ. соч., с. 314.

- ⁴⁵ Среди архаических серебряных монет Кирены с изображением двух зерен сильфия имеются тетрадрахмы и дидрахмы, на которых эти зерна изображены в точности так, как представлены юношеские головы на истрийских монетах (табл. VIII, 13), то есть правое зерно перевернуто (TMGR, 2, pl. 63, 2, 3). Более часты случаи, когда зерна обращены острыми концами в одну сторону (ibid., col. 1341—1344, fig. 1975, 1978) или когда они представлены находящимися на одной прямой с острыми концами, направленными в противоположные стороны (ibid., pl. 63, 15, 18, 20).
- ⁴⁶ *Лекомцева М. И.* Указ. соч., с. 315, рис. 28.
- ⁴⁷ *Новосадский Н. И.* Указ. соч., с. 133, 142, 143.
- ⁴⁸ Фракийское искусство и культура болгарских земель. Каталог выставки. М., 1974, табл. 96.
- ⁴⁹ Там же, табл. 97; *Венедиков И., Герасимов Т.* Тракийское искусство. София, 1978, рис. 8.
- ⁵⁰ Фракийское искусство..., табл. 216; *Венедиков И., Герасимов Т.* Указ. соч., рис. 222.
- ⁵¹ *Венедиков И., Герасимов Т.* Указ. соч., рис. 172.
- ⁵² Там же, рис. 214; *Златковская Т. Д.* Указ. соч., табл. VIII.
- ⁵³ *Венедиков Т., Герасимов Т.* Указ. соч., рис. 229.
- ⁵⁴ *Hotmel H.* Op. cit., S. 263—264, Abb. 16, 17.
- ⁵⁵ *Вязьмитина М. И.* Фракийские элементы в культуре населения городищ Нижнего Днепра. — МИА, 1969, № 150, с. 129—131.
- ⁵⁶ Там же, с. 131.
- ⁵⁷ *Штернберг Л. Я.* Указ. соч., с. 79—80.
- ⁵⁸ На монетах города Томи (AMDM, 1, Taf. V, 8, 10) и скифских царей Добруджи (прим. 39).
- ⁵⁹ *Мелюкова А. И.* К вопросу о взаимосвязях скифского и фракийского искусства. — В кн.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976, с. 125, рис. 11; *Ильинская В. А.* Культурные жезлы скифского и предскифского времени. — МИА, 1965, № 130, с. 211, рис. 4.
- ⁶⁰ *Мелюкова А. И.* Указ. соч., с. 111, 116, 125.
- ⁶¹ *Алексеев В. П.* Указ. соч., с. 43.
- ⁶² *Вейль Г.* Симметрия. М., 1968, с. 45—46.
- ⁶³ *Лелеков Л. А.* Наследие звериного стиля в искусстве Средневековья и древней Руси. — В кн.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976, с. 261, рис. 1; с. 267, рис. 2; с. 268, рис. 3.
- ⁶⁴ «Вертикальная структура, — пишет один из исследователей, — соединяет различные семантические противопоставления, характерные для модели мира северо-западных индейцев: «жизнь» — «смерть», «человеческое» — «нечеловеческое», ... «наш мир» — «тот мир», ... «стабильное» — «меняющееся» (*Сегал Д. М.* Мифологические изображения у индейцев северо-западного побережья Канады. — В кн.: Ранние формы искусства. М., 1972, с. 365).

Э. И. ДИАМАНТ

ДВЕ СЕРЕБРЯНЫЕ МОНЕТЫ ФРАКИЙСКИХ ЦАРЕЙ, НАЙДЕННЫЕ В ТИРЕ

Находки монет на территории античной Тире лишь в самое последнее время стали привлекать внимание нумизматов. Очень важно при этом, что издаются не только монеты, происходящие из раскопок¹, но и монеты из случайных находок, которые неизбежно просачиваются в частные коллекции². Настоящая заметка

посвящена двум находкам последней категории, хранящимся в настоящее время в Одессе.

Первая из монет была найдена в Белгороде-Днестровском в 50-х годах, точные обстоятельства и время находки не установлены. Вот ее описание:

Л. с. Передняя половина скачущего коня с подстриженной гривой и большим выпуклым глазом, влево. За шеей буквы ΣΠΑ (первая буква повреждена).

Об. с. Орел с распушенными крыльями (они изображены в архаической манере — одно над корпусом птицы, другое под ним) со змеей в клюве, влево. Изображение находится в квадратном углублении.

Серебро. В. 1, 22 г, д. 9,5—11 мм. Монета носит следы пребывания в обращении, но существенных повреждений не имеет (табл. VIII, 14, 15).

Определение и датировка монеты не вызывают сомнений: перед нами диобол аттической монетно-весовой системы, выпущенный в Одрисском государстве в период правления царя Спарадока (40-е годы V в. до н. э.), на монете помещен первый слог имени династа. Монета чеканена в Олинфе незадолго до начала Пелопоннесской войны³. Известны и другие номиналы серебряных монет с именем Спарадока, сына основателя Одрисского государства Тереса⁴. Спарадок был либо предшественником своего брата Ситалка, либо управлял частью фракийских земель под его верховной властью⁵.

Если принять во внимание, что ранняя история Тире в сущности неизвестна и само существование ее как организованного полиса во времена Геродота, старшего современника царя Спарадока, вызывает определенные сомнения⁶, обнаружение здесь публикуемой монеты не может не привлечь внимания. Во-первых, находка подтверждает правильность взгляда, согласно которому город был основан не позже конца VI в. до н. э.⁷, а в третьей четверти V в. до н. э. входил в состав Афинской державы⁸. Во-вторых, этот диобол позволяет догадываться о ранних связях Тире и Нижнего Поднепровья с фракийскими племенами⁹. Существенно, наконец, и то обстоятельство, что перед нами одна из самых ранних иноземных монет, найденных в Тире, — в этом отношении можно указать лишь на литые бронзовые монеты с изображением колеса и буквами ΓΣΤ, которые неоднократно встречались среди раскопочных материалов¹⁰.

Вторая монетная находка принадлежит гораздо более позднему времени. Она найдена в 1957 или 1958 г. на гласисе средневековой крепости, между раскопом А. И. Фурманской и картонажной фабрикой. Эта монета также заслуживает описания:

Л. с. Безбородая голова в диадеме, вправо. У подбородка монограмма , содержащая имя и титул фракийского царя Ре-

металка.

Об. с. Голова Августа без венка, вправо. За затылком BYZANTIA, а у шеи монограмма K , которая читается KAICAPOC.

Изображения на обеих сторонах монеты заключены в точечный круг, поврежденный во многих местах.

Серебро В. 3,80 г, д. 18 мм. Монета носит следы обращения, на реверсе в нижней части кружка имеются остатки коррозии, затрудняющие чтение монограммы.

Монета принадлежит к числу редких драхм, чеканенных на монетном дворе Византия с портретом царя Реметалка, утвержденного римлянами на престоле Одрисского государства в конце предпоследнего десятилетия I в. до н. э. и скончавшегося незадолго до смерти Августа, в 12 или 13 г. н. э.¹¹ Известные еще Эггелю, но впервые сопоставленные и изученные в конце прошлого века¹², эти монеты были недавно объявлены поддельными¹³, но подлинность их доказана как нумизматическим анализом¹⁴, так и тем фактом, что подобная драхма была встречена в составе клада римских денариев конца Республики и времени Августа, найденного в 1968 г. у с. Садиево (Сливенский округ, НРБ)¹⁵. Драхма является восьмым известным представителем этой эмиссии¹⁶ и находка ее в Тире подтверждает несомненную подлинность всей этой группы монет.

Реметалк чеканил и бронзовые монеты, неоднократно находки которых в Тире надежно установлены¹⁷. По-видимому, отношения Тиря с Одрисским государством и стоявшим за ним Римом приобрели в эпоху принципата Августа регулярный характер. Об этом надо полагать, свидетельствуют и чеканенные в Тире крупные бронзовые монеты с изображением императора и надписью KAICAPOC SEBASTOY, однако и эти монеты, и вся проблема взаимоотношения Тиря с Римом требует специального изучения.

¹ Фурманская А. И. Клад монет из Тиря. — НСФ, 1963, 1, с. 76—86; Анохин В. А. Клад монет начала III в. н. э. из Тиря. — 1975, 6, с. 63—67; Карышковский П. О., Коцековский А. С. Античные монеты из раскопок Тиря. — В кн.: Античная Тира и средневековый Белгород. Киев, 1979, с. 88—98.

² Анохин В. А., Пушкарев В. П. Античные монеты из Тиря. — НСФ, 1965, 2, с. 194—201.

³ Youroukova Y. Coins of the ancient Thracians. London, 1976, p. 69, № 20—22, pl. IV, 20—22 (автор подробно рассматривает вопрос, опираясь на посвященную монетам Спарадока литературу).

⁴ HN, p. 282; Youroukova Y. Op. cit., pl. IV, 17—19; pl. XXVII, 15—16.

⁷ Златковская Т. Д. Возникновение государства у фракийцев. М., 1971, с. 213—214, 230; Фол А. Политическата история на траките. София, 1972, с. 131, 141—144, 145, 146.

⁶ Геродот не упоминает города Тиря, указывая, однако, что в устье одноименной реки «живут эллины, называемые тиритами». (Геродот, IV, 51. История в 9-ти кн. (Пер. Г. А. Стратановского. Л., 1972, с. 200).

⁷ Златковская Т. Д. О начальном периоде истории Тиря. — СА, 1959, 2, с. 61—64.

⁸ Карышковский П. О. Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды. — ВДН, 1959, 4, с. 124—125, прим. 44.

- ⁹ Хотя Геродот определенно называет Истр первой рекой Скифии, археологические материалы показывают, что границей между гето-фракийскими и скифскими племенами были Днестр и его лиман (Мелюкова А. И. К вопросу о границе между скифами и гетами. — МИА, 1969, № 150, с. 61—80; *её же*. Скифия и фракийский мир. М., 1979, с. 141—163).
- ¹⁰ Штерн Э. Р. Раскопки в Аккермане летом 1912 г. — ЗООИД, 1913, 31, с. 100 (протоколы); Дмитров Л. Д. Раскопки в місті Білгород-Дністровському в 1947 р. — АП УРСР, 1952, 4, с. 62, 64, рис. 5.
- ¹¹ Уоугоукова У. *Op. cit.*, p. 92, № 169, pl. XXII, 196 (литература и источники по этому вопросу. — Там же, с. 54—57, 122—123).
- ¹² Ithoof-Blumer F. *Bithynische Münzen.* — JIAN, 1898, 1, p. 17—18.
- ¹³ Герасимов Т. Една фалшива монета на тракийския цар Котис V. — ИБАИ, 1965, 28, с. 253.
- ¹⁴ Рогалски Ад. За някои «фалшиви» антични монети, сечени на Балканския полуостров. — ИНМВ, 1969, кн. 5/20/, с. 82—88.
- ¹⁵ Юрукова И. Принос на тракийската нумизматика. — Археология, 1972, т. 14, кн. 2, с. 32—38.
- ¹⁶ Пять монет описаны в Берлинском корпусе (Schönert-Geiss E. *Die Münzprägung von Byzantion.* Т. 2: Kaiserzeit. Berlin; Amsterdam, 1972, S. 43, № 1302—1304, Taf. 63), шестая происходит из Садиевского клада (прим. 15), седьмая найдена в Белгороде-Днестровском, восьмая находится в частном собрании в Болгарии (Рогалски Ад. Редки монети от частна сбирка. — Нумизматика, 1976, т. 11, кн. 1/2, с. 13—15).
- ¹⁷ Анохин В. А., Пушкарев В. П. Указ. соч., с. 195, № 4—6, рис. 1, 3—5; с. 197, прим. 12. Нам известны и другие находки такого рода в Белгороде-Днестровском.

А. С. КОЦИЕВСКИЙ

НЕСКОЛЬКО НЕИЗДАННЫХ МОНЕТ ТИРЫ ИЗ ЧАСТНЫХ СОБРАНИЙ

В небольших коллекциях любителей и собирателей античных монет Северного Причерноморья имеется довольно значительное количество медных монет Тире. Большинство этих монет принадлежит к хорошо известным типам и вариантам, но изредка попадаются также неизданные и интересные экземпляры. Публикация таких монет важна и для пополнения корпуса тирасских монет, завершеного А. Н. Зографом задолго до войны, но опубликованного посмертно в 1957 г., и для общих наблюдений над историей монетного дела этого города.

Наша публикация не является первой попыткой такого рода — за годы, прошедшие после выхода в свет книги А. Н. Зографа, были опубликованы монеты из раскопок Тире¹ и стали известны некоторые, не включенные в корпус, разновидности².

1. Л. с. Голова Деметры в венке из колосьев, вправо.

Об. с. Передняя часть скачущего вправо коня, за обрезом протомы рыба (по-видимому, тунец), обращенная хвостом к спине лошади. Над лошадыю поврежденные буквы ТΥΡΑ. Медь. В. 10,96 г, д. 26—29 мм. Монета перечеканена, но прежние изображения неразличимы. Край монеты при перечеканке приобрел трещину (табл. IX, 1).

Монеты такого типа известны нумизматам, но очень редки. В корпусе А. Н. Зографа описано пять таких монет, причем на двух надпись приведена полностью — ΤΥΡΑΝΟΝ³, а на трех читаются лишь два первых слога имени города⁴. При этом ни один из ранее известных экземпляров не дал возможности различить тунца, хорошо сохранившегося на публикуемом экземпляре: на монете из бывшего собрания П. О. Бурачкова кружок пробит как раз в этом месте⁵; на монете, принадлежавшей некогда Х. Х. Гилю, штемпель сдвинут и рыба не вместилась на кружке⁶; на монете из бывшей коллекции А. С. Уварова рыба заметна, но не описана издателем⁷; различима небольшая, тонкая фигура рыбы и на одной из монет Одесского музея (табл. IX, 2).

Нумизматы, издававшие подобные монеты, располагали протому коня горизонтально, но при этом тунец оказался бы изображенным строго по вертикали, головой вниз. Такое размещение изображений может показаться неудачным, но пример Кизика и других греческих городов, на монетах которых рыба помещена в качестве дополнительного небольшого изображения рядом с основным монетным типом, показывает, что в такой композиции нет ничего невозможного. Хотя тунец на кизиких чаще всего располагается горизонтально, служа своеобразной базой для человеческих и звериных фигур и голов, он изображен в некоторых случаях и близко к вертикали за спиной воинов или за затылком божеств без всякой сюжетной связи с ними⁸. Еще более убедительные аналогии дают те статеры и гекты Кизика, на которых тунец помещен за обрезом протомы крылатой или обычной львицы⁹, за обрезом протомы барана¹⁰ либо за обрезом шеи той же львицы¹¹ или козла¹². Правда, продольная ось тела рыбы отклоняется в этих случаях от вертикали, так что и на тирасской монете голова лошади должна быть несколько приподнята, как это и естественно для скачущего животного.

Влияние кизикской монетной типологии на монеты Тирь не ускользнуло от внимания нумизматов¹³, и публикуемая монета является еще одним тому доказательством. Это влияние сказалось не только в композиции, но и во включении в состав монетного типа изображения тунца, эмблемы Кизика. Пантикапейские мастера в аналогичных случаях проявили больше самостоятельности: воспроизводя протому грифона с кизикских электровых монет¹⁴, они заменили помещенного под нею тунца осетром¹⁵. В другом случае, используя в качестве образца серебряные монеты Кизика¹⁶, они поступили аналогично¹⁷. Тирасские монетчики помещают на своих монетах бегущего коня, голова которого известна в близкое время и на других монетах Тирь, кизикийны с протомой или головой коня неизвестны.

Ранние монеты Тирь с различными изображениями лошадей интересны тем, что дают возможность уловить связи ее художественных традиций с городами Западного Понта, Фракии и Македонии. Лошадиные протомы, к примеру, изображались на монетах

Маронеи¹⁸, одрисского правителя Спарадока¹⁹, пеонского династа Авдолеона²⁰ и македонского царя Александра I²¹. Двойные протомы скачущих друг за другом лошадей помещали на своих монетах томиты²², а соединенные обрезками двойные протомы можно найти на монетах Перинфа²³. Среди монет этого региона имеются и образцы изображения лошадиных голов, также помещавшихся на монетах Тиры²⁴. А. Н. Зограф объясняет этот круг образов как «отражение образа жизни окружавших город скотоводческих племен» и даже видит в них «воспоминание о первоначальном скотоводческом быте первых поселенцев»²⁵. Согласиться с таким заключением трудно. Монетные типы Тиры, основанной позже других греческих городов Северного Причерноморья, носят вторичный характер и в них скорее можно видеть результат заимствования из других центров, приступивших к выпуску монет гораздо раньше Тиры. Косвенным подтверждением служат находки в Тире фракийских монет, известные еще А. Н. Зографу и умножившиеся в последнее время.

2. *Л. с.* Голова Афины в шлеме, вправо. Колос в прямоугольном клейме.

Об. с. Сова, сидящая на колосе. Надпись $\begin{matrix} \Gamma \Upsilon \\ \text{P A} \end{matrix}$.

Медь. В. 2,98 г, д. 17—18 мм. Такие монеты известны²⁶ (табл. IX, 3).

Клеймо такого вида ставилось в Тире на обращавшихся в городе стертых римских монетах²⁷, а также на сравнительно мало изношенных монетах с именем и изображением Домициана²⁸, так что время его наложения приходится на первые десятилетия II в. н. э., когда Тира не выпускала своей монеты. Отсюда следует, что в указанное время в городе еще обращались разменные монеты эллинистического времени, насчитывавшие не менее двух столетий. О длительном обращении публикуемого экземпляра свидетельствует сильная изношенность, в результате которой уменьшился первоначальный вес (известные А. Н. Зографу монеты этого типа весят 3,82 и 3,45 г, так что надчеканенный экземпляр потерял в весе от 14 до 22%).

3. *Л. с.* Поверхность монеты стерта, прежние изображения неразличимы.

Об. с. Изображения стерты, на поверхности кружка имеются раковины и овальное клеймо с изображением лошадиной головы, вправо.

Медь. В. 2,55 г, д. 17—20 мм (табл. IX, 4).

Монета найдена в Белгороде-Днестровском, и поскольку изображение в клейме близко напоминает лошадиные головы на ранних монетах Тиры²⁹, его можно с большей вероятностью отнести к числу тирасских надчеканок. Время наложения клейма относится скорее всего ко II или к I в. до н. э.

4. Л. с. Мужская голова с длинными, ниспадающими на шею волосами, вправо. Позади надпись ΤΥΡΑΝΩΝ.
Об. с. Стилизованный венок, в нижней части заключенного в нем поля—шаровидное возвышение. В венке надпись, размещенная в четырех строках — ΙΕΡΑ/ΣΣΓΝΚ/ΛΗΤΟ/Υ (буквы ΛΗ на шаре).
Медь. В. 12,80 г, д. 25—26 мм (табл. IX, 5).

Монета не издана и во многих отношениях примечательна. Мужская голова на аверсе изображает аллегорическую фигуру — олицетворение римского сената, что подтверждается надписью на реверсе — ΙΕΡΑΣ ΣΥΝΚΑΝΤΟΥ. Такое изображение входит в группу широко распространенных монетных типов, включающую также олицетворения Рима, местных городских советов и народных собраний провинциальных городов с соответствующими надписями — ΙΕΡΑ ΒΟΥΛΗ, ΙΕΡΟΣ ΔΗΜΟΣ³⁰. Изображение римского сената, считавшегося и в эпоху принципата верховным органом государства, сопровождается надписями ΙΕΡΑ ΣΥΝΚΑΝΤΟΣ, ΘΕΑ ΣΥΝΚΑΝΤΟΣ или ΣΥΝΚΑΝΤΟΣ, распространилось со второй четверти I в. н. э. на монетах городов провинции Азии, объединившей Мизию, Фригию, Ионию, Лидию и Карию, и продержалось в качестве монетного типа до прекращения городской чеканки в годы кризиса III в. н. э.³¹ При этом необходимо отметить, что монеты с таким изображением не выпускали города других провинций, так что издаваемая монета Тиры не имеет прямых аналогий среди монет городов Нижней Мезии, в Ольвии или Херсонесе.

Тирасские монеты с олицетворением сената относятся ко времени, предшествующему восстановлению тирасских монетных эмиссий при Домциане. Типологически и стилистически изображенный на них венок имеет некоторое сходство с венками на крупной меди Малой Азии и Боспора, чеканенной при Августе³². Еще большее сходство обнаруживается при сравнении с монетами Херсонеса, также имеющими изображение безбородой головы на аверсе и венка на реверсе³³. Эти монеты А. Н. Зограф датировал первой половиной³⁴, В. А. Анохин — сначала первой³⁵, а в дальнейшем второй четвертью I в. н. э.³⁶ Последнее определение представляется нам более верным, так как и херсонесская медь с венком, и рассматриваемая херсонесская монета изображают мужскую голову примерно так, как ее изображали на точно датированных монетах Херсонеса второй половины сороковых годов I в. н. э.³⁷ Поэтому и монеты Тиры следует с наибольшей вероятностью относить к последним годам Тиберия или к началу правления Клавдия, то есть к 30—45 гг. н. э.

Относя выпуск ранее неизвестных псевдоавтономных монет Тиры к указанным десятилетиям, мы вправе рассматривать этот факт как указание на тесную связь этого города с Римом еще до принятия особой эры (в 57 г. н. э.), то есть до официального призна-

ния верховной власти империи³⁸. Эмиссия монет с изображением сената показывает, что Тира признала эту власть раньше, чем была принята новая городская эра. В то же время монеты с изображением сената позволяют предполагать, что Тира поддерживала близкие и добрососедские отношения с городами римской провинции Азии, и притом опять-таки задолго до того, как этот отдаленный город был включен в состав провинции Нижней Мезии и ознаменовал это событие первой эмиссией городских монет с портретом и именем императора Домициана, осуществившего раздел ранее единой Мезии накануне решающей войны с даками³⁹.

5. *Л. с.* Голова Августа, вправо. Перед лицом надпись CAESAR AUGUSTUS, часть надписи за затылком (TRIBUNIC POTEST) стерта.

Об. с. Круговая надпись (С. CASSIUS) CELER III VIR (A. A. A. F. F.), начало и конец стерты. В центре большие буквы SC, от которых сохранились только нижние части. Поверх буквы С буквы TYP в небольшом прямоугольном клейме.

Медь. В. 9,90 г, д. 25,5—27 мм. Монета стерта (табл. IX, 6).

Монета представляет собою асс, выпущенный в Риме при Августе⁴⁰. Монетный триумвир Гай Кассий Целер осуществлял эмиссию в 22 г. до н. э.⁴¹ Надчеканка TYP известна в Тире на сестерциях и дупондиях императора Клавдия⁴². Клеймение римских монет в Тире связывают с вводом в город римских войск, приведшим к признанию римского суверенитета и с принятием новой тирасской эры в 57 г. н. э.⁴³ Публикуемый асс показывает, что клеймение распространялось на все номиналы римской разменной монеты, находившиеся в обращении и попадавшие в город во время указанных событий.

6. *Л. с.* Задрапированный женский бюст, вправо. От первоначальной круговой надписи различимы буквы AGR внизу за бюстом и буквы CGERM над головой. За затылком причеканено прямоугольное клеймо с буквами TYP, перед лицом другое — с буквами QVA, и отдельно в поле стоит энглифическое клеймо в виде буквы А.

Об. с. Поверхность монеты стерта и изрыта раковинами, прежние изображения и надписи не различаются.

Медь (аурихалк). В. 23,85 г, д. 33 мм (табл. IX, 7).

Перед нами сильно изношенный и поврежденный сестерций Агриппины-старшей, внучки Августа, супруги Германика, матери императора Гая Калигулы. Полная надпись на аверсе заключала ее имя и указание на родственные связи — она читалась AGRIPPINA M F MAT C GERMANICI CAESARIS, Агриппина, дочь Марка (подразумевается известный полководец Марк Випсаний Агриппа, женатый на дочери Августа Юлии), мать Гая Германика Цезаря (то есть Калигулы). Такие сестерции чеканились после смерти Агриппины, скончавшейся в 33 г. н. э., уже в годы

правления Клавдия, брата ее мужа. Реверс рассматриваемой монеты не дает возможности установить, к какой разновидности монет Агриппины принадлежит данный экземпляр, но можно полагать, что к самой распространенной. В таком случае на реверсе в центре поля стояли большие буквы SC, а в круговой надписи заключалось имя и титул императора Клавдия⁴⁴.

В Тире известны надчеканенные сестерции и ассы Клавдия, причем на первых кроме клейма TYP зарегистрировано второе, которое А. Н. Зограф считал римским и понимал как обозначение дупондия⁴⁵. Клеймо QVA тоже римское⁴⁶, но надчеканка А поставлена, по-видимому, в Тире. Она встречается и на недавно найденном в городе сестерции Клавдия⁴⁷ и означает, как можно предполагать, что сильно стертые римские монеты были в конце концов приравнены к одной счетной единице — ассарию⁴⁸.

7. *Л. с.* Бюст безбородого Коммода в лавровом венке, вправо; вокруг надпись АΥΤ. Κ. Α. ΑΥΡ. ΚΟΜΟΔΟΣ. Точечный ободок.

Об. с. Стоящая Афина в шлеме и длинной одежде, прямо; голова повернута влево. В протянутой правой руке богиня держит чашу, в левой копьё и щит. ΤΥΡΑΝΩΝ. Точечный ободок.

Медь. В. 2,60 г, д. 17 мм (табл. IX, 8).

Монеты с изображением Афины достоинством в полтора ассария были впервые выпущены в составе серии монет, чеканенных при Антонине (на них помещался портрет молодого Марка Аврелия)⁴⁹, и А. Н. Зограф считал, что такой номинал появился снова лишь в числе монет второй серии Коммода⁵⁰. На публикуемом экземпляре император представлен без бороды и носит еще личное имя Луция, то есть монета входит в первую серию Коммода, выпущенную в начале его правления (на монетах второй серии император изображается с бородой и носит имя Марка)⁵¹. Таким образом первая серия Коммода включала тетрассарии, дупондии, а также монеты достоинством в полтора и один ассарий, а во второй серии к ним прибавился трессис.

8. *Л. с.* Голова Септимия Севера в лавровом венке, вправо; вокруг надпись ΑΥΚΑΣΕΠΤΙΣΕΥΗΡΟΣΙ. Точечный ободок. Перед головой внизу виноградная гроздь в ромбовидном клейме.

Об. с. Стоящий Геракл, вправо. Правой рукой опирается на палицу, в левой, через которую перекинута львиная шкура, три яблока. ΤΥΡΑΝΩΝ и в поле знак ценности Δ.

Медь. В. 5,65 г, д. 22 мм (табл. IX, 9).

Такие монеты известны⁵², но на публикуемом экземпляре имеется надчеканка времени Севера Александра, зарегистрированная, впрочем, на других сестерциях (тетрассариях) Септимия Севера той же второй серии⁵³.

9. Л. с. Бюст Севера Александра в лавровом венке, панцире и плаще, вправо. Вокруг надпись, но различаются лишь отдельные буквы. Точечный ободок. По обе стороны головы одинаковые ромбовидные клейма с изображением виноградной грозди.

Об. с. Кибела на троне, влево, в поле, направо внизу, полумесяц и восьмиконечная звезда. TVPANΩN и знак ценности Δ. Медь. 8, 12 г, д. 23 мм (табл. IX, 10).

Такие монеты известны без клейм⁵⁴ или с одним⁵⁵. С двумя не публиковались. Сами клейма на данном экземпляре несколько отличаются от опубликованных (табл. IX, 11)⁵⁶: виноградная кисть изображена крайне схематично — отдельные ягоды неразличимы, толстый черенок не прослеживается далее начала грозди, которая отделена пустым пространством от границ клейма, а не примыкает к ним. Не лишено значения, что оба клейма наложены так, что черенки гроздей параллельны вертикальной оси, тогда как во всех других случаях они направлены перпендикулярно к оси кружка. Если обычные клейма наложены в краткий период правления Максимиана⁵⁷, то принимая во внимание, что жизнь Тире не прекратилась при этом императоре⁵⁸, можно полагать, что публикуемое клеймо появилось на монетах Тире при Гордиане III.

¹ Фурманская А. И. Клад монет из Тире. — НСФ, 1963, 1, с. 76—86; Анохин В. А. Клад монет начала III в. н. э. из Тире. — SCN, 1975, 6, с. 63—67; Карышковский П. О., Коциевский А. С. Античные монеты из раскопок Тире. — В кн.: Античная Тира и средневековый Белгород. Киев, 1979, с. 88—98.

² Карышковский П. О. Заметки по нумизматике античного Причерноморья. — ВДИ, 1960, № 3, с. 132—134; Загинайло А. Г., Нудельман А. А. Дороцкий клад древнегреческих серебряных монет IV в. до н. э. — МАСП, 1971, 7, с. 122—137.

³ МТ, с. 68, № 15.

⁴ Там же, с. 68, № 16.

⁵ AMDM, 1, Taf. XII, 13; МТ, табл. II, 2; ОКМ, табл. X, 8.

⁶ *Gel Chr. Kleine Beiträge zur antiken Numismatik Südruflands*. Moskau, 1886, Taf. I, 3; ОКМ, табл. X, 27. А. Н. Зограф очевидно прав, считая, что монета Гелла была посеребрена (МТ, с. 68, прим. 5).

⁷ Орешников А. В. Каталог собрания древностей гр. А. С. Уварова. М., 1887, 7, табл. I, 1.

⁸ TMGR, 1, pl. 7, 3, 4; 2, pl. 173, 1, 4; 174, 9, 10; 175, 40.

⁹ *Ibid.*, 1, pl. 7, 19; 2, pl. 176, 34.

¹⁰ *Ibid.*, 2, pl. 177, 21.

¹¹ *Ibid.*, 1, pl. 7, 35.

¹² *Ibid.*, 2, pl. 177, 17, 18.

¹³ МТ, с. 20—23; АМ, с. 112.

¹⁴ TMGR, 2, pl. 176, 14—16.

¹⁵ АМ, табл. XL, 18; МДБ, табл. V, 57; ОКМ, табл. XIX, 32.

¹⁶ TMGR, 2, pl. 178, 16—26.

¹⁷ АМ, табл. XLII, 1; МДБ, табл. V, 61; ОКМ, табл. XX, 70—71.

¹⁸ Мушмов Н. А. Античные монеты на Балканский полуостров. София, 1912, табл. XXII, 23; XXIV, 3—8; LII, 10—14, 16.

¹⁹ Там же, табл. XXVI, 9.

- ²⁰ Там же, табл. LXI, 7.
- ²¹ Там же, табл. LIV, 19.
- ²² Там же, табл. III, 9, 29;
- ²³ *Мушмов Н. А.* Указ. соч., табл. XXVI, 1.
- ²⁴ МТ, табл. I, 11—12 (АМ, табл. XXVIII, 6; AMDM, 1, Taf. XII, 11—12; ОКМ, табл. X, 6, 7). Подобные головы известны на монетах Мароней (*Мушмов Н. А.* Указ. соч., табл. XXII, 24; LI1, 15), на монетах уже упомянутого царя Александра (там же, табл. LIV, 16, 24, 25), а также на монетах правителей Малой Скифии (*Canarache V.* Monetele scitilor din Dobrogea.— SCIV, 1957, № 1, pl. V, 24; VII, 31, 33, 34).
- ²⁵ МТ, с. 49; АМ, с. 111.
- ²⁶ МТ, с. 73—74, № 31, табл. III, 7.
- ²⁷ МТ, с. 121, № 126 (4), табл. IV, 3.
- ²⁸ МТ, с. 78—80, № 45 (2—7, 10, 12, 17), 46 (ОКМ, табл. XI, 33), 47 (1, 2, 5, 7—11, 13, 14, 16—18); табл. IV, 6 (АМ, табл. XXVIII, 22; ОКМ, табл. XI, 33).
- ²⁹ МТ, табл. I, 11, 12; табл. II, 3.
- ³⁰ АМ, с. 72, 83.
- ³¹ HN, p. 914—915, 920 (Хэд приводит под соответствующими рубриками около ста названий городов Малой Азии, чеканивших монеты с олицетворением римского сената).
- ³² АМ, табл. XLV, 1, 2.
- ³³ АМ, табл. XXXVII, 7; МДХ, табл. XIV, 213, 214; ОКМ, табл. XVI, 91.
- ³⁴ АМ, с. 156—157.
- ³⁵ *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса I—III вв. н. э.— ИЭ, 1963, 4, с. 17, 55—56. Аналогичные монеты меньшего размера автор считал отдельным номиналом и датировал их второй четвертью I в. н. э.
- ³⁶ МДХ, с. 63, 149.
- ³⁷ АМ, табл. XXXVII, 12; МДХ, табл. XIV, 215—218; ОКМ, табл. XV, 44; XVI, 92.
- ³⁸ *Моммзен Т.* История Рима. М., 1949, 5, с. 265; эту точку зрения разделял А. Н. Зограф (МТ, с. 32).
- ³⁹ *Карышковский П. О.* Из истории Тира в I—II вв. н. э.— МАСП, 1971, 7, с. 158.
- ⁴⁰ RIC, 1, p. 67, № 81, pl. IV, 63; CBM, Roman empire, 1, p. 34, № 169, pl. XIX, 19; CBM Roman republic, 2, p. 59, № 4506—4507, pl. LXV, 6.
- ⁴¹ RIC, 1, p. 66; по Бабелону его чеканка датируется 15 г. до н. э. (*Babelon E.* Description historique et chronologique des monnaies de la république romaine. Paris, 1886, 2, p. 337).
- ⁴² МТ, с. 121, № 125—126, табл. IV, 1—3; АМ, табл. XXVIII, 24.
- ⁴³ МТ, с. 31—32.
- ⁴⁴ RIC, 1, p. 132, № 85, pl. IX, 135; CBM, Roman empire, 1, p. 194, № 219, pl. XXXVII, 1.
- ⁴⁵ МТ, с. 31—32; АМ, с. 114.
- ⁴⁶ CBM, Roman empire, 1, p. XXXV.
- ⁴⁷ *Карышковский П. О., Коцевицкий А. С.* Указ. соч., с. 96, № 86.
- ⁴⁸ Там же, с. 92.
- ⁴⁹ МТ, с. 84—85, № 53, табл. V, 3 (АМ, табл. XXIX, 3; AMDM, 1, Taf. XII, 26; ОКМ, табл. XI, 36).
- ⁵⁰ МТ, с. 37; с. 92, № 62, табл. V, 12 (ОКМ, табл. XI, 51).
- ⁵¹ МТ, с. 38.
- ⁵² МТ, с. 95, № 68, табл. VI, 4 (АМ, табл. XXIX, 8; AMDM, 1, Taf. XIII, 1; ОКМ, табл. XI, 55).
- ⁵³ МТ, с. 95, № 69 (2); ОКМ, табл. XI, 57.
- ⁵⁴ МТ, с. 117, № 114 (1, 4, 5), табл. X, 2.
- ⁵⁵ МТ, с. 117, № 114 (2, 3); ОКМ, табл. XII, 76.
- ⁵⁶ Лучшее изображение такого клейма: AMDM, 1, Taf. XIII, 5.
- ⁵⁷ МТ, с. 43; АМ, с. 120.
- ⁵⁸ *Крыжицкий С. Д., Клейман И. Б.* Раскопки Тира в 1963 и в 1965—1976 гг.— В кн.: Античная Тира и средневековый Белгород. Киев, 1979, с. 53—

54; *Клейман И. В.* Стратиграфия культурного слоя городища Тиря — Белгорода. — Там же, с. 70—71; *Кравченко Н. М., Корпусова В. М.* Деякі риси матеріальної культури пізньоримської Тирі. — *Археологія*, 1975, 18, с. 20—42.

А. А. НУДЕЛЬМАН

РИМСКАЯ МОНЕТА В МЕЖДУРЕЧЬЕ ДНЕСТРА, ПРУТА И ДУНАЯ

В течение двух последних десятилетий советские археологи и нумизматы накопили и обработали огромный материал о находках римских монет на территории СССР. В трудах ученых выявлены роль и значение, а также намечены основные закономерности распространения римских монет на территории Восточной Европы¹. Не исключая возможности разнородных источников поступления римских монет на «варварские» земли, В. В. Кропоткин убедительно доказал, что римские монеты, являясь прежде всего следствием торговых сношений «варваров» с римским миром, выполняли в разных областях своего распространения различные функции в зависимости от уровня социально-экономического развития населения того или иного региона. Он обратил внимание на то, что в районах черняховского ареала, расположенного вблизи лимеса, денежное обращение было интенсивнее, чем в областях, удаленных от римских провинций, где хождение римских монет имело более ограниченное значение, обслуживая межплеменную торговлю. Вместе с этим В. В. Кропоткин подчеркнул, что в рассматриваемую эпоху денежное обращение в «варварской» среде находилось на первоначальной ступени своего развития, когда функции денег еще не получили всех необходимых предпосылок для подъема, и расширения ареала своего воздействия на экономику и социальный уклад соответствующих племен².

Изучая находки римских монет специально на территории Днестровско-Прутского междуречья, Э. А. Рикман вслед за В. В. Кропоткиным пришел к выводу, что римские монеты, будучи единственным видом денег, являлись не только «международной валютой» своей эпохи, но выполняли у населения указанного региона также и роль средства внутреннего денежного обращения. Вместе с этим Э. А. Рикман отметил, что хотя денежное обращение в среде «варварского» мира и в античных центрах Причерноморья имело сходные черты, сопоставление монетных находок первого и второго рода отчетливо показывает, что интенсивность обращения в городах была значительно выше, тогда как в местной среде наряду с обращением римской монеты существовала и играла немалую роль чисто меновая торговля³. М. А. Тиханова, не считающая возможным признать наличие у племен всего черняховского ареала развитого денежного обращения, допускает тем не менее возможность использования римских монет во внутренней торговле приднестровских племен⁴. С другой стороны, Г. Б. Фе-

доров, признающий в принципе наличие денежного обращения среди племен Днестровско-Прутского междуречья, существенно ограничивает значение этого вывода, полагая, что обращение римской монеты играло здесь в общем незначительную роль⁵.

В данной статье ставится цель уточнения наблюдений над процессом эволюции денежного обращения на территории, ограниченной Днестром, Прутом и Нижним Дунаем. Для этого необходим по возможности полный учет монетных находок I—IV вв. н. э. на всей указанной территории (за исключением Тыры и прибрежных поселений римского времени). В настоящее время мы располагаем данными о 1108 монетах (табл. 1), тогда как в сводках В. В. Кропоткина учтено 454 монеты, а Э. А. Рикмана—553.

Таблица 1. Общие данные о находках римских монет в междуречье Днестра, Прута и Нижнего Дуная⁶

Характер находки	Распределение найденных монет по металлу								
	Кол-во					Соотношение, %			
	З	С	М	?	Всего	З	С	М	Всего
Клады	18	740	56	—	814	2,21	90,90	6,88	100
Единичные находки	10	167	107	10	294	3,52	58,80	37,67	100
Итого	28	907	163	10	1108	2,55	82,60	14,84	100

В соответствии с предложенной В. В. Кропоткиным терминологией⁷ из 25 кладов римских монет, найденных на территории рассматриваемого региона, десять (Бендеры-Варница, Будей-Оргеев, Калинешты, Кириланы, Кишинев I, Ларга, Лукашевка, Переможное, Сарацей, Спя — из них известно 742 монеты) могут быть условно отнесены к категории достоверных, а тринадцать (Банновка, Бельцы, Бранешты, Выпасное, Кишинев II, Кременчуг, Малкоч, Тараклия, Тирасполь, Протягайловка-Бендеры, Сороки, Цибирика, Шабо — из них определено 72 монеты) должны быть признаны малодостоверными. Два клада (Приднестровский и Хотинский) следует считать недостоверными (монеты из них неизвестны).

По периодам тезаврации и по роду металла достоверные и малодостоверные клады содержали следующие монеты (табл. 2). Рассмотрим состав кладов по каждому периоду тезаврации.

Из четырех достоверных кладов II в. н. э. два содержали монеты I и II вв. н. э., а два — только монеты II в. н. э. В одном находились денарии от Августа до Антонина Пия, во втором — от Веспасиана до Септима Севера, в третьем — только Антонина Пия, а в четвертом были денарии от Антонина Пия до Коммода, причем первые составляли абсолютное большинство монет.

Что касается монет, происходящих из четырех малодостоверных кладов этой хронологической группы, то из двух были опре-

Таблица 2. Римские монеты из кладов, найденных в междуречье Днестра, Прута и Нижнего Дуная

Период тезауризации	Достоверные клады					Малодостоверные клады					Итого по векам	
	Кол-во кладов	Кол-во монет по металлу				Кол-во кладов	Кол-во монет по металлу				Моне- ты	%
		з	с	м	Всего		з	с	м	Всего		
II в.	4	—	381	—	381	4	1	22	—	23	404	49,63
III в.	2	—	156	—	156	5	—	31	13	44	200	24,57
IV в.	4	13	149	43	205	4	4	1	—	5	210	25,80
Итого	10	13	686	43	742	13	5	54	13	72	814	100

делены только денарии Антонина Пия, из третьего — денарии от Траяна и до Марка Аврелия, а четвертый клад известен по единственной монете — ауреусу Траяна. Таким образом, три клада не могли быть зарыты ранее времени Антонина Пия. Состав достоверных кладов свидетельствует, что на территории региона нет ни одного клада, зарытого ранее периода правления того же императора, то есть ранее 40 и 50-х годов II в. н. э.

Обратимся к составу кладов второй хронологической группы. Оба достоверных клада III в. н. э. содержали монеты предшествовавших веков: один состоял из денариев от Веспасиана до Септимия Севера (при этом абсолютное большинство монет приходится на правления Антонина Пия и Марка Аврелия), а второй — от Гальбы до Юлии Домны.

Недостоверные клады этой группы содержали в одном случае римские денарии и тирасские медные монеты от Адриана до Юлии Домны, в другом — также серебряные и медные монеты от Коммода до Юлии Мезы. Из третьего клада известны только серебряные монеты Каракаллы. Наконец, в двух последних кладах засвидетельствовано наличие серебряных монет Севера Александра и последующих правителей до Филиппа Араба включительно.

Состав кладов второй хронологической группы подтверждает факт анахронического обращения монет I и II вв. до первой трети следующего столетия и показывает, что на территорию региона не проникали монеты второй половины III в. н. э.

О чем свидетельствуют клады последней хронологической группы?

Четыре достоверных клада IV в. н. э. распадаются на две хронологически четко разграниченные подгруппы. Первая состоит из трех кладов с кратким периодом накопления — два содержат серебряные монеты Констанция II, а третий — бронзовые монеты от Константа I до Юлиана Отступника. Все три клада зарыты в 60-х годах IV в. н. э., что особенно важно, все три обнаружены на поселениях черняховского времени. Ко второй подгруппе относится клад золотых солидов Грациана и Гонория, зарытый, по-видимому, в самом конце IV или в начале V в. н. э.

Из золотых монет состояли и три малодостоверных клада этого периода, из них собрано лишь три солида Феодосия I и один — Аркадия. Таким образом, малодостоверные клады, зарытые в конце IV или в первые годы следующего столетия, должны быть отнесены ко второй хронологической подгруппе этой группы.

Из данных о кладах третьей хронологической группы можно заключить, что все они накопились в течение кратких периодов, причем клады догуннского времени состояли из серебряных и бронзовых монет, а в гуннское время население стремилось тезаврировать исключительно золотые солиды.

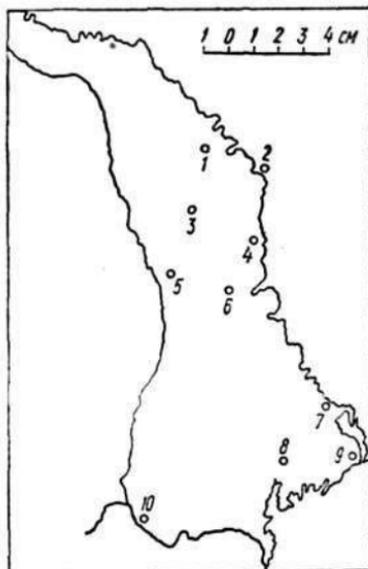
Совокупность сведений о всех кладах рассматриваемой эпохи показывает, что массовое проникновение римских монет на территорию между Днестром, Прутом и Нижним Дунаем имело два этапа. Первый этап охватывает II — первую половину III в., а второй этап относится к периоду от второй трети IV в. до начала следующего. Полное отсутствие монет римской республики, которые составляли значительную часть реально обращавшейся монетной массы вплоть до конца I в. н. э.⁸, показывает в свою очередь, что тезаврация римских монет началась не ранее второй четверти II в. н. э.

Для более полного представления о проникновении римских монет на занимающую нас территорию необходимо принять во внимание также единичные находки. Последние по составу подразделяются на пять хронологических групп: к первой относятся республиканские монеты, а к остальным четырем — соответственно монеты I, II, III и IV вв. н. э.

Первая хронологическая группа состоит из двух ближе не определенных монет — денария и ауруса. Так как чеканка золотой монеты в значительном количестве началась только при Цезаре и была продолжена триумвирами, можно предположить с большой вероятностью, что ауреус принадлежал последним годам республики, а полное отсутствие ранних (и вообще каких-либо) республиканских денариев позволяет с некоторыми колебаниями допустить, что и денарий был не старше I в. до н. э. В связи с этими находками следует признать, что высказывавшееся мнение, что оноло рубежа новой эры в Днестровско-Прутское междуречье стала поступать римская серебряная монета, причем именно республиканский денарий⁹, представляется необоснованным. Напомним для сравнения, что на территории смежного Прутско-Карпатского региона зарегистрировано три клада, состоявших из денариев Римской республики (213 экз.) и девять кладов, в которых денарии республики (1160 монет оригинальной римской чеканки и 28 местных подражаний) находились вместе с денариями Августа и Тиберия. Республиканские денарии составляли большинство монет и в четырех кладах, зарытых при Веспасиане. Наконец, в Прутско-Карпатском регионе зарегистрировано 89 единичных находок республиканских монет второй

Рис. 1. Находки римских монет эпохи республики и I в. н. э.

1 — Палайка, 2 — Строенцы, 3 — Мыдрешты, 4 — Вышкауцы, 5 — Ниспорены, 6 — Кишинев, 7 — Тудорово, 8 — Заря, 9 — Шабо, 10 — Орловка.

половины I в. н. э., примерно половина которых обнаружена на синхронных монетам поселений¹⁰. Таким образом, приходится признать, что проникновение республиканских денариев ограничивалось правым берегом Прута, а в Днестровско-Прутское междуречье стали проникать только монеты императорской чеканки и притом, по-видимому, их массовое поступление следует относить ко II в. н. э. (рис. 1).

Вторая хронологическая группа единичных находок римских монет на территории между Днестром, Прутом и Нижним Дунаем представлена 14 экземплярами (среди них 9 серебряных и 5 бронзовых монет). Из этого числа одна серебряная монета неопределена и две нелокализованы; четыре денария и одна медная монета этой группы происходят с территории трех поселений. Наибольшее количество определенных монет (6 экземпляров) принадлежат времени Веспасиана. Значение этих данных видно из сопоставления с одновременными находками в Прутско-Карпатском регионе. Здесь отмечено наличие 14 кладов (1243 монеты), причем пять из них найдены на одновременных поселениях, и кроме того к категории единичных находок принадлежат 324 экземпляра монет (рис. 2)¹¹.

Отсутствие на территории Днестровско-Прутского междуречья археологических комплексов, датируемых I в. н. э., и синхронных им монетных кладов, а также недостаточно показательное количество монетных находок не позволяет относить время поступления монет из единичных находок второй хронологической группы в пределы региона ко времени их эмиссии. Равным образом наличие монет I в. в составе кладов, зарытых в следующем столетии, делает вероятным предположение об анахроническом обращении этих монет и о проникновении их на территорию Днестро-Пруто-Дунайского треугольника вместе с монетами II и III вв. н. э. Самую многочисленную группу единичных находок римских монет на рассматриваемой территории составляют монеты третьей хронологической группы. Из 134 экземпляров 114 (85,07%) составляют денарии, на долю бронзы приходится 19 монет (14,18%), золотая монета всего одна (0,74%). Из состава этой группы 23 экземпляра денариев и 6 бронзовых монет найдены на девяти

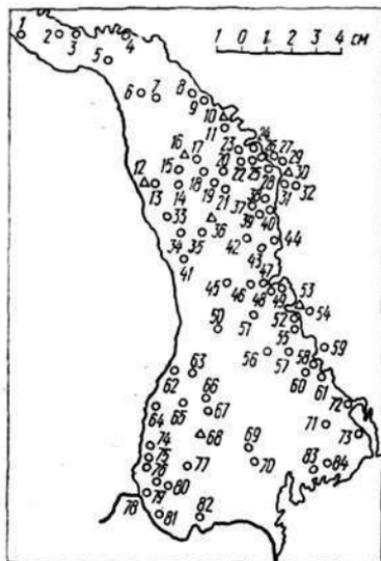

Рис. 2. Находки римских монет II в. н. э.

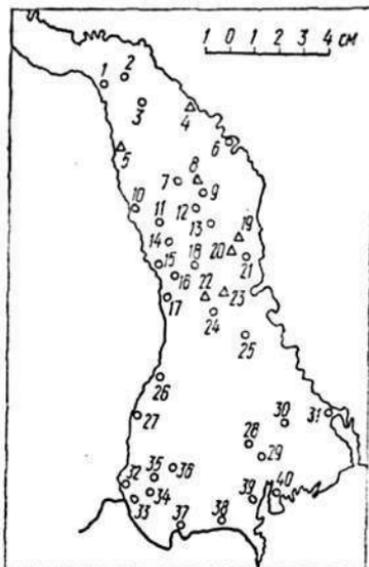
- 1 — Чернобыль, 2 — Недобоевцы, 3 — Хотин, 4 — Комаров, 5 — Глинка, 6 — Единцы, 7 — Русины, 8 — Изворы, 9 — Кременчуг, 10 — Сорочи, 11 — Инуиды, 12 — Калишевы, 13 — Старый Албинец, 14 — Глижины, 15 — Белеуцы, 16 — Бельцы, 17 — Трифанешты, 18 — Вали Норокулуй, 19 — Разелы, 20 — Ион Водэ, 21 — Казанешты, 22 — Шестачи, 23 — Николаевка, 24 — Сенатовка, 25 — Салчия, 26 — Кот, 27 — Стросны, 28 — Поина, 29 — Вадул Туркулуй, 30 — Сарацей, 31 — Рыбница, 32 — Лыса гора, 33 — Пырлица, 34 — Темелеуцы, 35 — Паулешты, 36 — Цибурика, 37 — Курлены, 38 — Городище, 39 — Шарканы, 40 — Лалова, 41 — Варзарешты, 42 — Лукашовка, 43 — Старый Орхей (Требуженки), 44 — Оксентия, 45 — Данчены, 46 — Белешты, 47 — Балцата, 48 — Верхняя Балцата, 49 — Малаешты (Криулянский р-н), 50 — Гыртоп, 51 — Балцац, 52 — Гура Быкулуй, 53 — Спей, 54 — Малаешты (Григориопольский район), 55 — Бендеры, 56 — Салкуца, 57 — Каушаны, 58 — Чинишеуцы, 59 — Слободзея, 60 — Чобручи, 61 — Раскаецы, 62 — Антоновка, 63 — Вишненна, 64 — Куркоара, 65 — Киселия, 66 — Бешалма, 67 — Баурчи, 68 — Тараклия, 69 — Главаны, 70 — Ташлык, 71 — Кривая балка, 72 — Паланка, 73 — Переможное, 74 — Кодибаш, 75 — Брызна, 76 — Валены, 77 — Болград, 78 — Рени, 79 — Чышмыкной, 80 — Этулия, 81 — Орловна, 82 — Измайл, 83 — Желтый яр, 84 — Безымянка.

различных поселениях черняховского времени, а 8 денариев и одна бронзовая монета входили в состав погребального инвентаря и происходят из четырех могильников. В этой группе не локализовано 13 монет (9,70%) и не определено 14 (10,44%). Определенные монеты распределяются по времени чеканки следующим образом: 15 экземпляров (12,50%) принадлежат Траяну, 19 (15,83%) — Адриану, 34 (28,33%) — Антонину Пию, 38 (31,66%) — Марку Аврелию и 8 (6,66%) — Коммоду. Из этого можно заключать, что приток римских монет на территорию Днестро-Бугского междуречья начался при Траяне и достиг своего апогея при Антонине и Марке. Время Коммода является эпохой заметного сокращения поступления римских монет. Следует добавить, что основную массу находок составляют серебряные монеты, то есть денарии (рис. 3).

К четвертой хронологической группе единичных монетных находок принадлежат 59 монет. Половину из них (30 экземпляров и соответственно 50,85%) составляют серебряные, но бронзовые лишь незначительно отстают (27 монет или 45,76%); находки золотых монет уникальны (два экземпляра, то есть всего 3,38%). Из состава этой группы 7 экземпляров (одна золотая, 5 серебряных и одна бронзовая) обнаружены при раскопках шести поселений черняховского времени, одна серебряная монета происходит из погребального инвентаря. К сожалению, около 20% найденных монет не удалось локализовать с полной определенностью (6 серебряных и столько же бронзовых). Из определенных

Рис. 3. Находки римских монет
III в. н. э.

1 — Костачены, 2 — Ларга, 3 — Грушевы,
4 — Корпач, 5 — Калара-шовка, 6 — Кух-
нешты, 7 — Старые Радудяны, 8 — Радоал,
9 — Казанешты, 10 — Куйзовка, 11 —
Бучушка, 12 — Строенцы, 13 — Мынтра,
14 — Лопатна, 15 — Братулены, 16 — Ма-
нарешты, 17 — Кристешты, 18 — Трушены,
19 — Гидичич, 20 — Селиште, 21 — За-
гайканы, 22 — Коржово, 23 — Ялуг, 24 —
Бендеры (Варница и Протягайловка), 25 —
Тирасполь, 26 — Токуз, 27 — Надречное,
28 — Александровка, 29 — Колибаш, 30 —
Кышлица Прут, 31 — Джурижулешты, 32 —
Доляисное (Анадол), 33 — Орловка, 34 —
Болград, 35 — Банновка, 36 — Островное,
37 — Ташлык, 38 — Николаевка-Ново-
российская, 39 — Выпасное, 40 — Шабо,
41 — Беленькое.

монет 5 экземпляров (8,47%) принадлежат Септимию Северу, 7(11,86%) — Каракалле. Почти четверть всех находок (13 монет — 22,03%) выпущены при Гордиане III. Сравнительно многочисленны также монеты Филиппа Араба (7 экз. — 11,86%) и Диоклетиана (столько же). Прочие монеты распределяются по одному экземпляру между несколькими другими императорами эпохи кризиса (рис. 4).

Характер единичных находок этой группы показывает, что поступление римских монет фактически прекратилось после Филиппа и лишь незначительно оживилось при Диоклетиане. При этом приток бронзовых монеты заметно увеличился по сравнению с предыдущим периодом.

Пятая группа состоит из 75 единичных монетных находок. По составу и по времени чеканки в ней отчетливо различаются две подгруппы. К первой относятся 69 монет — 13 (18,84%) серебряных и 56 (81,15%) бронзовых. 16 экземпляров этой подгруппы происходят с пяти поселений черняховского времени. Из определенных монет главную часть составляют монеты Константина (10 экземпляров — 14,49%) и его сыновей — Константина Младшего (6 монет — 8,69%), Константа I (3 монеты — 4,34%) и Констанция II (29 монет — 42,02%). Вторая подгруппа состоит только из золотых монет и представлена шестью солидами Грациана, Феодосия (4 экз.) и Аркадия. Эти данные позволяют заключить, что в IV в. н. э. приток монет сначала возрастает, притом преимущественно за счет бронзовых монет, и достигает наивысшего уровня при Констанции, непосредственно перед нашествием гуннов. В последней четверти века поступление бронзовых и серебряных монет прекращается, но на территории региона появляются, хотя и в небольшом числе, золотые солиды.

Сопоставляя монеты из кладов с единичными монетными находками, мы имеем возможность констатировать, что римские монеты

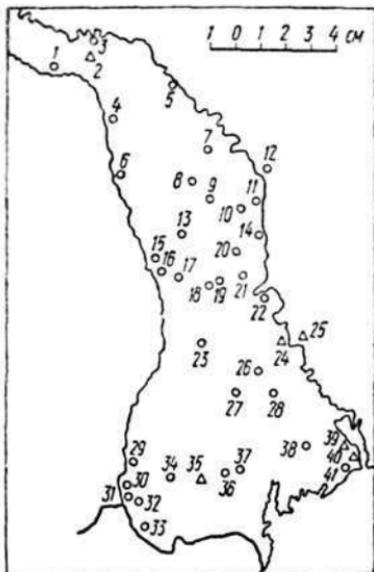

Рис. 4. Находки римских монет
IV в. н. э.

- 1 — Перерыта, 2 — Михайлыны, 3 — Русины, 4 — Кременчуг, 5 — Бранешты, 6 — Немировка, 7 — Коада Язулуй, 8 — Кириллы, 9 — Пепены, 10 — Горешты, 11 — Бумбага, 12 — Шешты, 13 — Сухулчены, 14 — Темелеуцы, 15 — Макарешты, 16 — Юрчаны, 17 — Котул Морий, 18 — Ворничаны, 19 — Будей, 20 — Лукашовка, 21 — Старый Орхей (Требунены), 22 — Малюк, 23 — Кишинеу, 24 — Костешты, 25 — Бульбоака, 26 — Антоновка, 27 — Кукоара, 28 — Теплица, 29 — Павловка, 30 — Надежда, 31 — Паланка, 32 — Кышлак Прут, 33 — Долинское (Анадол), 34 — Этудия, 35 — Суворово, 36 — Болград, 37 — Йамал, 38 — Килия, 39 — Нерушай, 40 — Саксык Кудук.

обращались на территории Днестро-Пруто-Дунайского треугольника с первых десятилетий II в. н. э. до рубежа IV—V вв. н. э. Во II и в первой трети III в. сюда проникали преимущественно серебряные монеты, но в первой половине и в середине IV в. на

первое место выдвигается бронзовая монета, а в последней четверти большинство находок составляют золотые монеты. В количественном отношении больше всего монет поступало в эпоху Антонина Пия и Марка Аврелия, а затем во времена Констанция II.

Хотя нанесение мест находок кладов и единичных монет на карту покрывает почти всю рассматриваемую территорию, монетные находки на местах синхронных поселений черняховского времени немногочисленны. Это особенно заметно при сопоставлении соответствующих данных с ареалом распространения римских импортных изделий, что может свидетельствовать об относительно слабом развитии процесса денежного обращения среди населения Днестровско-Прутского междуречья в первой половине I тысячелетия н. э.

¹ Кротоцкий В. В. Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н. э. М., 1967; Кротоцкий В. В. К вопросу о развитии товарного производства и денежных отношений у племен черняховской культуры. — В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970, с. 148—160; Кротоцкий В. В. Из истории денежного обращения в Восточной Европе в I тыс. н. э. — СА, 1958, № 2, с. 279—285. В 1961 г. В. В. Кротоцкий издал капитальную сводку данных о находках римских монет в Восточной Европе (КРМ), дополненную впоследствии новыми сведениями (Кротоцкий В. В. Новые находки римских монет в СССР. — ИЭ, 1966, 6, с. 74—102); Тизанова М. А. К вопросу об обмене и торговле в эпоху черняховской культуры. — КС ИА, 1974, 138, с. 66—73; Рикман Э. А. Денежное обращение у племен Днестро-Прутского междуречья в первые века н. э. — ИЭ, 1971, 9, с. 98—102).

² КРМ, с. 5, 35; Рикман Э. А. Указ. соч., с. 99—100; Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н. э. — МИА, 1969, № 89, с. 84.

- ³ Рикман Э. А. Указ. соч., с. 99; Рикман Э. А. Этническая история населения Поднепровья и прилегающего Подунавья в первых веках н. э. М., 1975, с. 231.
- ⁴ Тизанова М. А. Указ соч., с. 72.
- ⁵ Федоров Г. Б. Римские и ранневизантийские монеты на территории Молдавской ССР.— *Omaginei lui S. Daicoviciu. București*, 1960, с. 187; Федоров Т. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья, с. 84.
- ⁶ В таблицу не вошли клады (Переможное, Сарацей, Хотин), количество монет в которых не установлено.
- ⁷ Кропоткин В. В. Новые находки римских монет в СССР, с. 74; Кропоткин В. В. Экономические связи Восточной Европы, с. 37.
- ⁸ *Bolin S. State and currency in the Roman empire to 300 A. D. Stockholm*, 1958, p. 336—339, tabl. 1—2.
- ⁹ Рикман Э. А. Денежное обращение у племен Днестро-Прутского междуречья, с. 100; Рикман Э. А. Этническая история населения Поднепровья и прилегающего Подунавья, с. 232.
- ¹⁰ *Mihăilescu-Bîrliba V. Moneda romană la răsărit de Carpați.— Memoria antiquitatis*, 1970, 2, p. 326; *Chitescu M. Citeva tezaurе monetare romane republicane din Moldova.— Carpica*, 1971, 4, p. 159—162; *Mitreă B. Moneda republicană romană și unitateа lumii geto-dace.— In: Unitate și continuitate în istoria popurului român. București*, 1968, p. 53—64.
- ¹¹ *D. Protase. Problema continuității în Dacia în lumina arheologiei și numismaticei. București*, 1966, p. 82—102; *Mihăilescu-Bîrliba V. Legaturile dintre lumea romană și populațiile «barbare» de la est și nord de Carpații Răsăriteni. Автореф. докт. дисс. București*, 1975, p. 5—7. Ср. литературу, указанную в предыдущем примечании.

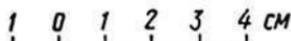
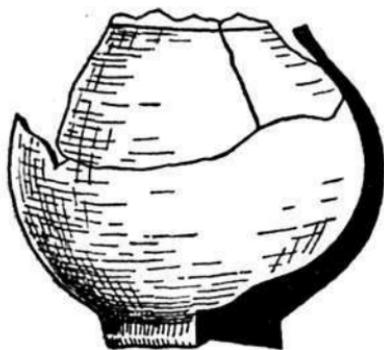
Р. Д. БОНДАРЬ

НАХОДКА БРОНЗОВЫХ МОНЕТ АНТОНИНА ПИЯ В ОРЛОВКЕ

В августе 1976 г. во время проведения раскопок на древнем поселении Каменная гора у с. Орловка Ренийского р-на Одесской обл. в 6—7 м от оборонительной стены был открыт жилой комплекс, состоявший из двух наземных помещений. Между жилым комплексом и оборонительной стеной, на расстоянии 4 м от последней был обнаружен находившийся в культурном слое на глубине 0,68 м от современной дневной поверхности светлоглиняный сосуд (рисунок). Горло сосуда было отбито еще в древности, а внутри его находились три бронзовые монеты.

Жилые помещения, вблизи которых была обнаружена находка, несут следы пожара, довершившего разрушение этого комплекса. Основной датирующий материал последнего представлен фрагментами краснолаковой керамики, светлоглиняных узкогорлых амфор и других изделий, относящихся ко II в. н. э. Учитывая, что жилой комплекс сгорел, мы считаем возможным рассматривать связанную с ним монетную находку как небольшой клад, спрятанный его обитателями в критический момент неподалеку от жилья.

Находившиеся в сосуде монеты принадлежат римской чеканке: одна из них — асс с изображением и именем императрицы Фаус-

Сосуд, в котором находились монеты Антонина Пия и Фаустины.

тины Старшей, супруги Антонина Пия (табл. X, 3). На реверсе— фигура богини Весты с палладиумом и скипетром. Монета обычная¹, подобные ей чеканились в сороковых и пятидесятых годах II в. н. э. и не поддаются более точной датировке. Зато две другие монеты — дупондии Антонина Пия — принадлежат к редкой разновидности (их нет, к примеру, в богатом собрании Британского музея). На реверсе их изображена богиня Аннона на троне, а указание на 19 год трибунской власти императора свидетельствует о том, что они были выпущены в 155/56 г. н. э. (табл. X, 1, 2)².

Находка римских бронзовых монет на одном из поселений нижнедунайского лимеса приобретает еще большее значение, если проследить политическую ситуацию на этом участке римского пограничья в конце правления Антонина Пия. До недавнего времени в научной литературе безраздельно господствовало сложившееся еще в XIX в. представление о сравнительно мирном и спокойном времени правления этого императора. Теперь от него необходимо отказаться, так как археологические и нумизматические материалы, подробно исследованные на северных границах провинций Норика и Паннонии Р. Ноллем, а применительно к дакийскому лимесу М. Кицеску³, позволяют сделать вывод, что на дунайской границе империи еще до начала Маркоманских войн сложилась тревожная ситуация. Римская военная администрация проводила во второй половине правления Антонина Пия передислокацию воинских частей, осуществляла строительство новых кастелей и укрепленных лагерей и т. п. В литературе специально отмечается, что в это время наблюдается и усиление процесса тезаврации, так как в обстановке назревающего военного конфликта естественно усиливается тенденция к припрятыванию накоплений⁴.

Небольшой клад из Орловки, тезаврированный, судя по отличной сохранности обоих дупондиев Антонина Пия, непосредственно следом за их выпуском, то есть во второй половине 50-х годов II в. н. э., относится к тому же времени, когда значительно возрастает количество кладов римских монет как на территории Дакки, так и в Днестро-Прутском междуречье. Это позволяет предполагать, что тревожная ситуация распространялась в эти годы и на нижнедунайский участок лимеса.

¹ RIC, 3, p. 168, № 1179; DHMER, 2, p. 421; № 111; CBM. Roman empire, 4, p. 253, № 1582.

- ¹ RIC, 3, p. 144, № 956. Козн знает подобный экземпляр только по старинному каталогу коллекции Вичай в Хедерваре (Венгрия), причем из описания не видно, идет ли речь о дуплондин или об ассе (DHMER, 2, p. 365, № 986).
- ² Noll R. Zur Vorgeschichte der Markomannenkriege.— Archäologia Austriaca, 1954, 14, S. 43—67; Chițescu M. Tezaurе romane ascunse pe vremea lui Antoninus Pius în Dacia.— SCIV, 1971, 22, № 3, p. 401—410.
- ⁴ Chițescu M. Op. cit.; Mitrea B. Contribuții numismatice la istoria triburilor daco-getice din Moldova în a doua jumătate a sec. al II-lea e. n.— SCIV, 1956, 7, № 1/2, p. 162, 165—166.

Ю. Г. РОЗУМЕНКО

КЛАД АНТОНИНИАНОВ ИЗ БОЛГРАДСКОГО РАЙОНА

Весной 1977 г. во время полевых работ на землях колхоза им. Карла Маркса, в нескольких километрах от с. Васильевка Болградского р-на Одесской обл. был найден небольшой глиняный сосуд («кувшинчик»), наполненный монетами. Сколько всего было монет, установить не удалось, но в момент находки их осталось несколько десятков, сосуд был выброшен. Дальнейшие поиски не производились.

В феврале 1978 г. 11 монет из этой находки были доставлены в Одессу для определения, но их не удалось ни взвесить, ни снять с них эстампажи или слепки. Однако все монеты были бегло определены — они оказались эмиссиями Римской империи второй четверти III в. н. э. ¹ В сентябре того же года уже другим лицом были доставлены для определения еще четыре монеты из той же находки, причем два экземпляра полностью соответствовали двум монетам из числа доставленных в первый раз, хотя это были несомненно другие. Таким образом, общее количество монет из Васильевского клада, ставших известными, не превышает полутора десятков. Из их числа две монеты являются поздними денариями, остальные принадлежат к числу так называемых антонинианов, выпуск которых начался при Каракалле (в 214 г.). Все монеты изготовлены из низкопробного серебряного сплава.

По времени выпуска известные монеты из Васильевского клада охватывают первые десятилетия кризиса III в. Они распределяются по отдельным правлениям следующим образом ²: Север Александр (222—235 гг.) — 2 экз., Гордиан III (238—244 гг.) — 4 экз., Филипп Араб (244—249 гг.) — 2 экз., Отацилия Севера — 1 экз., Филипп Младший — 1 экз., Траян Деций (249—251 гг.) — 3 экз., Требониан Галл (251 — 253 гг.) — 2 экз.

Хотя клад из Васильевки при строгом подходе должен быть отнесен к категории «малодостоверных» ³, он все же представляет значительный интерес. Если исходить из того, что в нем были представлены монеты тех же римских императоров, как и в его

изученной части, то придется признать, что он отражает важный этап проникновения римской монеты в Северо-Западное Причерноморье.

Можно считать установленным, что поступление римских серебряных монет на территории, заселенные восточноевропейскими племенами, достигает наибольшего размаха в середине и во второй половине II в. и остается достаточно интенсивным еще в первых десятилетиях III в., то есть до самого наступления кризиса⁴. Большинство кладов, зарегистрированных на территории европейской части СССР, открывается денариями Нерона или Веспасиана и состоит главным образом из монет Антонинов и Септимия Севера. Клады первой четверти III в. обрываются обычно на монетах Севера Александра, но в них всегда содержатся более или менее изношенные в процессе обращения денарии II в.⁵ Специально для Днестро-Прутского междуречья наибольшее количество находок приходится также на II в.,⁶ а самые поздние клады заканчиваются монетами Коммода⁷ или Септимия Севера⁸.

В отличие от этого клад из Васильевки открывается денариями Севера Александра и состоит в основном из антонинианов начала денежного кризиса, причем все эти монеты, независимо от их номинала, изготовлены фактически из биллона. Клады таких низкопробных серебряных монет встречаются значительно реже, чем клады денариев. Если оставить в стороне так называемый Эрмитажный клад, место и обстоятельства обнаружения которого неизвестны⁹, а также единичные клады из отдаленных областей Восточной Европы — из Прибалтики¹⁰, Поволжья¹¹ или из Крыма¹², — то на всей территории СССР можно назвать только два клада аналогичного состава, происходящих из Молдавии. Один из них найден в 1961 г. в Протягайловке, на окраине Бендер. Условия находки и количество монет Протягайловского клада не установлены, определено из него 12 экземпляров — денарий Севера Александра, девять антонинианов Гордиана III и два Филиппа Араба¹³. Другой клад найден в 1968 г. недалеко от места обнаружения первого, на берегу Днестра в окрестностях Тирасполя. Монеты, количество которых приближалось к 400, заполняли красноглиняный кувшин, но удалось определить только 11 — денарий Севера Александра, шесть антонинианов Гордиана III и четыре Филиппа Араба¹⁴. К сожалению, не представляется возможным установить, относится ли к той же группе также и клад, происходящий из Банновки (Измайльский р-н Одесской обл.), — из него известны лишь два денария Каракаллы¹⁵, которые могут быть и наиболее ранними, и самыми последними монетами клада.

Если на территории Восточной Европы клады из Васильевки, Бендер и Тирасполя не находят себе точных соответствий¹⁶, то при сравнении их состава складами римских монет из смежных придунайских провинций империи выявляется специфический характер этой группы монетных находок. В пограничных районах

Римского государства клады периода кризиса III в. распадаются на две группы, разделительная грань между которыми совпадает с началом правления Гордиана III (июль 238 г.). Клады первой трети III в., заканчивающиеся монетами его предшественников, состоят в основном из денариев, тогда как в кладах, последние монеты в составе которых принадлежат Гордиану III, обоим Филиппам или Волузиану, сыну и соправителю Требониана Галла (251—253 гг.), обнаруживается резкое преобладание низкопробных антонинианов¹⁷. Этот факт находит себе объяснение в том, что пока в обращении находилось достаточное количество высокопробных денариев, население придунайских провинций отдавало полное предпочтение этому традиционному виду государственной монеты. Однако со времени Гордиана III выпуск денариев был свернут, так что население оказалось вскоре перед необходимостью воплощать свои накопления в антонинианах, которые с самого начала их эмиссии не пользовались популярностью, поскольку их официальный обязательный курс значительно превышал их металлическую стоимость¹⁸. Эта же общая картина наблюдается и в других пограничных зонах Римской империи¹⁹, так что нет ничего удивительного в том, что клады, происходящие с территории, где вплоть до третьей четверти III в. ощущалось реальное и разностороннее влияние Рима²⁰, отражают общие закономерности процесса денежного обращения периода надвигающегося кризиса.

- ¹ Осмотр и определение первой группы монет были выполнены П. О. Карышковским.
- ² Определены по литературе и взвешены только четыре монеты, доставленные в университет в сентябре 1978 г.: а) денарий Севера Александра (в. 3, 16 г.) — RIC, 4, p. 89, № 254 (табл. X, 4); б) антониниан Гордиана III (в. 4, 40 г.) — RIC, 4, p. 23, № 70 (табл. X, 5) (второй такой же антониниан находился в первой группе, просмотренной в феврале 1978 г.); в) антониниан Филиппа Младшего (в. 4, 58 г.) — Ibid., p. 97, № 230 (табл. X, 6); г) антониниан Требониана Галла (в. 4, 00 г.) — Ibid., p. 163, № 37 (табл. X, 7) (второй такой же экземпляр был в первой группе).
- ³ Кропоткин В. В. Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н. э. М., 1967, с. 37.
- ⁴ Там же, с. 38—40; КРМ, с. 17—18.
- ⁵ КРМ, с. 32—33, табл. 9.
- ⁶ Рикман Э. А. Денежное обращение у племен Днестровско-Прутского междуречья в первых веках н. э. — НЭ, 1971, 9, с. 100; ТК, с. 14.
- ⁷ Анохин В. А. Клад монет начала III в. из Тирь. — SCN, 1975, 6, с. 63, табл. 1; с. 65, № 5.
- ⁸ Фурманская А. И. Клад монет из Тирь. — НСФ., 1963, 1, с. 77, табл. 1; с. 82, № 27—31; второй клад происходит из Варницы (КРМ, с. 94, № 1343; ТК, с. 56, № 18).
- ⁹ КРМ, с. 109, № 1685. Весьма вероятно, что этот «клад» содержит монеты, найденные в разное время и не в одном месте.
- ¹⁰ Клады из Дандале (КРМ, с. 101, № 1470), Икшкиле (там же, с. 102, № 1473) и Янаполе (Кропоткин В. В. Новые находки римских монет в СССР. — НЭ, 1966, 6, с. 96, № 190/1903/).
- ¹¹ Клад из с. Красный кут, Саратовской обл. — КРМ, с. 46—47, № 205.

- ¹² Клады из Керчи (КРМ, с. 64, № 609) и из с. Долинное близ Бахчисарая (Пиоро И. С., Герцен А. Г. Клад антонинианов из с. Долинное, Крымской обл. — НСФ., 1974, 5, с. 81—90).
- ¹³ ТК, с. 56, № 17.
- ¹⁴ Там же, № 16.
- ¹⁵ Карышковский П. О. Находки римских монет в Одесской обл. — КС ОАМ за 1961 г., 1963, с. 62, № 1.
- ¹⁶ Ближайший по составу и месту находки клад из с. Долинное (примеч. 12) содержал антонинианы Каракаллы (2 экз.), Гордиана III (55 экз.), Филиппа Араба (38 экз.), Отацилии (6 экз.), Филиппа Младшего (2 экз.), Деция (11 экз.), Этрусциллы (1 экз.) и Деция Младшего (4 экз.). Керченский клад был тезаврирован уже позже, в разгар кризиса он включает монеты Галлиена (КРМ, с. 64, № 609; *Golenko K. Le trésor d'antoniniani de Kertch.* — RN, 1973, 15, p. 290—299).
- ¹⁷ *Protase D. Tezaurezarea antoninianului in Dacia.* — SCN, 1958, 2, p. 262, tabl. sinoptic.
- ¹⁸ *Ibid.*, p. 263—264.
- ¹⁹ *Ibid.*, p. 266.
- ²⁰ Рикман Э. А. Этническая история населения Поднепровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1975, с. 195—205.

Г. А. ДЗИС-РАЙКО

ГИРЯ ИЗ НАДЛИМАНСКОГО ГОРОДИЩА

В 1972 г. при раскопках земляночного жилища на городище у с. Надлиманское на восточном берегу Днестровского лимана была найдена свинцовая гиря. Землянка датируется амфорными клеймами рубежа IV и III в. до н. э.¹ Гиря была обнаружена на глубине 0,55 м от устья земляночной ямы в слое грунта, заполнившего жилище, когда оно перестало функционировать по назначению.

Гиря представляет собой квадратный брусок со стороной 4,4 см, толщина бруска 1 см. На одной из сторон высоким рельефом изображен дельфин, плывущий влево, вниз по диагонали поверхности гири. Ниже фигуры дельфина помещена рельефная надпись АГОР и несколько ниже, но в той же строке — буква Н. Над хвостом дельфина имеется также рельефное числовое обозначение — буква *ni* с укороченной правой мачтой, а внутри последней, слегка правее центральной оси, буква *дельта*. Из-за поврежденности поверхности это обозначение читается значительно хуже, чем буквы под дельфином (рисунок). Обратная сторона гири лишена изображений и надписей. Вес гири 230,2 г. На одном из ребер имеется небольшая зарубка.

Исследователи античной метрологии склонны считать изображения на гирях эмблемами соответствующих центров. Изображение дельфина считают характерным для приморских городов, а его расположение по диагонали — типичным для Аттики². В Ольвии дельфин располагается на гирях горизонтально, параллельно ее сторонам³. Полагают также, что эмблематика могла

заменять на гирях обозначение их номинала. Дельфин на аттических гирях обычно указывает на то, что гиря представляет собой мину или ее половину. В последнем случае, впрочем, изображали иногда только половину дельфина⁴.

Обратимся к определению весового номинала публикуемой гири. Вес ее — 230,2 г — может соответствовать в послесолоновской еврейско-аттической весовой системе половине мины с превышением идеального веса (мина — 436 г) до 5,5%. Такое отклонение от нормы не является чем-то исключительным — еще в конце прошлого века были известны аттические гири, превышающие норму не только в пределах до 5% (12 гирь), но даже до 10% (7 гирь)⁵. Это явление подтверждается позднейшими публикациями: из трех аттических гирь весом в одну мину, описанных Л. И. Чуистовой, две слишком тяжелы⁶. Изданная В. Цежковской аттическая мина с изображением дельфина из Народного музея в Варшаве весит 460,9 г⁷.

О номинале гири из Надлиманского можно судить и по имеющимся на ней надписям. Над дельфином стоит знак, обозначающий 50⁸, в данном случае 50 драхм, то есть полмина. Аналогичное сокращение имеется на гире из Нимфея, которая весит 256,95 г и которую несмотря на это считают контрольной⁹.

Надпись под дельфином следует рассматривать как состоящую из двух частей. Первая часть АГОР(ΑΙΑ) подчеркивает, что указан именно торговый вес. Такие надписи, полные или сокращенные, характерны для многих аттических гирь¹⁰. Вторая часть надписи — смещенная по отношению к строке несколько вниз буква Η — содержит, надо полагать, сокращение слова Η/ΜΙΣΥ (половина) и подтверждает, что перед нами полумина. Такое уточнение понадобилось, быть может, в связи с тем, что на гире изображен целый дельфин, а не его половина.

Таким образом, найденная в 1972 г. свинцовая гиря является официальной контрольной гирей еврейско-аттической весовой системы, в которой она является половиной основной единицы торгового веса, предназначенной для розничной торговли, то есть мины. Наличие аттической гири на городище в слоях конца IV или начала III в. до н. э. вполне согласуется с другими

Свинцовая гиря из городища у с. Надлиманское.

находками предметов аттического производства и отражает усиление роли Афин в системе экономических связей Нижнего Поднепровья в эллинистическое время. Публикуемая гиря — первая находка такого рода на Надлиманском городище и может, как представляется, рассматриваться как доказательство того, что этот населенный пункт был немаловажным торговым центром своего региона.

- ¹ Даус-Райко Г. А. Землянка из Надлиманского городища. — В кн.: Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1978, с. 173—182.
- ² Pernice E. Griechische Gewichte. Berlin, 1894, S. 16—17; Cieskowska-Marciniak W. O greckich i rzymskich wagach i miarach. — Meander, 1956, № 1/2, s. 51; Moisl C. Ponduri inedite sau putin cunoscute din Istria, Callatia si Tomi. — SCN, 1957, 4, p. 251—252, fig. 11; Чуистова Л. И. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье. — АИБ, 1962, 2, с. 31, 36.
- ³ Каришковский П. И. Про державний устрій Ольвії. — УІЖ, 1973, 2, с. 98—101.
- ⁴ Pernice E. Op. cit., passim.
- ⁵ Ibid., S. 52.
- ⁶ Чуистова Л. И. Указ. соч., с. 31, № 76 и 77.
- ⁷ Cieskowska-Marciniak W. Op. cit., s. 54, fig. 4.
- ⁸ TMGR, 1, col. 722.
- ⁹ Грач Н. Д. Свинцовые гири из Нимфея и некоторые вопросы боспорской весовой метрологии. — Труды ГЭ, 1976, т. 17, вып. 5, с. 183—200.
- ¹⁰ Pernice E. Op. cit., S. 56; S. 97, № 96; S. 121, № 265, 266; S. 164—165, № 598, 599; Cieskowska-Marciniak W. Op. cit., s. 52; Чуистова Л. И. Указ. соч., с. 148, табл. XXIII; Блаватский В. Д. О пантикапейской весовой системе. — СА, 1955, 23, с. 202.

А. М. ТАРАДАШ

КАМЕЯ ТРАЯНА ИЗ СОБРАНИЯ ОДЕССКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В нумизматической коллекции Одесского музея хранится несколько античных резных камней, среди которых выделяется своими размерами и необычным художественным решением камня с изображением императора Траяна¹. Она поступила в собрание Одесского общества истории и древностей как дар его действительного члена И. И. Куриса 3 ноября 1867 г.² Шестьдесят лет спустя — в 1916 г. — камень был издан. Задача, поставленная при публикации, была узкой и формулировалась вполне четко: установить правильность отождествления изображенного персонажа с императором Траяном, то есть подтвердить или опровергнуть определение, сделанное И. И. Курисом при передаче камня в музей и традиционно сохранявшееся в документации Одесского общества³.

Указав на несомненное общее сходство изображенного лица с рядом скульптурных портретов Траяна, с эрмитажной камеей

и с монетами, издатель пришел к выводу, что на камее такой величины может быть изображен только император и что иконографические признаки представленного на ней персонажа очень близки к достоверным портретам Траяна⁴.

Действительно, одесская камея довольно велика (5,9 × 4,5 см) и резные камни такого размера встречаются не часто. Она имеет овальную форму и изготовлена из слегка просвечивающего одноцветного коричневого камня сердоликовой породы (определение В. Ф. Петруца). На ней находится погрудное изображение пожилого мужчины в венке и в панцире. Изображение фронтально, голова слегка повернута вправо. Блестящая, хорошо отполированная поверхность делает камею очень эффектной. Судя по фаске, она не была в употреблении и не вставлялась в оправу.

Изучение камней, определение ее места в античной глиптике приводят к неожиданным заключениям. Прежде всего, становится понятным, почему издатель, введя памятник в круг портретов Траяна, затруднялся в определении конкретного оригинала, послужившего для резчика моделью, — для одесской камней характерно весьма существенное различие между фасовым и профильным изображениями. В фас представлен старый, утомленный человек со слегка опущенными углами безвольных губ (табл. XI), в профиль перед нами предстает суровый, властный полководец (табл. XII). Фас вместе с тем близок ранним портретам Траяна, когда его изображали скорее полководцем, чем императором, тогда как профиль ближе к портрету Мюнхенской глиптотеки, относящемуся ко второй половине правления Траяна, когда стиль времен республики оказывал влияние на скульптуру и когда это влияние наиболее ярко выразилось в портретах самого императора⁵. Очень вероятно, что в основу одесской камней положен портрет из Лувра, но построение головы, лепка формы не только отличны от луврской скульптуры, но вообще не характерны для античной глиптики как вида искусства. Мастер не лепит голову императора объемами, а движется от построенного им плоскостного изображения, постепенно обрабатывая и совершенствуя профиль. Это лишает камею художественной цельности, приводя к разрыву или во всяком случае к резкому различию между образами, воплощенными в фасовом и в профильном портретах.

Тенденциозное стремление подчеркнуть «медальность» профиля, выявить его близость к монетным изображениям Траяна отчетливо проступают в жесткой проработке носа и подбородка. Акцентируя внимание на передаче профиля, резчик не проявил особенного таланта при воспроизведении фасового портрета — он широко расставил глаза, сместил скулы, прочертил щеки тремя морщинами, между тем как обычно скульпторы выделяли полные щеки Траяна лишь носогубными складками. Непластично и излишне дробно переданы морщины на лбу, насечки на рельефных бровях. Непонятна узкая рельефная линия, объеди-

няющая нижние концы ниспадающих на лоб прядей волос. Довольно небрежно проработан венчик, волосы на голове кажутся незаконченными и это резко контрастирует с тщательно, но ремесленному исполненным панцирем. В результате профильные изображения удачны и выразительны, но фасовый портрет отличается вялостью и безжизненностью.

Стилистические особенности камеи таковы, что она, вообще говоря, не могла быть создана ранее второй половины II в. н. э., то есть до того времени, когда римские скульпторы и резчики начали прочерчивать зрачок. Создание камеи с изображением императора после его смерти в данном случае вполне возможно — «наилучший принцепс» Траян был популярной исторической личностью и его портреты репродуцировались на протяжении нескольких столетий.

Тем не менее, решение образа и техническое исполнение некоторых деталей камеи заставляет усомниться в ее античном происхождении. В этом отношении особенно показательна фибула, помещенная резчиком на правом плече императора поверх панциря. Никаких следов заброшенного за спину плаща, который должна была скалывать фибула, на камее нет, и более чем сомнительно, чтобы римский мастер изобразил фибулу просто в виде украшения на металлическом панцире. На камее удивительно «удачные» сколы: два крупных по сторонам головы и один на панцире. По ним можно проследить направление ударов, которые были явно нанесены так, чтобы не повредить главного изображения. Прослеживается это не только по расположению сколов, но и по круговым концентрическим отслоениям, образовавшимся от вертикально направленных ударов тупым тяжелым предметом.

При определении подлинности произведений античной глиптики необходимо принимать во внимание их историю, подтверждаемую по возможности достоверными документальными данными. Однако «биография» одесской камеи неизвестна. В архивах Одесского общества истории и древностей⁶ и лично И. И. Куриса⁷ нет никаких сведений об обстоятельствах ее приобретения и о прежних владельцах. Из письма секретаря Одесского общества Н. Н. Муракевича к И. И. Курису можно лишь заключить, что весной 1867 г. последний путешествовал по Италии, где между прочим приобретал монеты и античные вещи для своего собрания⁸. Вполне вероятно, что именно во время этого путешествия была приобретена камей, подаренная после возвращения музею Одесского общества. Следует иметь в виду, что увлечение «классическими древностями» не было у него единственным. И. И. Курис — крупнейший помещик, видный общественный деятель и увлеченный коллекционер, собирал не только «антики» и монеты, но также картины и гравюры, книги (особенно первые издания русских классиков) и автографы, антикварную мебель и старинную посуду⁹. Трудно судить, насколько высока была его компетентность в каждой из этих областей, но нельзя не подчеркнуть, что при

определении материала, из которого вырезана одесская камея, И. И. Курис допустил грубую ошибку¹⁰.

Одним из дополнительных, но немаловажных доводов в пользу того, что камея Траяна не относится к античному времени, следует признать то обстоятельство, что А. Фуртвенглер, который специально приезжал в Одессу для изучения резных камней, принадлежавших музею Одесского Общества, не включил ее в свой капитальный труд¹¹.

¹ Инв. № 52409.

² Одесский областной архив. Фонд 93, оп. 1, дело 4, л. 104.

³ *Варианте В. В.* Гемма Траяна. — Приложение к протоколу 447 заседания Одесского общества истории и древностей от 28 мая 1916 г. Одесса, 1916.

⁴ Там же, с. 15—16.

⁵ *Gross H.* Die Bildnisse Trajans. Berlin, 1940, Taf. 18—19. Пользуюсь случаем выразить искреннюю благодарность сотруднику Эрмитажа О. Я. Неверову за указание на этот труд и за дружескую помощь при написании настоящей работы.

⁶ Одесский областной архив. Фонд 93, оп. 1, дело 4.

⁷ Одесская областная научная библиотека им. А. М. Горького. Отдел рукописей, фонд 38.

⁸ Там же, ед. хр. 8, л. 1—2.

⁹ *Маркевич А. Н.* И. И. Курис (Некролог). — ЗООИД, 1900, 22, с. 79—81.

¹⁰ Он назвал камень ониксом.

¹¹ *Furtwängler A.* Die antiken Gemmen. Berlin — Leipzig, 1896, 1—3. Не лишне отметить, что М. И. Максимова также не считала камею античной.

В. Н. ГРЕБЕНКИН, А. Г. ЗАГИНАЙЛО

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ СТАТИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ МОНЕТНО-ВЕСОВЫХ СИСТЕМ

Традиционные нумизматические методы исследования монет, сложившиеся в рамках историко-филологического подхода к этому материалу, располагают способами классификации монетной метрологии на основе сравнительного изучения не только весовых, но также иконографических, типологических, стилистических и палеографических признаков, с учетом фактурных особенностей монетного кружка, а иногда с привлечением данных о составе монетного металла. Сочетание традиционных методов нумизматики позволило сделать ряд важных наблюдений, однако сегодня изучение монетно-весовых систем не может считаться завершенным, если для проверки и обработки метрологических данных не будут использованы также современные статистические методы, правильное применение которых основывается на соблюдении основных принципов проведения статистической процедуры. От того, насколько строго и последовательно соблюдены эти принципы, зависит и логическая, и историческая достоверность полученных результатов.

На современном этапе при проведении исследований принято различать три этапа использования статистических методов¹.

Первый этап — сбор первичных данных, то есть процесс фиксации результатов измерения числовых характеристик изучаемого монетного материала. В данном случае этот этап содержит мобилизацию и первоначальную систематизацию метрологических данных на базе применения традиционных методов нумизматического исследования. В результате мы получаем с точки зрения статистики некоторое множество числовых характеристик, представляющее собой выборку. Фиксация данных обо всех известных объектах рассматриваемого рода приводит в оптимальном случае к формированию генеральной совокупности монет определенного типа, номинала, центра или региона, наконец эпохи или периода.

Прежде чем приступить к сбору данных, необходимо решить ряд вопросов. Не говоря о том, что следует определить, какими признаками характеризуются отбираемые объекты, нужно установить, какие именно числовые характеристики будут фиксироваться и с какой точностью. Необходимо принять все меры к тому, чтобы осуществлялась фиксация данных только в границах подлежащей изучению категории материала и чтобы возможная двусмысленность и неоднозначность измерений была исключена. Это необходимо для того, чтобы избежать смещения собранной информации в сторону от принятых к измерению признаков. При сборе данных следует тщательно проверять, являются ли фиксируемые наблюдения характерными и существенными для изучаемого материала. Необходимо также не допускать смещения измерений, так как в противном случае выводы окажутся скорее всего неверными.

Второй этап — построение различного рода описательных статистик, предполагающий выражение собранных данных в виде таблиц, графиков, схем или рисунков. Это дает возможность наглядно представить характерные особенности изучаемой группы или серии монет и в то же время позволяет определить некоторые обобщенные характеристики, позволяющие высказать предварительные выводы об исследуемой выборке. К таким обобщенным характеристикам в данном случае относятся средние и итоговые веса, стандартные отклонения и т. п. Однако не следует упускать из виду, что на втором этапе исследования возможны лишь предварительные выводы об исследуемой совокупности. С точки зрения статистики все такие выводы оцениваются как гипотезы.

Третий этап, позволяющий сделать наиболее вероятные или даже достоверные окончательные выводы, требует обязательной проверки сформулированных на предыдущем этапе гипотез. Этот этап является наиболее важным в ходе статистического исследования. Ведь доступная исследователю совокупность монет является носителем неполной информации — нумизмат всегда имеет дело лишь с небольшой частью некогда выпущенных в обращение монет

определенного типа, номинала, центра или эпохи. По имеющимся в его распоряжении заведомо недостаточным данным он стремится тем не менее сделать заключение об особенностях и закономерностях, присущих всей совокупности данного вида материала. Статистика располагает методами, позволяющими исследователю с определенной степенью уверенности принимать одни и отклонять другие гипотезы на основании числовых характеристик доступной изучению совокупности монет. Эти методы позволяют проверять гипотезы или, как это выражают другими словами, обосновывают статистические методы принятия решений.

Проведение в ходе исследования всех трех этапов статистической процедуры является обязательным для получения правильных, достоверных выводов об особенностях и закономерностях, объективно присущих изучаемому материалу. Неполное, непоследовательное или недостаточно строгое проведение любого — и в особенности третьего, завершающего — этапа статистической процедуры приводит к неправильным и недостоверным выводам. В качестве примера такого рода выводов обратимся к конкретной статье Ст. Авдева, посвященной хронологической классификации монет на основании статистической обработки метрологических данных².

Автор статьи предпринимает попытку разделить на базе изучения кривой распределения весов известных ему монет болгарских царей Ивана Александра и Михаила Асеня все эти монеты на последовательные эмиссии и установить таким образом сначала относительную, а затем и абсолютную хронологию чеканки названных правителей древней Болгарии. Составив и изучив кривую распределения 121 веса, С. Авдев приходит к выводу, что на ней хорошо прослеживается наличие трех последовательных эмиссий со средними весами 1,5 г, 1,3 г и 0,9 г, и стремится привязать эти эмиссии к конкретным историческим датам.

При внимательном рассмотрении статьи Авдева можно убедиться, что автор правильно поставил задачу по комплексному применению исторических, нумизматических, метрологических и собственно статистических методов для всестороннего изучения хронологической последовательности эмиссий древнеболгарских монет, но не проявил последовательного применения провозглашенных им принципов. Так, несмотря на признание важности традиционных методов нумизматики³, автор использует эти методы явно недостаточно. Для работы привлечена только часть опубликованного монетного материала⁴, а на первом этапе исследования принята как сама собою подразумеваемая нигде не обоснованная гипотеза, согласно которой все рассматриваемые монеты принадлежат к одному номиналу. На этом шатком фундаменте построена вторая исходная гипотеза, принимающая весовые различия монет за основной фактор, однозначно определяющий их последовательность. Между тем даже из ранее опубликованных монет видно, что маловесные экземпляры имеют

также меньшие линейные параметры и чеканены различными штемпелями⁵. Поэтому непозволительно без всякой аргументации игнорировать существующее мнение о том, что среди исследуемых монет налицо два разных номинала⁶. Из этого ясно, что материал для статистической обработки подготовлен односторонне, так что выделение трех этапов чеканки со средними весами построено на очень зыбкой почве.

С другой стороны, при анализе составленного Авдевым графика весов и при снятии с него числовых характеристик обнаруживается, что автор ограничил статистическую процедуру двумя первыми этапами, то есть не осуществил статистической проверки своих гипотез. Если выполнить такую проверку на основании критерия Романовского⁷ и подвергнуть снятые с графика числовые характеристики надлежащей статистической обработке, мы придем к таким результатам: средний вес всей исследуемой автором группы — 1,41 г, стандартное отклонение — 0,24, критерий Романовского — 1,7. Такое значение критерия Романовского свидетельствует в данном случае о том, что исследуемая совокупность монет представляет собою выборку из генеральной совокупности с нормальным распределением. Следовательно, наличие вершин на графике с точки зрения статистики следует считать случайным отклонением от кривой нормального распределения. Другими словами, проверка гипотезы Авдева с помощью критерия Романовского показывает, что она несостоятельна. Используемый автором весовой материал не позволяет выделять отдельные эмиссии монет Ивана Александра и Михаила Асеня с помощью чисто статистической процедуры. Поэтому предложенная автором абсолютная хронология отдельных выпусков монет указанных царей⁸ является фактически произвольной, а сама возможность конкретных хронологических заключений путем статистической обработки метрологических данных оказывается в данном случае скомпрометированной неполным применением статистической процедуры.

⁵ Тернер Д. Вероятность, статистика и исследование операций. М., 1976, с. 132—133.

⁶ Авдев Ст. Метрологическо-статистически метод за определяне относителната хронология на монетосеченето.— Нумизматика, 1977, 3, с. 45—57.

⁷ Там же, с. 45.

⁸ Не использованы, к примеру, публикации кладов. См.: *Dusanic S. Nalaz srednovekovnog novce u Djerdapu.*— *Starinar*, 1970, 21, str. 83—112; *Isacescu E. Tezaurul de monede medievale de la Pacuiul lui Soare.*— *SCN*, 1971, 5, p. 345—353; *Рогова К.* Съкровище от средновековни български монети.— Музеи и паметници на културата, 1966, кн. 3, с. 2—4; *Мишев П.* Нова колективна находка на български монети от Иван Александър и сина му Михаил.— ИИИ БАН, 1934, 8, с. 441.

⁹ *Мишмов Н. А.* Монетите и печетите на български царе. София, 1924, с. 106—113.

⁶ *Metcalf D. M.* Some comments on the metrology of coins of Alexander and of Ioan Sratzimir.— *SCN*, 1975, 6, p. 130.

⁷ *Громяко Г. Л.* Статистика. М., 1976, с. 88.

⁸ *Авдев Ст.* Указ. соч., с. 56—57.

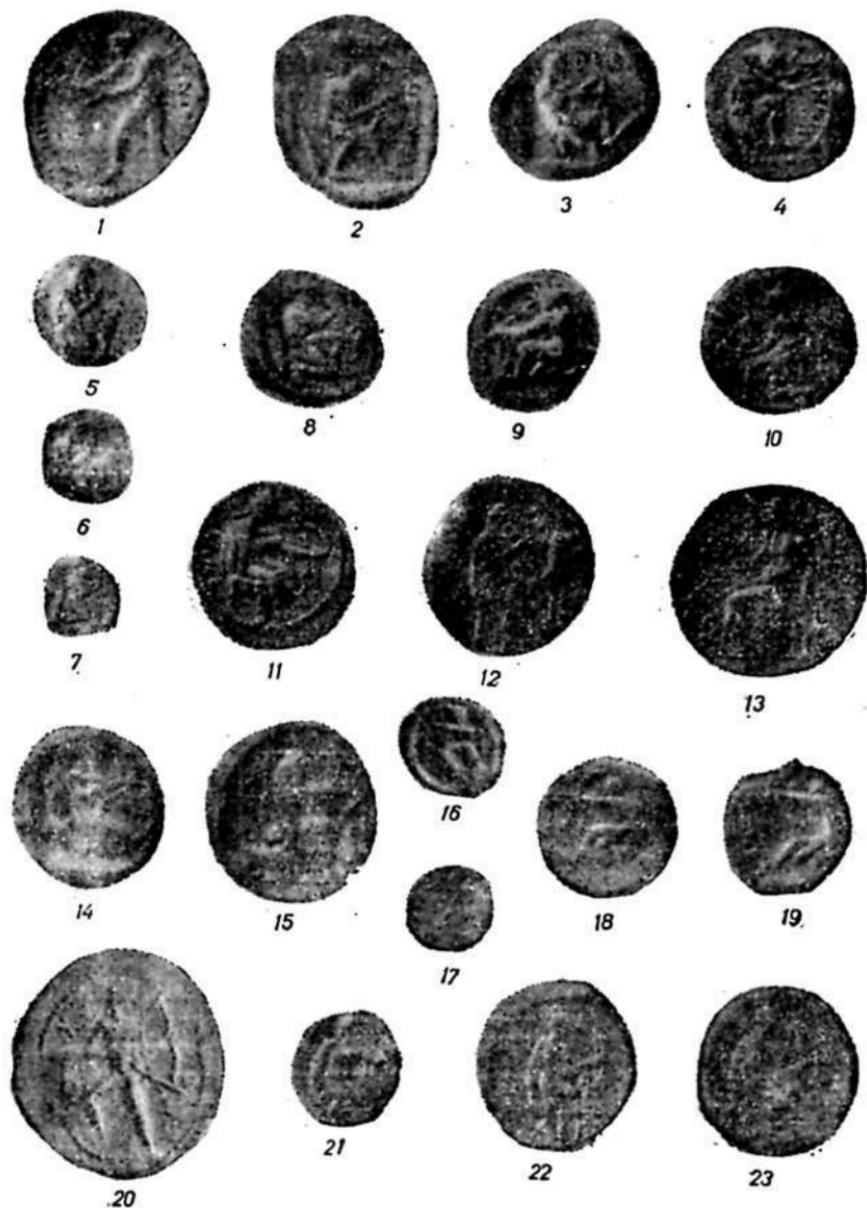

ТАБЛИЦА I

1 — Крит, Кидония (IV в. до н. э.); 2, 3 — Беотия, Фивы (середина V в. до н. э.); 4 — Ольвия, Эминак (середина V в. до н. э.); 5, 6 — синды (последняя четверть V в. до н. э.); 7, 8, 9 — Мизия, Кизик (V в. до н. э.); 10 — Кидония, Солы (середина V в. до н. э.); 11 — Киликия, Тарс (?), сатрап Датам (70-е годы IV в. до н. э.); 12 — Херсонес Таврический (середина IV в. до н. э.); 13 — Селевкидское царство, Антиох III (около 226 г. до н. э.); 14 — Беотия, Фивы (середина V в. до н. э.); 15 — Фасос (конец V — начало IV в. до н. э.); 16 — Херсонес Таврический (первая половина III в. до н. э.); 17—19 — Ольвия (II—I вв. до н. э.); 20 — Боспорское царство, Савромат II (около 190 г. н. э.); 21 — Мизия, Лампсак (V в. до н. э.); 22, 23 — Херсонес Таврический (конец IV — начало III в. до н. э.).

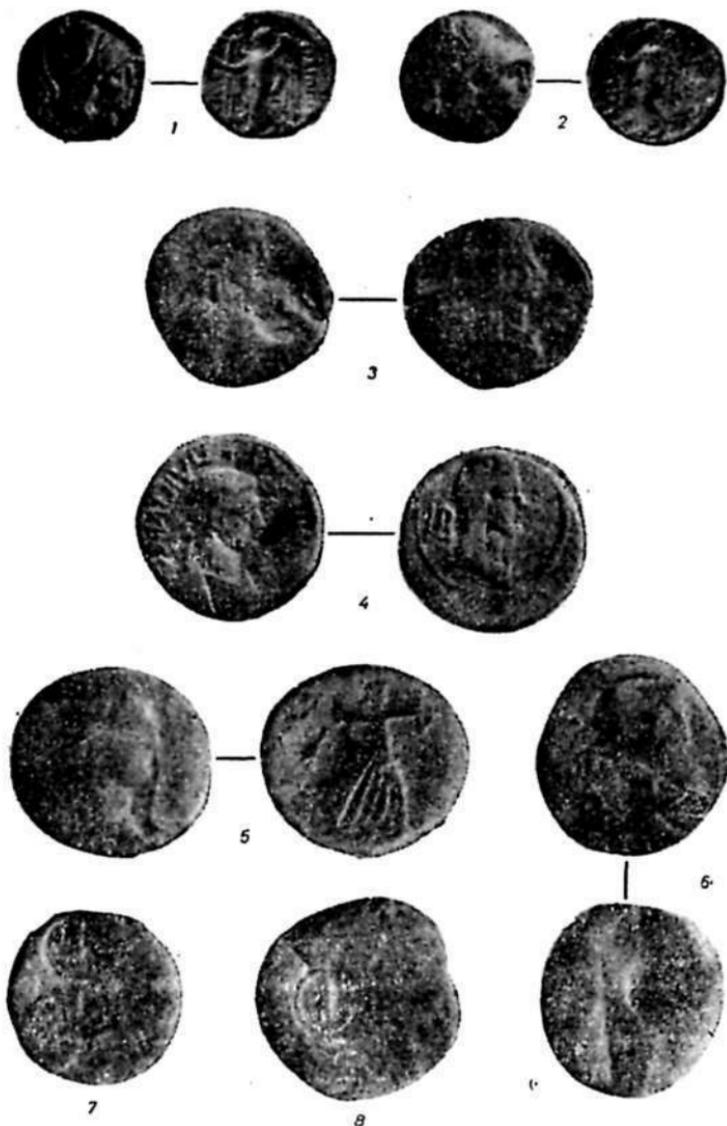

ТАБЛИЦА II

1 — золотой статер Филиппа Арридея, найденный в Ольвии в 1978 г. (Киев, Институт археологии АН УССР); 2 — золотой статер Филиппа Арридея, найденный в Ольвии в конце XIX в. (Одесский музей); 3 — монета царицы Гепеирии с херсонесской надчеканкой; 4 — обычная монета Гепеирии; 5, 6 — херсонесские монеты с надчеканкой; 7 — монета Гепеирии с херсонесской надчеканкой; 8 — стертая херсонесская монета с надчеканкой.

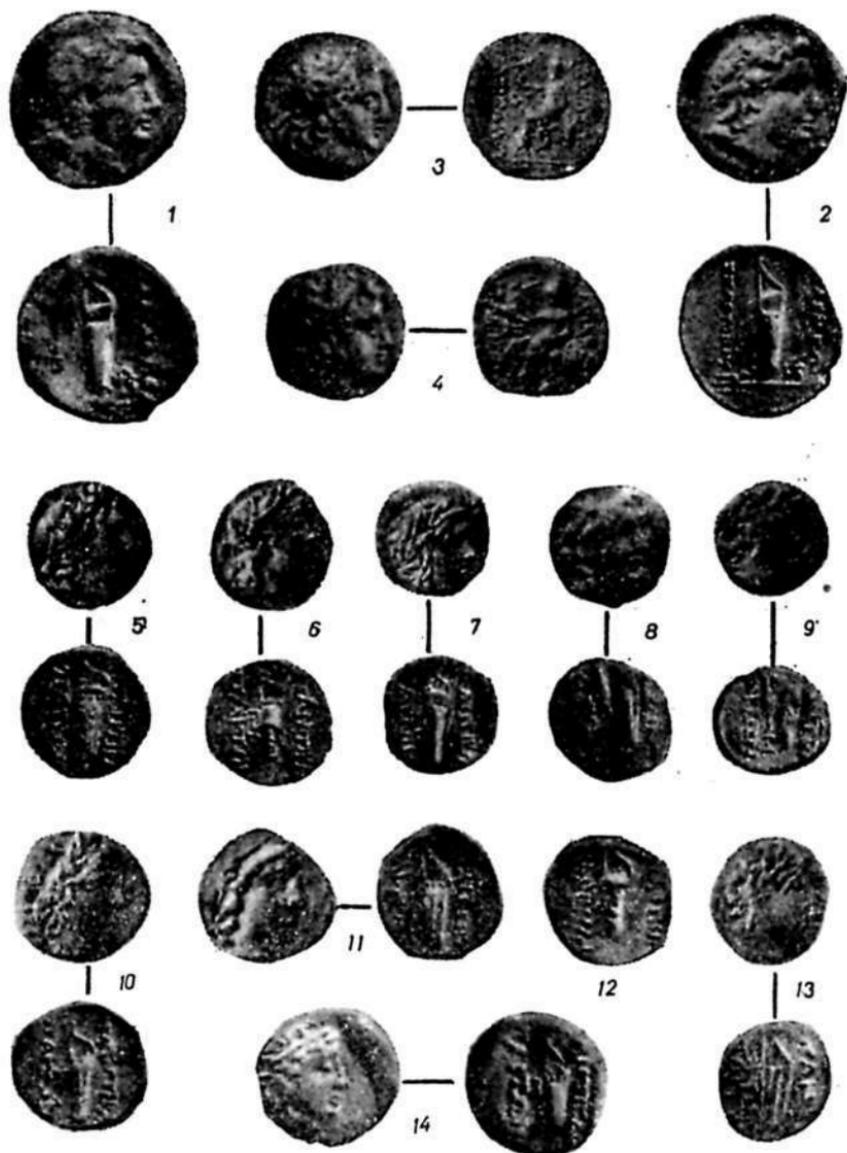

ТАБЛИЦА III

1 — дидрахма царя Спартока из собрания И. С. Румишцева (ГИМ); 2 — дидрахма царя Спартока из коллекции Американского нумизматического общества; 3 — статор Перисада из Артюховского кургана (ГЭ); 4 — статор Перисада с дифференгом А (ГЭ); 5—13 — пантикапейские драхмы второй половины II в. до н. э.; 14 — бронзовая монета Пантিকাпея второй половины II в. до н. э.

ТАБЛИЦА IV

1—12 — статеры второго периода чеканки царя Рескупорида (558—564 гг. б. э.); 13 — статер Рескупорида 561 г. б. э. (из клада из пос. Уютное); 14 — статер Рескупорида 572 г. б. э. (из того же клада); 15 — статер Рескупорида 573 г. б. э. (из клада у хут. Батарейка).

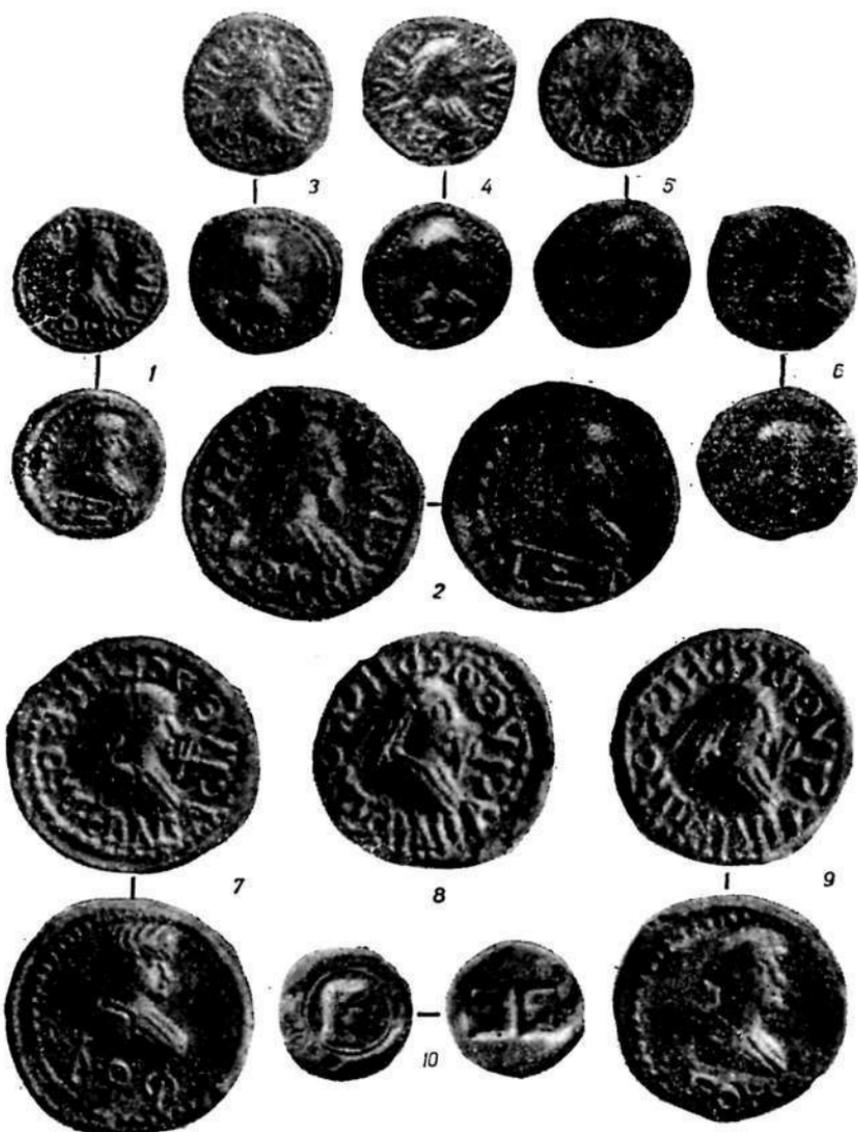

ТАБЛИЦА V

1 — статер царя Тейрана 563 г. б. э. (из клада у хут. Батарейка); 2 — то же (увеличен в два раза); 3—6 — статеры Тейрана 572—575 гг. б. э.; 7 — статер Рескупорида 572 г. б. э. (увеличен в два раза); 8 — статер Рескупорида 561 г. б. э. (avers; увеличен в два раза); 9 — статер Рескупорида 573 г. б. э. (увеличен в два раза); 10 — кохидская дидрахма из Гермонассы.

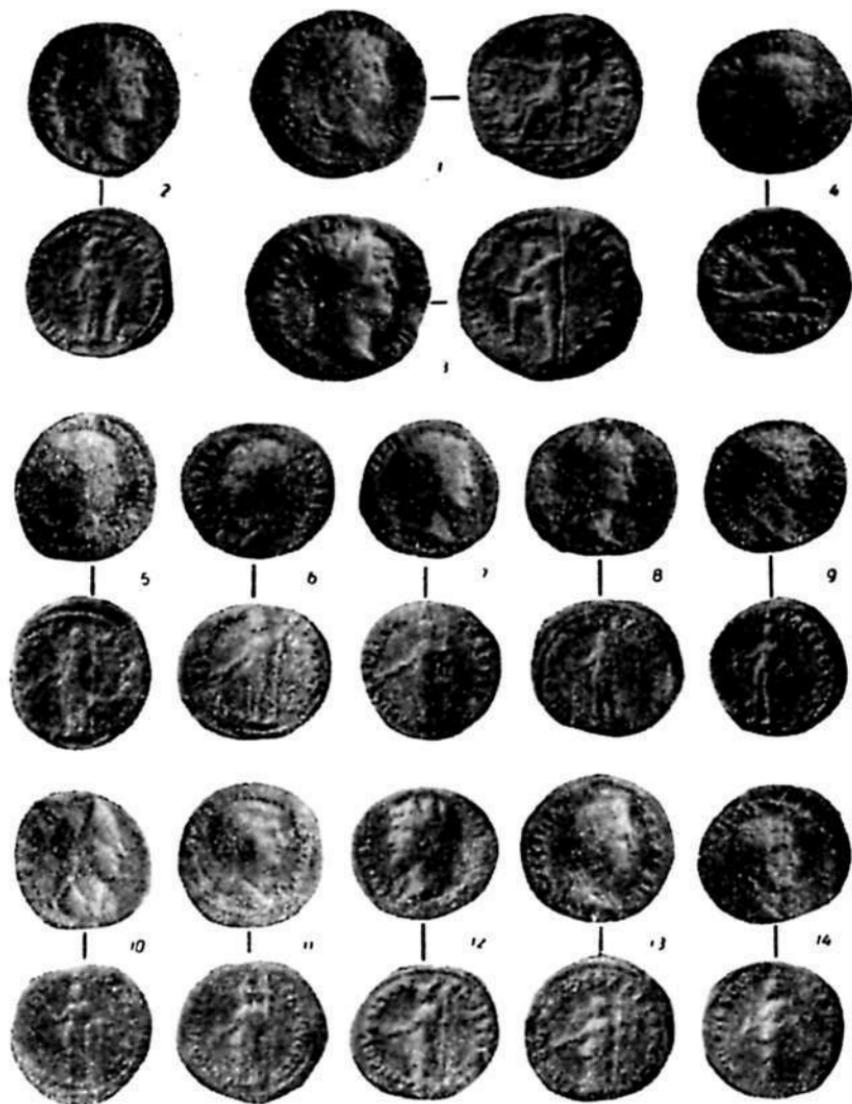

ТАБЛИЦА VI

1, 3 — тетрадрахмы Адриана, 2, 4-9, 11-12 — драхмы Адриана, 10, 13 — драхмы Сабины; 14 — драхма Антонина Пия.

ТАБЛИЦА VII

1 — драхма Синопы (конец VI — начало V в. до н. э.); 2 — драхма Синопы (первая половина V в. до н. э.); 3 — драхма Синопы (середина V в. до н. э.); 4 — драхма Синопы (конец V в. до н. э.); 5, 6 — драхмы Синопы (первая половина IV в. до н. э.); 7 — статер Кизина (V в. до н. э.); 8 — литая бронзовая монета Ольвии (конец V — начало IV в. до н. э.); 9 — бронзовая монета Ольвии (около 330 г. до н. э.); 10 — бронзовая монета Истрии (I в. до н. э.); 11 — драхма Истрии (вторая половина V в. до н. э.); 12—14 — драхмы Истрии (первая половина IV в. до н. э.); 15—17 — бронзовые монеты Ольвии (вторая четверть IV в. до н. э.).

ТАБЛИЦА VIII

11 — литая бронзовая монета Ольвии (первая половина V в. до н. э.); 2, 3, 6 — статеры Кизина (первая половина IV в. до н. э.); 4 — бронзовая монета Ольвии (последняя четверть IV в. до н. э.); 5 — бронзовая монета Истрии (III в. до н. э.); 7, 8 — статеры Ольвии (последняя треть IV в. до н. э.); 9 — бронзовая монета Ольвии (конец I в. н. э.); 10, 11 — бронзовые монеты Ольвии (последняя треть I в. н. э.); 12 — серебряная монета Истрии (avers; середина V в. до н. э.); 13 — серебряная монета Кирены (монет VI — начало V в. до н. э.); 14 — диобол фракийского царя Спарадокса (третья четверть V в. до н. э.); 15 — то же (увеличен в два раза); 16 — драхма одрисского царя Реметалма (монет I в. до н. э. — начало I в. н. э.).

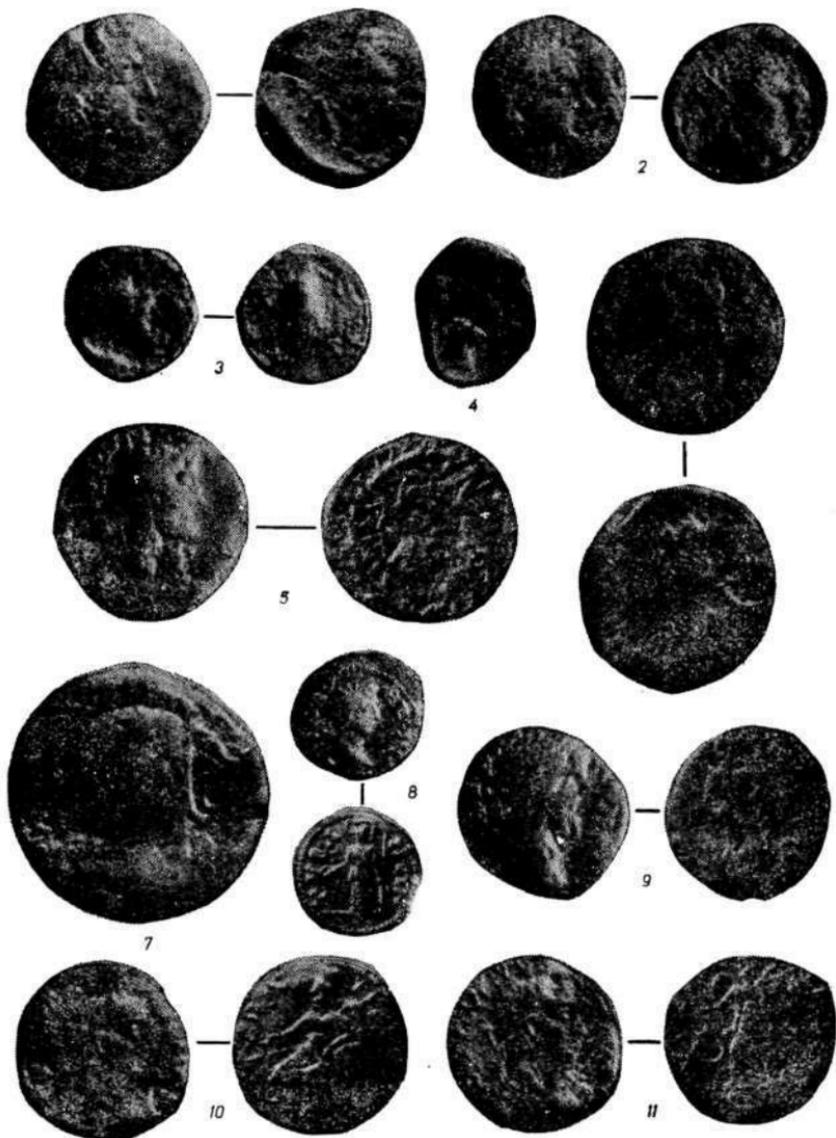

ТАБЛИЦА IX

1, 2 — бронзовые монеты Тира (вторая половина IV в. до н. э.); 3 — бронзовая монета Тира (II в. до н. э.); 4 — тирасское клеймо на стертой монете Тира; 5 — бронзовая монета Тира с изображением римского сената (вторая четверть I в. н. э.); 6 — римская бронзовая монета Августа с тирасским клеймом; 7 — римская бронзовая монета Агриппины Старшей с тирасским клеймом (аверс); 8 — тирасская бронзовая монета Коммода; 9 — тирасская бронзовая монета Септимия Севера; 10, 11 — бронзовые тирасские монеты Севера Александра.

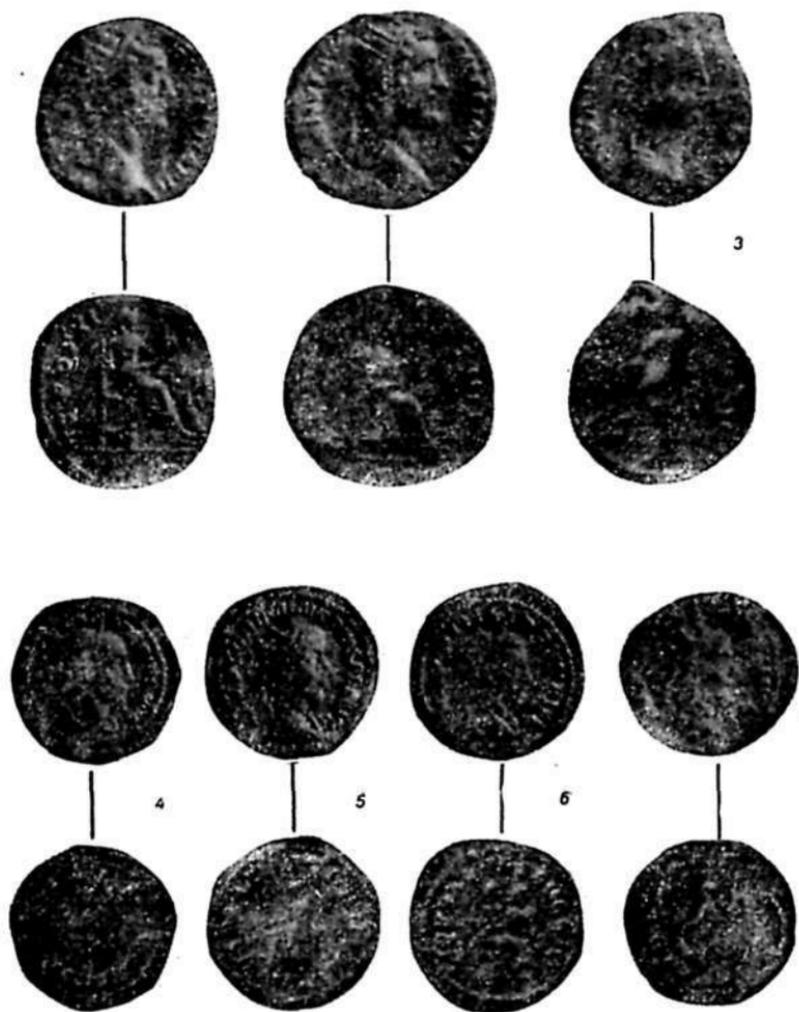

ТАБЛИЦА X

1, 2 — дупондии Антонина Пия; 3 — асс Фаустины Старшей; 4 — денарий Севера Александра; 5 — антониниан Гордиана III; 6 — антониниан Филиппа Младшего; 7 — антониниан Требониана Галла.

ТАБЛИЦА XI
Одесская каменъ Траяна (вид спереди).

ТАБЛИЦА XII
Одесская камея Траяна (профиль справа и слева).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИБ** — Археология и история Боспора
АИУ — Археологические исследования на Украине
АМ — Зограф А. Н. Античные монеты. — МИА, 1951, № 16.
АО — Археологические открытия (по годам)
АП УРСР — Археологічні пам'ятки УРСР
ВДИ — Вестник древней истории
ВОКК — Вісник Одеської комісії краєзнавства, секція археологічна
Г. 6, а. — год боспорской эры
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗООА — Записки Одесского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия археологической комиссии
ИВАИ (ИАИ БАН) — Известия на Българския археологически институт
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИНМВ — Известия на Народния музей. Варна
ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры
КВН — Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965
КС ИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КС ИИМК — Краткие сообщения института истории материальной культуры
КГ ОАМ — Краткие сообщения Одесского археологического музея
КРМ — Кропоткин В. В. Клады римских монет на территории СССР. — САИ, вып. Г 4—4. М., 1961
КУ — Каталог собрания древностей гр. А. С. Уварова. Вып. 7; Монеты Боспорского царства и древнегреческих городов, находившихся в пределах нынешней России, М., 1887

- МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
 МДБ — Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 МТ — Зограф А. Н. Монеты Тирь. М., 1957
 НО — Надписи Ольвии (1917—1965). Л., 1968
 НСб. — Нумизматический сборник Московского нумизматического общества
 НСб. ГИМ — Нумизматический сборник Государственного Исторического музея
 НЭ — Нумизматика и эпиграфика
 ОАК — Отчет Археологической комиссии (по годам)
 ОКМ — Бурачков П. О. Общий каталог монет, принадлежащих эллиническим колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря в пределах нынешней Южной России. Ч. 1. Одесса, 1884
 Пр. ОДУ — Праці Одеського державного університету. Серія історичних наук
 СА — Советская археология
 САИ — Свод археологических источников.
 СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры
 СГМИИ — Сообщения Государственного музея изобразительных искусств
 СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
 ТК — Нудельман А. А. Топография кладов и находок единичных монет. — Археологическая карта Молдавской ССР. Вып. 8. Кишинев, 1976
 ТМНО — Труды Московского нумизматического общества
 Труды ГИМ — Труды Государственного исторического музея
 Труды ГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
 ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
 УИЖ — Український історичний журнал
 АЖА — American Journal of archaeology
 АМДМ — Pick B., Regling K. Die antiken Münzen von Dacien und Moesien. Berlin, 1898—1910, 1—2
 Bul. SNR — Buletinul Societatii numismatice Romane
 САН — The Cambridge ancient history. London, 1913—1939, 1—12
 СВМ. Mysia — Wroth W. A Catalogue of the greek coins in the British Museum. Mysia. London, 1892
 СВМ. Peloponnesus — Gardner P. A Catalogue of the greek coins in the British Museum. Peloponnesus (excluding Corinth). London, 1887
 СВМ. Pontus — Wroth W. A Catalogue of the greek coins in the Bri

- tish Museum. Pontus, Paphlagonia, Bithynia and the Kingdom of Bosporus. London, 1889
- CBM. Roman empire — Mattingly H. A Catalogue of the coins of the Roman empire in the British Museum. London, 1923—1940, 1—4
- CBM. Roman republic — Grueber H. A. A Catalogue of the coins of Roman republic in the British Museum. London, 1910, 1—3
- CBM. Thrace — Head B. V., Gardner P. A Catalogue of the greek coins in the British Museum. The Tauric Chersonese, Sarmatia, Dacia, Moesia, Thracia. London, 1877
- DHMER — Cohen H. Description historique des monnaies frappées sous l'empire Romaine. 2 édition, Paris, 1880—1892, 1—8
- HBN — Hamburger Beiträge zur Numismatik
- Histria 1 — Histria. Monografie arheologica. Bucuresti, 1954, 1
- Histria 4 — Parvan V. Histria IV: inscriptii gasite in 1914 si 1915.— Analele Academiei Romane. Memoriile sectiunii istorice. 1916, seria 3, tomul 38
- HN — Head B. V. Historia numorum. A Manual of greek numismatics. New and enlarged edition. Oxford. 1911
- IGCH — Thompson M., Mörkholm O., M. C. Kraay. A inventory of greek coin hoards. New York, 1973.
- IPE 1 — Latyshev B. Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini. Editio 2. Petropoli, 1916, 1
- IPE 2 — Latyshev B. Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini, Petropoli, 1890, 2
- JHS — The Journal of hellenic studies
- JIAN — Journal international d'archéologie numismatique
- NC — The Numismatic chronicle
- NNM — Numismatic notes and monographs
- NZ — Numismatische Zeitschrift
- RE — Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa unter Mitwirkung zahlreicher Fachgenossen.
- RG, 1 — Babelon E., Reinach Th. Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure, commencé par W. H. Waddington. Paris, 1925, t. 1, fasc. 1 (deuxième édition)
- RIC — Mattingly H., Sydenhame E. A. The Roman imperial coinage. London, 1923—1951, 1—9
- RN — Revue numismatique
- Sammlung Aulock — Sylloge nummorum Graecorum. Deutschland. Sammlung von Aulock. Berlin, 1957—1968, 1—18
- SchwNR — Schweizerische numismatische Rundschau (Revue Suisse de numismatique)
- SCIV — Studii si cercetari de istorie veche

- SCN** — Studii si cercetari de numismatica
SEG — Supplementum epigraphicum Graecum
SIG — Sylloge inscriptionum Graecarum a G. Dittenber-
gero condita et aucta. Editio 3, Lipsiae, 1915—1923,
1—4
TMGR — Babelon E. Traité des monnaies grecques et romai-
nes. Deuxième partie: description historique, Paris,
1907—1932, 1—4
ZfN — Zeitschrift für Numismatik

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
З ЭГРАФ А. Н. Лук и стрельба из него на монетах Северного Причерноморья	5
РУБАН В. В. О хронологическом соотношении литых стреловидных бронзовых монет на территории Нижнего Побужья	15
ЗАГИНАЙЛО А. Г. Каменный клад стреловидных литых монет	20
УРСАЛОВ В. Н. Литая ольвийская монета, найденная на поселении Козырка II	28
АБИКУЛОВА М. И., ПИВОРОВИЧ В. Б. Неопубликованные находки ольвийских монет на поселениях Нижнего Днепра (по материалам Херсонского музея)	30
КРЫЖИЦКИЙ С. Д. Статер Филиппа Арридея, найденный в Ольвии в 1978 г.	32
ГРАНДМЕЗОН Н. Н. Заметки о монетах Херсонеса Таврического	34
АЛЕКСЕЕВ В. П., КОЦНЕВСКИЙ А. С. Херсонесская надчеканка на монете Боспорского царства	42
ШЕЛОВ Д. Б. К истории обращения пантикапейских медных монет	45
ГОЛЕНКО К. В. Новая монета цари Спартока	50
ФРОЛОВА Н. А. О римско-боспорских отношениях в I — середине III в. н. э. по нумизматическим данным	55
АШРАФИАН А. А. О некоторых нумизматических датах Боспора в III в. н. э.	64
ВАРТАНОВ Г. А. Колхидская дидрахма, найденная в Гермонассе	71
ПАНФИЛОВА С. В. Серебряные монеты римского Амиса из собрания Одесского музея	75
КАРЫШКОВСКИЙ П. О. Об изображении орла и дельфина на монетах Синоп, Истрии и Ольвии	80
БУЛАТОВИЧ С. А. О классификации и хронологии электровых монет Кизика	98
АЛЕКСЕЕВ В. П. Семантика аверсного типа серебряных истрийских монет V — IV вв. до н. э.	106
ДИАМАНТ Э. И. Две серебряные монеты фракийских царей, найденные в Тире	111

КОЦИЕВСКИЙ А. С. Несколько неизданных монет Тиря из частных собраний	117
НУДЕЛЬМАН А. А. Римская монета в междуречье Днестра, Прута и Дуная	125
БОНДАРЬ Р. Д. Находка бронзовых монет Антонина Пия в Орловке	133
РОЗУМЕНКО Ю. Г. Клад антонинианов из Болградского района . .	135
ДЗИС-РАЙКО Г. А. Гири из Надлиманского городища	138
ТАРАДАШ А. М. Камень Траяна из собрания Одесского археологического музея	140
ГРЕБЕНКИН В. Н., ЗАГИНАЙЛО А. Г. К вопросу о применении статистических методов при изучении монетно-весовых систем . . .	143
Список сокращений	159

НУМИЗМАТИКА АНТИЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Сборник научных трудов

Утверждено к печати ученым советом Одесского археологического музея АН УССР

Редактор Т. Н. ТЕЛИЖЕНКО
 Оформление художника А. Д. СТЕПЕНКО
 Художественный редактор С. П. КВИТКА
 Технический редактор Б. М. КРИЧЕВСКАЯ
 Корректоры З. И. СОКОЛИНСКАЯ, С. Д. СЕМЕНОВНА

Информ. бланк № 5037.

Сдано в набор 81.08.20. Подп. в печ. 82.02.11. БФ 00622. Формат 60×90¹⁴/₁₆. Бум. тип. № 1, Общ. нов. гарн. Вмс. печ. Усл. печ. л. 10,25. Усл. кр.-отт. 10,52. Уч.-изд. л. 12,32. Тираж 5000 экз. Заказ № 1—1978. Цена 80 коп.

Издательство «Наукова думка», 252601, Киев, ГСП, Решина, 3.

Изготовлено Нестеровской городской типографией, г. Нестеров, Львовской обл., ул. Горького, 8 с матриц Головного предприятия РПО «Полиграфвидав», 252057, Киев-57, Довженко, 3. Зак. № 1030.

Цена 50 коп.

«НАУКОВА ДУМКА»

